

Эк. 91

Н.И. Журавлева

АНТИСОВЕТИЗМ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОГРАФИИ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Н.И. Журавлева

АНТИСОВЕТИЗМ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОГРАФИИ

Москва «Мысль»

1987

~~ББК 60.7~~
Ж 91

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДЕМОГРАФИИ
И СОЦИАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ НАСЕЛЕНИЯ

Рецензенты:

Г. М. Коростелев, А. П. Судоплатов

Ж $\frac{0703000000-089}{004(01)-87}$ 28-87

В материалах XXVII съезда КПСС вновь была подтверждена необходимость борьбы с буржуазной идеологией по всем направлениям. Так, в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза отмечалось: «...забывать о том, что «психологическая война» — это борьба за умы людей, их миропонимание, их жизненные, социальные и духовные ориентиры, не имеем права. Мы имеем дело с искушенным классовым противником, политический опыт которого разнообразен, измеряется по времени веками» [14, с. 88].

Так называемая советология — комплекс дисциплин в буржуазном обществоведении, нацеленных на изучение СССР и характеризующихся в целом антисоветской направленностью, — включает анализ многих вопросов экономического и социально-политического развития советского общества. Среди них все большее место занимает анализ проблем населения СССР. Советологические демографические исследования играют возрастающую роль как в идеологической борьбе против социализма, так и в прикладных исследованиях по СССР, ведущихся различными советологическими центрами и организациями. В таких условиях особую актуальность приобретает критический анализ буржуазных концепций демографического развития советского общества.

В идеологической борьбе против социализма эти концепции используются буржуазными советологами для широких социальных и политических обобщений и выводов, искажающих советскую действительность и реальную политику Советского государства. В то же время буржуазные концепции демографического развития СССР приводятся в подтверждение наиболее распространенных буржуазных социологических теорий общественного развития («модернизации», «конвергенции», «единого индустриального общества»). Демографический аспект часто становится важной составной частью различного рода «доктрин социализма», особенно доктрин национальных отношений («русификации», «этнической стратификации», «дезинтеграции» и т. д.). Так

называемый анализ современной демографической ситуации в СССР и ее последствий является в настоящее время одним из компонентов психологической войны против СССР.

Работы буржуазных специалистов в области проблем народонаселения СССР имеют и вполне реальное прикладное значение. Они относятся к тем направлениям в советологических исследованиях, которые ориентированы на то, чтобы давать практические советы политикам, поставлять необходимую информацию государственным органам. Составление прогнозов населения СССР — его общей численности, численности трудовых ресурсов, контингентов призывников, учащихся и т. д. — является для буржуазных специалистов важной информационной базой в определении перспектив развития советского общества, его экономического и оборонного потенциала.

Практическая направленность советологических демографических концепций состоит в том, что буржуазные советологи целенаправленно формируют представление западных политических и военных деятелей о демографической ситуации в СССР и его регионах, о влиянии демографического фактора на экономику, политику, национальные отношения, боеспособность Вооруженных Сил, международное положение Советского государства. Важную роль в этом отношении играют доклады по демографической проблематике, представляемые на рассмотрение Объединенной экономической комиссии конгресса США, на коллоквиумы НАТО по проблемам социалистических стран (Брюссель), доклады, подготовленные для различных государственных органов. Среди них можно назвать, например, следующие: доклад «Демографические различия на уровне республик», подготовленный У. Изоном для коллоквиума НАТО «Региональное развитие в СССР»; доклад М. Фешбаха «Перспективы миграции из Средней Азии и Казахстана в следующем десятилетии», подготовленный для Объединенной экономической комиссии конгресса США. В компендиуме докладов для конгресса США, опубликованном в 1983 г., содержится уже целый ряд докладов по проблемам населения СССР: С. Рапави и Дж. Болдуина «Тенденции демографических процессов в Советском Союзе: 1950—2000 годы», М. Фешбаха «Тенденции развития мусульманского населения: демографический аспект» и «Проблемы советского здравоохранения», Э. Гудман и Дж. Шлейфера «Рынок труда в СССР в

80-е годы». Можно в качестве примера привести и доклад Р. Ривкина для Управления внешних исследований госдепартамента США «Политические последствия демографического и индустриального развития Средней Азии» и др. [214; 223; 227; 228; 308; 313].

Следует отметить, что в последние годы в капиталистических странах, и в первую очередь в США, через каналы массовой информации, прежде всего через газеты, активно пропагандируются тезисы о «кризисе населения» в СССР, о «кризисе советского здравоохранения» и им подобные. Причем рассматриваются приводимые «факты» как якобы свидетельство «кризиса социальной системы в целом». Таким образом, подтверждается положение, содержащееся в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, о том, что антикоммунизм и антисоветизм — «это не только политика внешняя. В современной системе империализма это и важнейшее направление политики внутренней...» [14, с. 13].

В предлагаемой вниманию читателя книге анализируется современная американская литература по проблемам народонаселения СССР¹, представленная монографиями, статьями в сборниках и журналах, докладами, выдвигаемыми на рассмотрение Объединенной экономической комиссии конгресса США, ежегодных коллоквиумов НАТО в Брюсселе по проблемам социалистических стран, различных конференций и симпозиумов.

Демографическим проблемам нашей страны были посвящены следующие конференции и симпозиумы, проходившие в США и относящиеся в основном к 70-м годам, когда шел процесс «консолидации сил» демографов-советологов: «Кризис населения в СССР» (1973 г., Государственный университет штата Огайо); «Изменение демографической ситуации и национальный вопрос в СССР» (1975 г., Колумбийский университет); «Русская и советская демография» (1974 г., Принстонский университет, Нью-Джерси); «Демография и урбанизация»

¹ По проблемам народонаселения СССР и других социалистических стран публикуются работы во Франции, Англии, ФРГ и ряде других капиталистических стран, но безусловное лидерство — как по количеству исследований, так и по широте охватываемых проблем — принадлежит американским демографам. Поэтому именно их работы, а также работы некоторых других авторов, сотрудничающих в американских изданиях, являются объектом специального анализа в данной книге.

ция в Восточной Европе» (февраль 1976 г., Калифорнийский университет, Лос-Анджелес); «Перспективы миграции населения Средней Азии в следующем десятилетии» (1977 г., конференция проводилась Отделом международного демографического анализа Бюро цензов департамента торговли, Вашингтон); «Экономика и семья в СССР» (1981 г., институт Кеннана); «Демография и советское общество: социальные и культурные аспекты» (1981 г., институт Кеннана) и др.

В США существует целый ряд организаций, в которых активно исследуются проблемы населения СССР. Среди них можно назвать следующие: Отделение по изучению СССР и стран Восточной Европы Центра международных демографических и экономических исследований Бюро цензов департамента торговли США, Вашингтон; Государственный университет штата Огайо; Колумбийский университет; Центр по изучению населения Принстонского университета; Калифорнийский университет (Беркли); Русский исследовательский центр и Центр населения Гарвардского университета; Лаборатория по изучению населения Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес); Центр изучения населения Мичиганского университета и др.

Для многих американских авторов характерен устойчивый интерес к проблемам народонаселения СССР. Среди них Б. Андерсон, П. Грэндстафф, Дж. Демко, Х. Десфоссес, А. Ди Майо, У. Изон, Р. Клем, Р. Льюис, Н. Любин, Д. П. Мазур, М. Ривкин, Р. Роулэнд, М. Фешбах, Д. Хир, Дж. Чинн и др.

Основная часть работ американских демографов по проблемам населения СССР приходится на период с начала 70-х годов. К довоенному периоду относится немного работ [см., например: 217; 261; 323 и др.], за период 40—60-х годов было опубликовано около ста работ, а с 70-х годов по 1985 г. — более трехсот.

Возросший интерес американских авторов к проблемам населения СССР объясняется рядом причин. Во-первых, это общее усиление внимания к нашей стране, обусловленное всевозрастающей ролью СССР и стран мирового социалистического содружества на мировой арене. Во-вторых, в 70-х годах обострились проблемы народонаселения в СССР, что привлекло самое пристальное внимание западных исследователей. В-третьих, усилилась идеологическая борьба на современном этапе.

Нельзя не учитывать и научного интереса западных исследователей к тем изменениям, преобразованиям в демографической сфере, которые совершались в кратчайшие в истории сроки в СССР, наличию на территории нашей страны одновременно сосуществующих различных типов воспроизводства населения.

Среди источников получения буржуазными исследователями информации о населении СССР можно назвать следующие: советские публикации статистических материалов; статистические публикации ООН; в редких случаях — статистические архивы других стран (в основном это касается данных по республикам Прибалтики до 1940 г.); материалы съездов КПСС, постановления Коммунистической партии и Советского правительства, выступления советских общественных и политических деятелей; западная демографическая литература по СССР; советская литература, в которой рассматриваются вопросы населения¹. В последнее время буржуазные авторы все чаще начинают использовать литературу на языках народов СССР, особенно коренных национальностей республик Средней Азии и Прибалтики. Наряду с тем, что многие западные исследователи имеют возможность ознакомиться с работами советских ученых на языке оригинала, целый ряд изданий регулярно помещает переводы статей советских авторов по демографическим проблемам².

Наибольшее внимание западные авторы уделяют работам информативного и проблемного характера. Теоретические же исследования советских авторов используются буржуазной советологией значительно меньше. Если же говорить о тематике анализируемых ими советских публикаций, то наиболее интенсивно буржуазные идеологи используют литературу о различиях демографических тенденций в отдельных регионах, литературу по проблемам миграции, рождаемости, по формированию трудовых ресурсов, по проведению демографической политики в СССР. Взяв информацию из советских источников, буржуазные специалисты, как правило, не идут по пути явного искажения фактов (хотя

¹ Надо сказать, что западные исследователи анализируют не только научную советскую литературу по демографической проблематике, но и популярные издания, журнальные и газетные публикации, особенно на страницах «Литературной газеты».

² Можно назвать следующие издания: Current Digest of Soviet Press; Soviet Review; Soviet Geography; Soviet Sociology; Problems of Economics; Soviet Law & Government.

такие случаи также имеются), а тенденциозно освещают факты, целенаправленно интерпретируют существующие демографические процессы.

Для того чтобы определить место советологических демографических исследований в буржуазном общественном образовании, необходимо указать, что названная область исследований является одновременно и составной частью буржуазной демографии, и составной частью буржуазной советологии. Естественно поэтому, что советологические демографические исследования вобрали в себя основные характерные черты и буржуазной демографии, и советологии. Это такие черты, как классовая ограниченность, отсутствие научной методологической основы анализа социальных процессов и явлений, свойственные буржуазной демографии (которые присущи и буржуазной общественной науке в целом), использование идей демографического детерминизма. В то же время рассматриваемая нами область исследований вобрала в себя такие характерные черты советологических работ, как антисоветская направленность, зависимость от изменений международной обстановки, когда период ее обострения характеризуется появлением особенно реакционных концепций, а также ориентированность на официальные органы власти — советология на Западе традиционно рассматривается как «самая ориентированная на правительство наука».

Советологические демографические исследования, являясь составной частью как буржуазной демографии, так и советологии, отразили и те существенные изменения, которые претерпевали эти дисциплины. Самые значительные изменения в буржуазной демографии сводятся к тому, что в 50—60-х годах начинается переход от преимущественно эмпирических исследований, количественных методов анализа в рамках демографической статистики к качественному анализу демографических процессов, изучению взаимосвязи экономических, социальных и демографических факторов общественного развития, причин и последствий демографических процессов. Отмеченный переход характерен и для западных демографических исследований по СССР.

На современном этапе в отличие от работ 40—60-х годов (см. приложение) преобладают не эмпирические исследования, а работы проблемного характера и работы, в которых буржуазные авторы пытаются дать теоретическую интерпретацию демографических процессов в СССР.

Какие же наиболее существенные изменения претерпевает в своем развитии советология и какое отражение это находит в демографических исследованиях по СССР? В первой половине 60-х годов в советологии начинается пересмотр концепции «советского тоталитаризма», носившей откровенно антисоветский характер и господствовавшей в годы «холодной войны». Обозначается переход к «индустриалистским» концепциям, направленным на поиски сходства в развитии двух социальных систем, — «единого индустриального общества», «конвергенции», «модернизации» и другим аналогичным теориям. Но с середины 70-х — начала 80-х годов, в период обострения идеологической борьбы, вновь все шире начинают использоваться концепции в духе тоталитаризма. Это связано с усилением позиций представителей правого крыла в буржуазной политике и идеологии. Теории же идеологов умеренного крыла буржуазии (теория «конвергенции» и ей подобные) все больше начинают отходить на задний план. Такая эволюция в определенной мере характерна и для советологических демографических исследований. Однако следует отметить, что концепция «тоталитаризма» как методологическая основа анализа демографических процессов в СССР не получила широкого распространения и никогда не являлась господствующей. А методология «индустриализма», утвердившаяся в демографических исследованиях по СССР в 70-х годах, и поныне остается определяющей.

Давая общую характеристику работам буржуазных авторов, посвященным анализу демографических процессов в СССР, необходимо отметить, что среди работ буржуазных демографов есть и такие, в которых на основе внимательного изучения статистических материалов, фактов советской действительности, трудов советских ученых авторы стремятся быть объективными и стараются дать вдумчивую и обоснованную трактовку проблем населения в СССР. К таким работам можно отнести, например, следующие монографии: Ф. Ноутстейна «Будущее население Европы и Советского Союза» (1944) [295]; Ф. Лоримера «Население Советского Союза, история и перспективы» (1946) [277]; ряд работ Ч. Харриса по проблемам урбанизации в СССР [246—248]; исследования Д. П. Мазура по проблемам воспроизводства населения СССР; монографию, подготовленную в Центре по изучению проблем населения Принстонского университета Э. Коулом, Б. Андерсон и

А. Херм «Рождаемость в России с девятнадцатого столетия» (1979) [189] и др.

Однако подавляющее большинство работ буржуазных авторов либо открыто, либо по своему объективному содержанию смыкается с антисоветизмом. Что же касается тематики исследований, то интерес к той или иной проблеме на протяжении периода с 40-х по 80-е годы не оставался неизменным (см. приложение). В настоящее время основными направлениями буржуазных демографических исследований по СССР являются следующие: прежде всего региональные различия демографических процессов, а также проблемы рождаемости, смертности, миграции, демографической политики, демографический аспект формирования и использования трудовых ресурсов, развитие демографической науки в СССР.

Нами будут проанализированы только работы американских авторов, которые представляют ведущее направление как по характеру проводимого исследования, так и по тематике, т. е. работы концептуального характера по названным проблемам. Они относятся в основном к периоду с середины 70-х годов и до середины 80-х, более ранние работы будут рассматриваться только в случае необходимости анализа в исторической ретроспективе.

Фундамент научной критики советологических демографических концепций должны составлять ленинские принципы критики идейных противников. Основопологающим является принцип партийности, который требует, как указывал В. И. Ленин, «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [4, с. 419]. Важнейшим методологическим требованием критики является конкретно-исторический подход. С этой точки зрения для демографов и социологов особое значение имеет работа В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой он подверг критике работу П. Сорокина о росте разводов в Советской России, игнорирующую сущность социалистических преобразований «в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей» [11, с. 32]. Что касается выбора объекта критики, то В. И. Ленин останавливался прежде всего на наиболее вредных, наиболее опасных теориях, при этом рассматривал либо работы отдельных авторов, либо идейное направление в целом. Среди ленинских принципов методики критики можно назвать

и безусловное превалирование в критике рационального над эмоциональным. Отметим также, что В. И. Ленин выступал за объективное отражение взглядов идейных противников, что является необходимым условием добросовестности, а значит, и эффективности критики. «Нельзя критиковать известного автора, нельзя *ответить* ему, — указывал В. И. Ленин, — если не приводить целиком хотя бы главнейших положений его статьи» [7, с. 113]. Наконец, еще один важнейший прием ленинской критики идейных противников — это использование противоречий в их взглядах — метод имманентной критики. Как писал В. И. Ленин, «когда *один* идеалист критикует основы идеализма *другого* идеалиста, от этого всегда выигрывает *материализм*» [6, с. 255].

В данной работе мы опирались на труды советских исследователей, в которых дана аргументированная критика буржуазных теорий народонаселения (работы Э. А. Араб-Оглы, А. Я. Боярского, Д. И. Валентея, Г. М. Коростелева, Я. И. Рубина, Б. Я. Смулевича, А. П. Судоплатова) [см. например: 36; 47; 81; 127; 132; 141—143].

Задача критического осмысления работ буржуазных демографов по проблемам народонаселения СССР уже начала привлекать внимание советских исследователей [см.: 40; 67; 143]. Однако систематизированный, цельный анализ такого рода работ пока еще не был предпринят. Между тем исследования американских демографов по проблемам населения СССР являются в настоящее время одной из важных составных частей буржуазной советологии. Для советских ученых весьма актуальна задача детального анализа, объективной научной оценки и своевременной марксистской критики работ буржуазных авторов по проблемам населения СССР. Автор рассматривает предпринятое исследование как один из этапов решения этой серьезной задачи.

Автор выражает глубокую признательность докт. филос. наук Коростелеву Г. М., канд. экон. наук Судоплатову А. П. и всем, кто содействовал подготовке к изданию и выходу в свет настоящей работы.

Демографические концепции американской советологии

1. Основные теоретические направления демографических исследований

Прежде чем перейти к критическому анализу тех или иных буржуазных концепций демографического развития СССР, необходимо выявить исходные позиции, которые занимают западные авторы, так как неправомерность этих концепций обусловлена в значительной степени несостоятельностью исходных предпосылок.

Можно выделить четыре основных направления, четыре подхода при интерпретации буржуазными авторами демографических процессов в СССР.

Представители *первого направления* исходят из концепции *тоталитаризма* или близких к ней концепций, искажающих политическую сущность социалистического государства и имеющих ярко выраженную антисоветскую направленность. Социалистическое общество, которое по природе социальных отношений является глубоко демократичным, идеологи «тоталитаризма» пытаются представить как «несвободное», «недемократичное», противопоставляя его так называемому «свободному западному обществу»¹. Сторонники концепции «тоталитаризма», согласно ее логике, рассматривают демографические процессы в СССР как якобы регулируемые «тоталитарным государством». Следует отметить, что концепция «тоталитаризма» не получила широкого распространения при анализе западными авторами демографического развития СССР, поскольку начало сравнительно интенсивных демографических исследований по СССР приходилось на период, когда эта теория уже утрачивала свои позиции. Тем не менее представляется необходимым остановиться на данной концепции, так как, во-первых, она подробно рассматривается в нескольких изданиях популярного на Западе учебника де-

¹ В советской литературе дана аргументированная критика доктрины «тоталитаризма» [см.: 80; 84; 91; 118].

мографии У. Петерсена [303—305], во-вторых, теория «тоталитаризма» с конца 70-х — начала 80-х годов переживает определенное возрождение. Это обусловлено общим усилением политических и идеологических позиций правого, консервативного крыла буржуазии, ослаблением позиций умеренного крыла. Не исключено, что возможен в том или ином виде возврат к этой теории и в области демографии¹.

Наиболее типичным представителем рассматриваемого нами первого направления советологических демографических исследований является американский демограф У. Петерсен. Применение концепции «тоталитаризма» в его работах носит цельный и законченный характер. Он последовательно в течение многих лет проводит свою позицию. Декларируя ее в годы «холодной войны», У. Петерсен и в 80-х годах продолжает ее отстаивать. Начиная с 60-х годов У. Петерсен утверждает, что в тоталитарном обществе, куда он причисляет и Советский Союз (наряду с нацистской Германией, что демонстрирует полную меру антисоветской направленности пресловутой концепции), якобы устанавливается и поддерживается всеобщий контроль за всеми и всем, включая демографические процессы [303, с. 405]. Как он утверждает, в «тоталитарном обществе все демографические процессы существенно отличаются от демографических процессов на Западе, так как все общественные институты подчинены государству и его идеологическому руководителю — партии» [303, с. 405]. У. Петерсен считает, что учет этих различий — необходимая предпосылка анализа демографических процессов. Он специально подчеркивает, что «тоталитарная система» является решающим фактором, определяющим состав населения по национальностям, регионам, социальным группам, соотношение городского и сельского населения. Нетрудно заметить, что в подобных заявлениях У. Петерсен пытается провести традиционное для буржуазной советологии неправомерное противопоставление интересов социалистического государства и советского народа, интересов партии и народа. При этом намеренно игнорируется принцип демократического централизма, лежащий в основе деятельности Коммунистической партии и Советского государства. Кроме

¹ Так, появились признаки возврата к концепции «тоталитаризма» при интерпретации американскими демографами демографической политики в СССР [см.: 325].

того, У. Петерсен искажает и пытается трактовать как тоталитарные плановый характер советской экономики, управление общественными процессами из единого центра, что является объективной закономерностью в условиях общественной собственности на средства производства, с которой связаны основные преимущества социалистической системы перед капиталистической.

Повышенную смертность в отдельные исторические периоды в СССР У. Петерсен пытается трактовать как якобы закономерное для социализма явление, полностью игнорируя факты истории нашей страны, навязанную Советскому государству иностранную интервенцию и гражданскую войну, агрессию фашистской Германии, которые привели к многочисленным человеческим жертвам и ухудшению здоровья населения. Таким образом, трактовка динамики смертности в СССР У. Петерсеном основана на ложной попытке представить понесенные Советским государством жертвы и потери как главный и вытекающий из специфики социализма фактор изменения динамики смертности в Советском Союзе.

Отметим, что даже некоторые буржуазные авторы указывают на несостоятельность подхода У. Петерсена к анализу демографических процессов в СССР, хотя и в их критике четко проявляются классовые позиции буржуазных авторов. Так, Р. Льюис и Р. Роулэнд считают, что уникальность демографических процессов в тоталитарном обществе не может быть подтверждена на советском примере, что генеральные тенденции демографических процессов в СССР аналогичны таковым во всех экономически развитых странах, и делают вывод, что модель тоталитарного общества еще раз показала свою непригодность для анализа советского общества [274, с. XXV].

Надо сказать, что У. Петерсен своеобразно воспринимает обвинения некоторых буржуазных специалистов в его адрес в попытке возродить дух «холодной войны». Он считает, что позицию его оппонентов не следует рассматривать как выражение «симпатии к коммунизму», такая точка зрения просто связана, по его мнению, с «узким пониманием демографии как дисциплины» [см.: 306, с. 684]. Сам же Петерсен противопоставляет этому «узкому» подходу к определению предмета демографии свой якобы «широкий» подход, при котором демография обязательно должна включать анализ специфики демографических процессов в зависимости от различия по-

литических систем, причем трактуемых в духе крайне правых буржуазных политологических идей.

Подводя итог, можно сказать, что при объяснении характера демографических процессов в СССР У. Петерсен, во-первых, игнорировал конкретные исторические условия развития нашей страны, трудности социалистического строительства, масштабность борьбы с внутренними и внешними врагами, пытавшимися свергнуть социалистический строй. Во-вторых, У. Петерсен игнорировал принцип демократического централизма, лежащий в основе деятельности партийных и советских организаций. В-третьих, он неправомерно отождествлял тоталитаризм с планомерным развитием советского общества. Надо также отметить, что все сторонники концепции «тоталитаризма» всячески акцентируют внимание на некоторых негативных явлениях, имевших место в жизни советского общества, но чуждых природе социализма. Советологи же стремятся возвести их в ранг закономерных явлений для социалистического общества.

Общий вывод состоит в том, что неправомерная и ложная трактовка политической природы социалистического государства приводит У. Петерсена к искажению сущности демографических процессов в советском обществе.

К сторонникам *второго теоретического направления* при анализе демографических процессов в СССР, опирающегося на *методологию «индустриализма»*, можно отнести американских исследователей, считающих, что для демографического развития СССР характерны те же закономерности, что и для других экономически развитых стран, независимо от их общественного строя (Р. Льюис, Р. Роулэнд, Р. Клем, Э. Коул, В. Андерсон, А. Херм, Д. Хир, Дж. Берент, П. Грэндстафф и др.). Это направление является ведущим в демографических исследованиях по СССР.

При рассмотрении демографических процессов в СССР авторы данного направления используют теорию «демографического перехода» (demographic transition), подобную ей теорию «миграционного перехода» (mobility transition) для анализа миграционных процессов, а также приложение теории «модернизации» (modernization) к анализу демографических процессов.

Методология «индустриализма», которая лежит в основе второго направления советологических демографических исследований, получила широкое распростране-

ние в буржуазном обществоведении. Наиболее характерной чертой этой методологии является «технологический детерминизм». Теоретики «индустриализма» рассматривают развитие общества как «автоматическое его эволюционирование по мере прогресса технологии», отсюда они выводят модель общества, применимую для всех промышленно развитых стран. Советские исследователи отмечают, что «„технологический детерминизм“ отражает некоторые реальные процессы возрастания роли научно-технического прогресса» и что «эти процессы с новой силой подтверждают правильность положения исторического материализма об определяющей роли производительных сил в диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений» [84, с. 51]. Советские ученые считают, что «коренное отличие „технологического детерминизма“ от исторического материализма состоит в том, что первый опускает во взаимодействии научно-технического, экономического и социального прогресса его решающее опосредствующее звено — производственные отношения. Стоящие на позиции „технологического детерминизма“ буржуазные идеологи готовы заимствовать у марксизма положение об определяющей роли производительных сил, игнорируя при этом активную роль производственных отношений» [84, с. 52].

Методология «индустриализма» находит конкретное приложение в таких буржуазных теориях общественного развития, как теории «единого индустриального общества», «стадий экономического роста», «модернизации», «конвергенции», и в других аналогичных теориях. Таким образом, для представителей выделенного нами второго направления советологических демографических исследований названные теории выступают по сути дела как методологическая основа анализа демографических процессов в СССР. Сторонники методологии «индустриализма» исходят из идентичности общественных процессов, включая демографические, во всех экономически развитых странах независимо от их общественного строя.

Утверждение названных теорий общественного развития в буржуазном обществоведении привело к расширению круга проблем, которые изучались советологами. Советский исследователь Н. В. Романовский считает, что «теория „единого индустриального общества“ привела к расширению диапазона тем, которые интересуют советологов... Наряду с сохранением тенденции

давать общие интерпретации советского общества упрощается стремление к анализу отдельных сторон функционирования социалистического общества и государства, к поиску их слабых мест» [126, с. 15—16]. Это высказывание справедливо и для анализа советологами демографических процессов в СССР.

То же можно сказать в отношении теории «модернизации» (дословно — «осовременивания») — буржуазной социологической теории, которая рассматривает развитие человеческого общества как переход от аграрного (традиционного) к индустриальному (современному) обществу. Как отмечают советские исследователи, «теория модернизации движется в пространстве буржуазного обществоведения, то затухая, то давая новые всходы. При этом она постепенно проникает во все большее количество областей знания, специалисты по которым находят для себя заманчивым обращение к этой теории для решения своих специальных проблем...» [87, с. 26].

Следует отметить, что названные теории («единого индустриального общества», «конвергенции», «модернизации»), нацеленные преимущественно на поиски «сходства» в развитии социалистической и капиталистической систем, выражают в основном идеологию реформистского или либерального направления буржуазной общественной мысли (в отличие от доктрины «тоталитаризма», выражающей идеологию правого направления). В целом это течение в 80-х годах уже утрачивает свое господствующее положение в советологии и буржуазном обществоведении в целом. Однако при анализе западными авторами демографических процессов в СССР подобная позиция продолжает оставаться доминирующей.

Теория «модернизации» в основном использовалась западными авторами как теоретическое обоснование путей и перспектив развития стран «третьего мира» по западному, капиталистическому пути. В настоящее время эта теория начала применяться для анализа развития социалистических стран, в том числе Советского Союза¹. Применение же ее для анализа демографических процессов в СССР было впервые осуществлено Р. Льюисом, Р. Роулэндом и Р. Клемом в 1975 г. [271;

¹ В последние годы теория «модернизации» была довольно подробно освещена и критически проанализирована в советской литературе [см.: 51; 82; 87; 133; 155 и др.].

см. также: 272—275]. По их мнению, для изучения демографических процессов в СССР необходимо применять универсальный, или общий, как они его называют, подход, поскольку демографические процессы во всех «модернизированных» странах имеют универсальный характер и СССР преподносит очень мало «демографических сюрпризов».

Подобная точка зрения выражает теоретическую концепцию авторов о том, что «изменения в населении связаны главным образом с процессом модернизации (т. е. переходом общества от традиционного к современному. — Н. Ж.), а не с политическими или идеологическими системами или уникальными для той или иной страны культурными и историческими факторами». Основная рабочая гипотеза данных авторов состоит в том, что «люди во всем мире имеют тенденцию одинаково реагировать на социально-экономические условия, которые влияют на их демографическое поведение, — живут ли они при «капиталистическом» или «коммунистическом» режиме или среднем между ними» (274, с. XXV]. Демографические процессы, как они считают, интегрированы в процесс модернизации. Кардинальные изменения в демографической сфере, являющиеся, по мнению американских авторов, составной частью процесса модернизации общества, отражены, как они считают, в теории «демографического перехода». Таким образом, по их мнению, теория «демографического перехода» является составной частью теории «модернизации».

Надо сказать, что не все буржуазные демографы разделяют эту точку зрения. Большинство из них рассматривают теорию «демографического перехода» как самостоятельную, тем более что она была разработана значительно раньше (в 1909—1934 гг. французским демографом А. Ландри и в 40-х годах американским демографом Ф. Ноутстейном), чем теория «модернизации», которая была разработана только в 60-х годах.

Учитывая высказанные замечания, рассмотрим несколько подробнее сначала теорию «модернизации», а затем — теорию «демографического перехода».

Теория «модернизации», несмотря на большое количество работ буржуазных авторов, посвященных данному вопросу, остается все еще аморфной. Она включает целый ряд теорий, концепций, моделей на различном уровне абстракции. Как отмечают советские ученые, «значительная часть приверженцев теории „мо-

дернизации" склонна зачислить в свой резерв едва ли не всю буржуазную, а некоторые и марксистскую, социологию, социальную психологию и политическую науку XIX—XX в. Уже одно это свидетельствует о масштабах претензий теории „модернизации", хотя и вынуждает некоторых ее сторонников признаваться в „эклeктизме"» [87, с. 7].

Нет единства взглядов среди буржуазных авторов и по поводу самого термина «модернизация». Однако представляется, что все же можно выделить то общее, что присуще всем трактовкам этой теории. В наиболее общей форме под процессом модернизации в буржуазной социологии понимается такой тип социальных изменений, который обусловлен переходом общества от стадии статичного «традиционализма» к стадии динамичного «индустриализма», т. е. от аграрного общества к индустриальному. Теория «модернизации» стремится охватить изменения во всех областях общественной жизни. Причем важное значение отводится психологическому фактору — «рационализации по существу всех аспектов социальной жизни» [291, с. 1], в том числе и демографического поведения.

Поскольку термин «модернизация» трактуется различными авторами далеко не однозначно, то представляет интерес, какой смысл вкладывают в это понятие Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем. Они считают, что модернизацию можно определить как «такую форму социальных изменений, которая охватывает изменения в экономике, технологии, демографических, политических, социальных и психологических аспектах общественной жизни, которые начались в Западной Европе где-то около 1900 г., т. е. эти изменения включают: значительный рост экономики (промышленная революция), достижения науки и техники (особенно использование механических средств производства энергии), консолидацию национальных государств как форму политической организации, перестройку структуры семьи и уменьшение значения родственных связей, „рационализацию общества"» [274, с. 5].

Как видим, в таком определении эклектически объединяются самые разнородные изменения, происходящие в обществе, — от промышленной революции до перестройки общественной психологии. Действительно, процессы, происходящие в обществе, развиваются и изменяются, но кроме этого неопровержимого факта данное определение мало что выражает. Как отмечал В. И. Ле-

нин, «подделка эклектизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [8, с. 21].

Теория «модернизации» указывает на развитие, отражает его, но она не определяет источник данного развития, движущую силу происходящих изменений, поэтому она не дает, говоря словами В. И. Ленина, «революционного понимания процесса общественного развития» [8, с. 21]. Сторонники названной теории замалчивают и те социальные революционные процессы, которые сопровождали процесс модернизации стран «пионеров» — Англии, Голландии, Германии, США в XVII—XVIII вв., без чего не было бы самой модернизации этих государств. И если индустриализация была экономической формой модернизации, то буржуазная революция была социальной формой модернизации.

Сами западные авторы связывают модернизацию с процессом вестернизации (т. е. развитием по западному, капиталистическому пути), а вестернизацию в свою очередь — с прогрессом. Таким образом, круг замыкается: прогресс определяется в терминах «модернизации», модернизация определяется в терминах «вестернизации». Следовательно, вестернизация становится «конкретным эмпирико-историческим ориентиром прогресса» [303, с. 3]. В этом ярко проявляется апологетическая функция буржуазной теории «модернизации» — представить прогресс в общественном развитии только как развитие по западному, капиталистическому пути.

Надо отметить, что и концепция «демографического перехода», к рассмотрению которой мы приступаем, также выражается буржуазными авторами в терминах «вестернизации», т. е. прогрессивное демографическое развитие определяется именно как развитие по западному пути. Так, Р. Льюис и его коллеги считают, что концепция «демографического перехода» описывает модель изменений в населении, которые произошли в Западной Европе и других «модернизированных» (т. е. в капиталистических) странах [274, с. 13]. Данные авторы связывают с процессом модернизации не только демографический переход, но и более широкий круг процессов, происходящих в населении, которые они определяют как «изменения в населении». Этим термином они обозначают «демографические тенденции

смертности, рождаемости и миграции, а также такие социально-экономические аспекты, как урбанизация, занятость, образование и статус женщины» [274, с. 3]. Льюис и другие буржуазные демографы стремятся доказать, что как общие изменения в населении, так и их составная часть — демографические изменения, отражаемые в теории «демографического перехода», носят универсальный характер для всех «модернизированных» стран независимо от их общественного строя, что должно, по их мнению, подтвердить и универсальный характер процесса модернизации, который вызывает изменения в населении.

Если одни буржуазные авторы рассматривают теорию «демографического перехода» как составную часть теории «модернизации», то другие трактуют ее как отражение в демографии политэкономической теории «конвергенции». Так, американский демограф Х. Десфоссес считает, что «обе концепции имеют в своей основе естественную тенденцию трансформации установок и поведения под влиянием экономических и технологических изменений» [203, с. 251].

Отметим, что теория «конвергенции» представляет собой одно из важнейших приложений методологии индустриализма, специфической чертой которого, как уже указывалось, является технологический детерминизм. Суть этой теории заключается в том, что и капиталистическое, и социалистическое общество эволюционируют в сторону некоего единого общества, в рамках которого произойдет их слияние. Несостоятельность данной теории обусловлена игнорированием различий социально-экономической природы обеих систем. Подчеркнем, что сходство динамики демографических процессов в капиталистических и социалистических странах американские советологи пытаются рассматривать как одно из проявлений «нарастающего» сходства в развитии капитализма и социализма, как подтверждение теории «конвергенции».

Все рассматриваемые теории («модернизации», «единого индустриального общества», «конвергенции») противостоят марксистско-ленинскому учению об общественно-экономических формациях. Они исходят из одного положения: тип общества непосредственно определяется уровнем его технического, индустриального развития, которое рассматривается в отрыве от определяющих социально-экономических характеристик — производственных отношений, классовой структуры общества.

Эти теории имеют одинаковую методологическую основу. И не случайно стадийный характер демографических процессов, отражаемый теорией «демографического перехода» или подобными ей теориями, приводится в «подтверждение» то одной, то другой буржуазной теории общественного развития. Как указывает советский демограф А. П. Судоплатов, в своей основе схемы демографического перехода и демографической эволюции являются своеобразным «демографическим отражением» теорий «стадий экономического роста» и «развития человеческой цивилизации» У. Ростоу и А. Тойнби [см.: 141, с. 94].

Таким образом, можно отметить стремление западных авторов рассматривать сходство тенденции демографических процессов в социалистических и капиталистических странах как подтверждение тех или иных буржуазных теорий общественного развития, в основе которых лежит технологический детерминизм¹.

И если ясна порочность методологических предпосылок, из которых исходит большинство западных авторов при интерпретации теории «демографического перехода» (методология индустриализма), то отношение советских исследователей к самой теории «демографического перехода» не должно быть, как нам представляется, столь однозначным. Здесь надо отметить, что составные части этой теории неравноценны. В марксистско-ленинской философии структура теории представлена следующим образом: 1) исходная эмпирическая основа, факты, которые «хотя и получили уже некоторое описание, но еще ждут своего объяснения, теоретической интерпретации»; 2) исходная теоретическая основа (допущения, аксиомы, постулаты, общие законы); 3) логика теории: правила логического вывода и доказательства; 4) совокупность выведенных в теории следствий, теорем и утверждений с их доказательствами — центральная часть теории, ее «тело» [см.: 112, с. 205]. Первая составная часть теории «демографического перехода» — ее эмпирическая основа; вторая — исходная теоретическая основа, включающая теории, которые исходят из принципа «технологического детерми-

¹ Рассматривая буржуазные теории «демографического перехода» и «демографической эволюции», А. П. Судоплатов отмечал, что характерная особенность этих концепций состоит в том, что в них заметно отчетливое стремление найти «демографическое подтверждение» теорий социально-экономического развития общества в буржуазном обществоведении [см.: 141, с. 94].

низма». Остановимся более подробно на первой составной части теории — ее эмпирической основе.

Теория «демографического перехода» в своем первоначальном виде была разработана в 20—30-х годах, когда накопилось много фактического материала об истории демографических процессов. Известный советский демограф А. Я. Кваша пишет, что именно тогда «возникла необходимость разработки прогнозов населения, а для этого потребовалось сформулировать реальные гипотезы о будущем населения, выявив генеральные тенденции его развития. Первым шагом на этом пути было выявление определенных этапов в формировании типов развития населения, которые характеризовались бы специфическими чертами» [77, с. 28]. Какие же этапы в развитии населения выделяет теория «демографического перехода»? На смену типу воспроизводства, который характеризуется высокой смертностью, высокой рождаемостью и низким естественным приростом населения (традиционный тип воспроизводства), приходит новый этап, когда начинает снижаться смертность, а рождаемость остается высокой. Этот процесс приводит к значительному увеличению естественного прироста населения. В последующий период происходит снижение рождаемости и устанавливается новый тип воспроизводства населения. Он характеризуется низкой рождаемостью, низкой смертностью и низким естественным приростом населения (современный тип воспроизводства населения).

Выявление стадийного характера демографических процессов позволило представить изменения в населении не как беспорядочно сменяющиеся демографические процессы, а как закономерную смену одного этапа демографического развития другим.

Представляется, что закономерности, выраженные в теории «демографического перехода», зафиксированы именно на уровне систематизации, обобщения и представления в виде эмпирического закона¹. В этом со-

¹ Обобщение фактов подготавливает установление связующего их закона. Во многих своих характеристиках это обобщение настолько приближается к закону, что различить их весьма трудно. Определенный уровень обобщения фактов выступает как эмпирический закон. Как считают советские исследователи Г. М. Андреева и Е. П. Никитин, для эмпирического закона характерны: его выведение из данных непосредственного опыта; наблюдаемость явлений, зафиксированных в эмпирическом законе; отсутствие пространственно-временной привязанности, характеризующей факт. Подчеркивая повторяемость фактов, эмпирический закон указывает на универ-

стоит положительная сторона данной теории. С этой точки зрения она заслуживает внимательного отношения, тщательной проверки и поисков внутренних причин фиксируемых связей. Таким образом, можно сказать, что пока данная теория существует как описание, а не как объяснение внутренних причин развития; здесь нет еще самой теории как таковой.

Однако, используя то положительное, что достигнуто буржуазной наукой в области обобщения истории демографического развития, описания его, необходимо учитывать следующие моменты. Хотя мы отметили, что названная теория является в основном описательной, тем не менее следует принимать во внимание, что описание должно обязательно содержать элементы научного объяснения, так как оно использует уже сложившиеся в науке идеи, опирается на различные гипотезы, положения теории, чтобы на их основе подходить к систематизации накопленных фактов. Факт диалектически связан с теорией. Марксистско-ленинская философия исходит из того, что «чистой» теории и «чистых» фактов нет: любой элемент теоретического знания содержит в себе в снятой форме фактическое знание. С другой стороны, анализ научных фактов приводит к выводу, что они не исчерпываются «чистой эмпирией». Они включают в себя не только восприятие явлений, но и их теоретическую интерпретацию [см.: 163, с. 56]. И это является общепризнанным в советской философской литературе [см., например: 32; 66; 103; 119; 163; 166 и др.].

Кроме того, факт зависит не только от теоретического знания в целом, но также и от языка науки, который является формой выражения научного факта. В советской философской литературе, посвященной проблемам исследования научного познания, подчеркивается влияние языка как средства научного мышления на процесс образования и использования фактов науки — формирование более строгого языка создает возможность для установления более строгих фактов науки.

Эти общеметодологические положения, выработанные марксистско-ленинской философией, необходимо

сальный характер фиксируемых в них связей. Сам эмпирический закон нуждается в объяснении, так как, указывая на общность, повторяемость, он не дает объяснения причин, внутренних связей. Закон же на таком его уровне, когда выделение общих связей явлений подтверждается обоснованием их внутренних причин, называется теоретическим законом [см.: 32, с. 140].

принимать во внимание, когда мы определяем наше отношение к буржуазной теории «демографического перехода». Она требует критического восприятия: исходные допущения влияют на характер систематизации, обобщения, описания; нельзя забывать, что и термины «современное» и «традиционное» общество, «рационализация» всех сфер общественной жизни, в том числе демографической, и т. п. несут и соответствующую нагрузку в буржуазной общественной науке.

Третье теоретическое направление советологических демографических исследований представлено неоклассическими концепциями. Оно начало разрабатываться только с 80-х годов, и к нему относится пока незначительное количество работ (П. Грегори, Дж. Берлинер и др.). Как и второе, «универсальное» направление, оно строится на аналогии объяснения закономерностей воспроизводства населения в социалистических и капиталистических странах, но анализ проводится не на макроуровне, а на микроуровне — на уровне семьи — это так называемые «микроэкономические теории роста населения» [см.: 142, с. 4].

Данные концепции начали разрабатываться неоклассической школой буржуазной политэкономии с начала 60-х годов и представлены работами Г. Беккера, Х. Лейбенштейна, Р. Истерлина и др. Микроэкономические концепции воспроизводства населения используют и развивают как традиционные для неоклассического направления методы маржинализма¹, так и положения теории «человеческого капитала», которая разрабатывается преимущественно в рамках этого же направления.

Учитывая, что в советологических демографических концепциях выделенного нами третьего направления широко используются многие положения неоклассического направления буржуазной политэкономии, а также положения теории «человеческого капитала», остановимся несколько подробнее на их характеристиках.

Неоклассическое направление представляет субъективную школу буржуазной политэкономии. Центральный объект исследования здесь не объективные законы функционирования экономической системы общества, не

¹ Маржинализм (от фр. *marginal* — крайний) — один из методологических принципов буржуазной политической экономии, построенный на использовании в экономическом анализе предельных величин; характеризует эффект, получаемый от дополнительной единицы потребления (предельная полезность) или затрат производственного фактора (предельная производительность).

функционирование классов и социальных групп, а процесс принятия решений отдельным индивидом, поведение так называемого «экономического человека», который стремится максимизировать доход и минимизировать затраты. Хотя изучение экономической и репродуктивной мотивации представляет определенный интерес и в теоретическом, и в практическом отношении, однако методологический подход теоретиков неоклассического направления является неоправданным, поскольку процесс принятия индивидом решений выступает как самодовлеющий, а экономические закономерности развития общества представляются в виде суммарного результата рационального волеизъявления индивидов. При этом степень рациональности принятия решений переоценивается и сложный по своей структуре социально-психологический феномен неоправданно сводится только к экономической мотивации, а экономические закономерности психологизируются. По сути дела поведение «экономического человека» переносится и на демографическое поведение.

Поскольку представители неоклассического направления рассматривают в качестве предмета политэкономии «экономику вообще» независимо от общественной формы ее организации, то не случайно, что такие неоклассические теории, как «экономика рождаемости», и ей подобные стали использоваться буржуазными демографами и для анализа репродуктивного поведения семьи в СССР. Так, П. Грегори утверждает, что «советская семья (household) так же, как семья в условиях рыночной экономики, максимизирует рациональную полезность в соответствии с экономическими стимулами...» [324, с. 103].

В соответствии с демографическими концепциями неоклассического направления дети рассматриваются как специфический товар длительного пользования с той или иной «ценой», предельной полезностью; репродуктивное поведение семьи — как поведение потребителей, выбирающих между такими потребительскими благами, как дети, машина, отдых и т. д.; воспитание детей — как инвестиции в человеческий капитал; образование и обучение самих родителей — как инвестиции в персональный человеческий капитал.

Как видим, в микроэкономических концепциях воспроизводства населения используются тезисы теории «человеческого капитала». Эта теория разрабатывалась сначала в буржуазной политэкономии преимущественно

но в русле институционально-социологического направления, а затем стала применять неоклассический инструментарий для анализа таких институтов, как брак и семья. Буржуазные теоретики Г. Беккер, Дж. Минцер, Л. Хансен, Й. Бен-Порэт и другие рассматривают совокупность знаний, способностей и навыков человека в качестве человеческого капитала, поскольку они являются источником будущих заработков. Основными формами «инвестиций в человека» выступают образование, профессиональная подготовка, здравоохранение, миграция, рождаемость и воспитание детей [см.: 76, с. 393]. Как видим, в качестве инвестиций выступают и процессы, изучаемые демографией. Таким образом, в сферу анализа буржуазной политекономии вошли демографические процессы, а буржуазная демография взяла на вооружение положения теории «человеческого капитала».

Центральное положение теории «человеческого капитала» — аналогичность формирования «человеческого» и «физического» капитала. В советской литературе дана критика этой буржуазной теории [см.: 76; 83; 85]. Отмечено, что, хотя такая аналогия в принципе правомерна, сравнивать не значит приравнивать. С политекономической точки зрения сущность «человеческого» и «физического» капитала принципиально различна: «человеческий» капитал реализуется в труде, создавая стоимость, «физический» — только переносит стоимость на продукт; первый в условиях капиталистического общества — объект эксплуатации, второй — условие эксплуатации [см.: 85, с. 492]. В понятии «человеческий капитал» маскируется сущность капитала, заключающаяся в создании прибавочной стоимости — эксплуатации рабочего класса. Логическим следствием этой теории является вывод, что все члены капиталистического общества — владельцы капитала, получающие на свой капитал соответствующий доход. Таким образом вуалируется принципиальное различие между «доходами» капиталистов и рабочих, затушевывается тот факт, что рабочий создает и свой «доход», и доход капиталиста. Следовательно, можно сделать вывод, что совокупность знаний и навыков неадекватно описывается понятием «человеческий капитал».

Реальные процессы, которые пытается отразить теория «человеческого капитала», адекватно описываются в рамках марксистской теории. Так, в соответствии с марксистско-ленинской экономической теорией совокуп-

ность физических и духовных способностей к труду — рабочая сила выступает в условиях капиталистического производства как товар. Покупая этот специфический товар, предприниматель соединяет личные и вещественные факторы производства. Рабочая сила реализуется в труде, она создает стоимость, равную стоимости рабочей силы (превращенной формой которой является заработная плата), и прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистами. Инвестиции в человеческий капитал — это отдельные моменты воспроизводства рабочей силы. Рост образовательного, квалификационного уровня и др. повышает стоимость рабочей силы и, при прочих равных условиях, стоимость, создаваемую в единицу времени, так как созидателем стоимости выступает более сложный труд.

Исходные методологические предпосылки микроэкономических теорий воспроизводства населения, базирующихся на тех или иных положениях концепции «человеческого капитала», «субъективизме» и «рационализме» неоклассических концепций буржуазной политэкономии, обуславливают неправомерность этих неоклассических теорий. Критический разбор положений непосредственно самих демографических буржуазных теорий будет дан при рассмотрении буржуазных концепций рождаемости и миграции в СССР.

Все большую роль в интерпретации демографических процессов в СССР начинает играть *четвертое направление*. Его представители — Д. Хир, Н. Юссеф, А. Беннингсен, Т. Парминг и др. В его основе лежат *буржуазные доктрины национальных отношений и национальной политики в СССР*, которые носят откровенно антисоветский характер, извращая сущность и характер отношений между различными национальностями в условиях социалистического государства. Для «объяснения» демографических процессов в СССР буржуазными авторами используются как старые теории «русификации» и «советского колониализма», так и новые теории и концепции «этнической стратификации», «дезинтеграции», «мусульманизации». Усиление позиций данного направления связано с общим ростом внимания советологов к изучению национальных отношений в СССР, мнимое обострение которых в перспективе рассматривается буржуазными «специалистами» как дестабилизирующий фактор в развитии советского общества, способный якобы подорвать его основы. Причем обострение отношений связывается как раз с влияни-

ем демографического фактора — с различиями в темпах роста населения отдельных национальностей.

Вообще для сторонников данного направления, которые много внимания уделяют интерпретации многообразных последствий этнической дифференциации демографических процессов в СССР, особенно характерно использование такого принципа буржуазной демографии, как демографический детерминизм, когда различные социальные процессы представляются ими по сути дела как производные от демографических.

Представители рассматриваемого направления нередко объясняют специфику демографических процессов у различных народов нашей страны особенностями культуры тех или иных национальностей. Причем «культурный фактор» в их трактовке на деле выступает как фактор политического порядка, и, как следствие, различия демографических процессов у разных национальностей выступают в их интерпретации как выражение враждебности между национальностями.

С одной стороны, буржуазные авторы абсолютизируют влияние культурного фактора. Конечно, здесь надо отметить, что особенности хозяйственной деятельности, культуры, быта, традиций и обычаев, пережитки религии могут оказывать определенное воздействие на демографические процессы, могут в некоторой степени приостановить или модифицировать проявление объективных закономерностей, но не могут отменить их. С другой стороны, буржуазные исследователи механически переносят на социализм антагонистический характер национальных отношений, свойственный капиталистическому обществу, и тем самым преднамеренно искажают природу национальных отношений при социализме.

Такой подход к изучению демографических процессов характерен в первую очередь для буржуазных исследований, посвященных анализу демографических тенденций в республиках Средней Азии, Азербайджане, Казахстане, а также, хотя и в значительно меньшей степени, в республиках Прибалтики. Особое внимание западные исследователи уделяют «влиянию мусульманства» на характер демографических процессов в Среднеазиатском регионе, Азербайджане и Казахстане. Это говорит как об общем усилении внимания буржуазной пропаганды к идеологии ислама, так и о стремлении, характерном в последнее время для советологических исследований, распространить усиление влияния ислама

как политической идеологии в ряде стран Востока и на нашу страну.

Буржуазные авторы используют последний подход в основном при интерпретации миграционных процессов, процессов рождаемости, но еще в большей степени—при оценке последствий демографического развития СССР.

Проведенный анализ основных направлений советологических демографических исследований, которые опираются на теоретический аппарат буржуазной демографии, показал их тесную методологическую связь с теориями буржуазной политэкономии, социологии и политологии.

Следует отметить, что выделенные нами направления не всегда существуют в чистом виде. Часто бывает так, что в той или иной концепции представлена комбинация нескольких подходов. Но все многообразие буржуазных концепций демографического развития СССР может быть проанализировано с помощью выделенных направлений.

2. Демографическое развитие многонационального государства в работах буржуазных ученых

В результате предшествующего анализа было выделено четыре основных направления в советологических демографических исследованиях. Вместе с тем было отмечено, что при интерпретации демографических процессов в СССР может быть также использована комбинация различных подходов. Такую комбинацию и осуществляют Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем для трактовки демографического развития советского многонационального государства. Они пытаются соединить уже знакомую нам теорию «модернизации» с теорией «этнической стратификации» (ethnic stratification), разработанной американскими социологами Т. Шибутани и Т. Кваном. Эти теории, как они утверждают, справедливы для любого многонационального государства независимо от его общественного строя. Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем подчеркивают как положительную черту «универсальность» теории «этнической стратификации» (т. е. применимость для всех многонациональных государств), что позволяет, с их точки зрения, преодолеть такие недостатки западной литературы по национальностям СССР, как «излишняя эмоциональность», опе-

рирование такими специфическими определениями, как «характерно русские черты», «коммунистическая идеология» и др. [см.: 272, с. 6]. И если с помощью теории «модернизации» американские советологи механически переносят на социализм закономерности общественного развития, свойственные капитализму, то с помощью столь же «универсальной» теории «этнической стратификации» они механически переносят на социализм характер национальных отношений, свойственный антагонистическому обществу.

Как же осуществляется интеграция концепций «модернизации» и «этнической стратификации»? Итак, Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем считают, что характер демографических процессов может быть объяснен с помощью теории «модернизации». В многонациональном государстве, по их мнению, модернизация влияет на различные этнические группы в разной степени и в разное время. Это они объясняют существованием так называемой системы «этнической стратификации»: в любом многонациональном государстве якобы существует иерархическое ранжирование национальностей в социально-экономическом разрезе. При таком ранжировании одни нации пользуются привилегиями «высшего статуса», т. е. занимают доминирующее положение, другие пользуются «статусом меньшинств» и занимают подчиненное положение. По мнению авторов, в процессе осуществления модернизации вхождение «господствующей» нации в современный, т. е. «модернизированный», сектор (имеется в виду прежде всего сфера индустриального и интеллектуального труда) облегчается, а «подчиненных» наций — затрудняется из-за действия «санкций» против меньшинств в системе «этнической стратификации».

Действием так называемой системы «этнической стратификации» авторы объясняют различия в уровне урбанизации, образования, квалификационной подготовки, рождаемости и отчасти смертности, миграционной подвижности, поскольку, по их мнению, отдельные национальности имеют неодинаковый уровень модернизации, а для того или иного ее уровня свойственны определенные характеристики демографических и социальных процессов. Если же изложить позицию авторов кратко, то это звучит так: этническая стратификация определяет уровень модернизации той или иной национальности, а он в свою очередь — характер демографических процессов.

Исходя именно из этих посылок, Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем стремятся объяснить этнические различия демографических процессов в СССР. По их мнению, русские занимали в царской России и занимают в Советском Союзе доминирующее положение во всех областях общественной жизни. Американские авторы, полностью игнорируя реальное положение советских наций, повторяют традиционное утверждение буржуазной советологии (которое было особенно характерным в 50—60-х годах), что национальная политика Советского государства есть прямое и непосредственное продолжение политики царского правительства. Они полностью игнорируют кардинальные различия целей и методов национальной политики царского правительства и Советского государства, саму сущность национальной политики. Используя такой прием, авторы говорят о «доминирующем положении» русских, в основе которого якобы лежит их «военно-политическое господство над другими национальностями» [272, с. 94]¹. Кроме того, авторы заявляют, что существуют факторы, которые усиливают «господствующую позицию» русских: повсеместное использование русского языка при обучении, в промышленности, в аппарате государственного управления, в вооруженных силах, в средствах массовой пропаганды. По мнению Р. Льюиса, Р. Роулэнда и Р. Клема, это облегчает русским вхождение в современный сектор, получение лучших должностей и достижение более высокого уровня образования, а нерусским — затрудняет из-за языкового барьера. Они со-

¹ Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем указывают также, что кроме русских в «модернизированное» общество включены и некоторые другие национальности. Это, по их мнению, национальности, «ориентированные на достижения». К ним авторы относят евреев, армян, грузин, латышей, эстонцев и татар. «Хотя трудно установить «синдром достижений» у латышей и эстонцев,— пытаются уточнить авторы,— можно указать на сильное влияние западной культуры в этом регионе. Все эти национальности,— указывают американские демографы,— уже находятся на последней стадии демографического перехода или переходят к этой последней стадии» [272, с. 91, 97]. Причем авторы объясняют прогрессивные изменения в демографической сфере (т. е. переход от так называемого традиционного к современному типу воспроизводства населения) у этих национальностей более высоким уровнем модернизации, которого они достигли, а этот более высокий уровень — особенностями культуры отдельных национальностей (причем толкуют ее весьма своеобразно). Тем самым буржуазные демографы противоречат собственным же предпосылкам анализа — рассматривать изменения в населении «как универсальные, а не как подчиненные культурным или идеологическим», как они говорят, факторам.

знательно извращенно интерпретируют широкое использование русского языка, который добровольно принят всеми народами СССР в качестве языка межнационального общения, что вполне естественно и закономерно в условиях многонационального государства.

Особенно большое внимание названные авторы уделяют анализу демографических процессов в советских республиках Средней Азии и Казахстане, которые в силу особенностей социально-исторического развития имеют значительную специфику. Вхождение национальностей Средней Азии и Казахстана в так называемый «современный» сектор, по логике их интегральной теории, затруднено из-за действия будто бы существующих «санкций против меньшинств в системе этнической стратификации», а русских, наоборот, облегчено, так как они якобы занимают статус «доминирующей группы»¹. Однако при этом умалчивается, что Советское государство наряду с конституционной гарантией обучения на родном языке предоставляет все возможности для изучения нерусскими национальностями русского языка как языка межнационального общения, что является предметом постоянной заботы Советского государства. В «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» вновь было обращено внимание на данный вопрос. Кроме того, данные авторы обходят вопрос о том, что для развития языков различных национальностей Советского Союза создаются самые благоприятные условия: действует сеть общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений с преподаванием на национальных языках, издаются газеты, журналы, успешно развивается национальная литература.

Рассмотрим вопросы, которые пытаются целенаправленно, искаженно интерпретировать Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем. Это степень владения среднеазиатского населения русским языком, уровень образования, характер занятости.

Как же реально складывается в нашей стране рассматриваемая ситуация? Данные советских переписей показывают, что доля населения, свободно владеющего русским языком как вторым языком, возросла с 1970 по 1979 г.: среди узбеков — с 14,5 до 49,3%, киргизов —

¹ Разработанный Р. Льюисом, Р. Роулэндом и Р. Клемом подход с позиций «этнической стратификации» использован также в монографии М. Сакса [314] для «анализа» трудовых ресурсов СССР.

с 19,1 до 29,4, таджиков — с 15,4 до 29,6, туркмен — с 15,4 до 25,4, казахов — с 26,7 до 52,3% [29, с. 128—129].

Что касается уровня образования населения, то в 1986 г. на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше приходилось лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием по СССР в целом 701 человек, по Узбекской ССР — 698, по Киргизской ССР — 679, по Таджикской ССР — 650, по Туркменской ССР — 684, по Казахской ССР — 676 человек [28, с. 29]. Еще более показательными являются следующие данные: на 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, высшее и среднее (полное и неполное) образование имели в 1986 г. по СССР в целом 883 человека, по Узбекской ССР — 916, по Киргизской ССР — 884, по Таджикской ССР — 860, по Туркменской ССР — 902, по Казахской ССР — 882 человека [28, с. 29].

Как видим, приведенные данные свидетельствуют о том, что уровень образования населения среднеазиатских республик и Казахстана приближается, равен или даже превышает общесоюзные показатели. Однако здесь нужно учесть определенное влияние более молодой возрастной структуры населения этих республик. Если же говорить о темпах роста уровня образования населения среднеазиатских республик, то они были значительно выше, чем в среднем по СССР. Так, за 1939—1984 гг. доля лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием среди населения в возрасте 10 лет и старше по стране в целом увеличилась в 6 раз, а среди работающих — в 7 раз; в Узбекистане — соответственно в 12 и 16; в Киргизии — в 14 и 16; в Таджикистане — в 16 и 19; в Туркмении — в 10 и 11 раз [28, с. 31]. Такой быстрый рост образовательного уровня — результат политики Советского государства, направленной на опережающее развитие системы образования в республиках, где он был ниже среднесоюзного уровня. Отметим, что до революции в Средней Азии не было ни одного высшего учебного заведения и только одно среднее специальное. В 1985—1986 гг. в среднеазиатских республиках было более 360 средних специальных и более 70 высших учебных заведений [28, с. 509, 510].

Кратко остановимся на вопросах занятости коренного среднеазиатского населения. Следует сказать, что резервы трудовых ресурсов в этом регионе больше, чем в любом другом регионе страны. Так, в республиках

Средней Азии более чем в 2 раза выше, чем в среднем по стране, доля занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве [102, с. 43]. В то же время темпы роста рабочего класса были выше, чем в среднем по СССР. Так, за 1970—1985 гг. число рабочих в народном хозяйстве республик увеличилось: в Узбекской ССР — на 80%, в Киргизской ССР — на 55, в Таджикской ССР — на 93, в Туркменской ССР — на 73%, а по СССР — в среднем на 26% [28, с. 412]. Как указывают советские демографы, формирование рабочего класса в регионе во все большей степени обеспечивается за счет коренных национальностей, в том числе за счет сельского населения. В 1979 г. большинство занятого населения среднеазиатских республик были представителями коренных национальностей (в Узбекистане, например, $\frac{2}{3}$) [102, с. 57—58].

Что касается отраслевой структуры занятости в промышленности, то в основном население коренных национальностей работает на предприятиях легкой промышленности. В таких же отраслях, как электротехника, химическая, нефтеперерабатывающая и тяжелая промышленность, коренное население занято значительно меньше.

Однако более низкая занятость среднеазиатского населения, чем в целом по стране, сравнительно небольшая занятость в отраслях тяжелой промышленности и в ряде современных отраслей обрабатывающей промышленности объясняется, конечно, не «санкциями против меньшинств в системе этнической стратификации». Даже американский демограф Н. Любин, указывая, что многие западные авторы, и в первую очередь Р. Льюис, исходят из того, что «мусульманское» население дискриминируется, подчеркивала, что специфика отраслевой занятости среднеазиатского населения ни в коей мере не определяется «санкциями», «дискриминацией», а является результатом особенностей культуры, традиций, установок коренного населения [280, с. 228]. Здесь, как нам кажется, необходимо подчеркнуть, что на более низкий уровень занятости, безусловно, оказывают влияние демографические факторы, главный из которых — многодетность семей. Что же касается совершенствования отраслевой структуры занятости коренного населения, то в настоящее время осуществляются мероприятия по профессиональной подготовке молодежи через систему профессионально-технического, среднего специального и высшего образования.

По мнению американских авторов, миграция русско-го и другого европейского населения в города Средней Азии и Казахстана, где оно якобы занимает «ведущие позиции» в «модернизированном» секторе и «захватывает все лучшие места», препятствует миграции коренного населения из сел в города своих республик потому, что «русские пользуются статусом доминирующей группы, города и промышленность становятся русскими во всем, кроме географического положения» [272, с. 294].

Пытаясь сыграть на некоторых реальных фактах, американские авторы искажают их происхождение, сущность, пытаясь найти им объяснение в пресловутой теории «этнической стратификации», которая является внеисторичной и игнорирующей различия в характере национальных отношений при социализме и капитализме. Еще В. И. Ленин отмечал, что «национальный вопрос должен быть поставлен исторически и экономически» [5, с. 385].

Разрабатывая теорию национальных отношений в условиях социализма, В. И. Ленин подчеркивал необходимость ускоренного экономического и культурного роста для ранее угнетенных национальностей. Он выдвинул важное положение о том, что в отношениях между крупной ведущей нацией и отсталыми нациями необходимо установить своеобразное «неравенство», которое создавало бы наиболее благоприятные условия для развития ранее угнетенных наций и позволило бы в кратчайшие исторические сроки подтянуть их до современного уровня. В связи с этим интернационализм со стороны бывшей угнетающей нации должен состоять не только в провозглашении формального равенства и формальной ликвидации различных форм дискриминации, но и в возмещении со стороны этой нации того неравенства, которое складывалось на практике [см.: 10, с. 359].

Политика индустриализации, проводившаяся в среднеазиатских республиках и Казахстане, служила именно этой цели — ликвидации экономического неравенства между республиками, подтягиванию их до современного уровня. Процесс индустриализации сопровождался большим притоком квалифицированных рабочих кадров из других республик СССР, и в первую очередь из РСФСР, что было связано с нехваткой местных квалифицированных кадров и оказанием братской помощи коренным национальностям. Одновременно началась подготовка

местных квалифицированных кадров. Этот процесс массовой миграции европейского населения в города среднеазиатских республик и Казахстана Р. Клем истолковывает как противоречащий интересам коренных национальностей, так как коренное население якобы не сможет найти себе работу, когда оно будет вынуждено ехать в города вследствие увеличения «давления растущего населения на земельные ресурсы», поскольку «все лучшие места заняты русскими» [274, с. 40, 41].

Отметим, что в данном случае в принципе искажается проблема: перед среднеазиатскими республиками стоит задача расширения подготовки национальных кадров и обеспечения ими быстро растущей промышленности, а не задача не допускать коренное население в города республик (многие из которых в отличие от сельской местности испытывают потребность в дополнительной рабочей силе), как это пытаются представить буржуазные авторы. Ускоренный рост местных квалифицированных кадров из числа коренных национальностей был и есть предмет постоянного внимания Советского государства¹.

Утверждения сторонников теории «этнической стратификации» настолько несостоятельны, что это признают даже некоторые буржуазные авторы. Так, М. Ривкин считает, что Советское государство, безусловно, стремится к тому, чтобы «достичь экономического равенства, а не эксплуатации. Мусульмане пользуются равными или лучшими возможностями в своих республиках, как и повсюду в СССР». Таким образом, по его мнению, в СССР социальная стратификация отсутствует: там нет граждан «второго сорта», превосходства одного человека над другим [311, с. 9, 10]. Такую же критическую позицию по отношению к точке зрения Р. Льюиса занимает и Н. Любин [280, с. 228].

В заключение еще раз подчеркнем, что использование так называемой «универсальной» интегральной теории — «модернизация — этническая стратификация» — приводит на деле к тому, что на социалистическое общество переносятся закономерности социального развития и национальных отношений, характерных для капи-

¹ Безусловно, существует ряд проблем формирования рабочего класса из представителей коренного населения Средней Азии. Такие нерешенные вопросы остро ставятся на страницах партийной печати, на съездах компартий советских среднеазиатских республик, намечаются пути преодоления негативных тенденций [см.: 17—20 и др.].

талистического общества и выражающихся в наличии социального неравенства и национального угнетения. Неправомерность используемых интерпретационных теорий имеет своим следствием ложную трактовку сущности демографического развития в многонациональном социалистическом государстве.

3. Концепции рождаемости

При критическом анализе буржуазных концепций рождаемости в СССР остановимся подробнее на тех, в основе которых лежат буржуазные доктрины национальных отношений при социализме, и на концепциях, основанных на неоклассическом подходе. Что же касается первого направления — оценки демографических процессов в СССР с позиций теории «тоталитаризма» и выделенного нами второго подхода — с позиций теорий «модернизации» и «демографического перехода», то их основные положения уже были рассмотрены, применение же этих концепций для анализа рождаемости не имеет особой специфики.

Этническая дифференциация демографических процессов, в первую очередь рождаемости, — одна из самых характерных черт современной демографической ситуации в СССР. Не случайно, что этнические различия привлекают пристальное внимание западных демографов. Надо отметить, что даже среди буржуазных демографов многие считают, что концепция «демографического перехода» далеко не всегда объясняет этническую дифференциацию рождаемости в СССР.

В целом демографы США стремятся «скорректировать» универсальные демографические концепции, вводя в анализ «фактор национальных отношений». Одновременно с этим они пытаются представить культурные особенности, характерные для отдельных национальностей, как фактор идеологического порядка, определяющий тот или иной уровень рождаемости. Таким образом, американские советологи предприняли еще одну попытку представить национальные отношения в СССР как якобы враждебные, антагонистические с помощью целенаправленной интерпретации этнической дифференциации рождаемости. Рассмотрим далее этот прием подробнее. Но сначала обратимся к его предыстории.

Американский демограф Д. П. Мазур одним из первых среди западных демографов обратился к изучению этнических различий рождаемости в СССР. Для объ-

яснения таких различий он достаточно объективно проанализировал ряд этнических и социальных особенностей развития различных национальных групп как факторов, влияющих на тот или иной уровень рождаемости. Впервые в зарубежной печати [297] на основании материалов переписи населения в 1959 г. он отметил, что почти все этнические группы с уровнем рождаемости выше средней принадлежат к народам, исповедовавшим ислам или буддизм, а этнические группы с низкой рождаемостью — это в основном восточные славяне и прибалтийское население, исповедовавшее христианство. Как видим, Д. П. Мазур связывал данные различия прежде всего с исповедуемой в прошлом религией. В его работах содержится ряд положений, которые в последующем были развиты и представлены в гипертрофированном виде в ряде работ западных авторов. Прежде всего это положение о решающем влиянии мусульманства как религии и как определенного образа жизни на уровень рождаемости. Причем уровень рождаемости часто рассматривается американскими демографами в качестве фактора идеологического порядка — стремления путем высокой рождаемости как ценности ислама противостоять марксизму и русской культуре.

В наиболее законченном виде такая позиция представлена в работе американских демографов Д. Хира и Н. Юссеф [253]. Среди возможных объяснений высокого уровня рождаемости среднеазиатского населения они приводят и такие: высокая рождаемость коренного населения мотивируется тем, что эти народы якобы все больше осознают, что они «угнетаемое» и «преследуемое меньшинство», что они якобы ощущают «статус меньшинства» в населении, господствующая идеология которого (марксизм) враждебна их собственной — исламу. Д. Хир и Н. Юссеф проводят аналогию с уровнем рождаемости у католиков и протестантов в Нидерландах: она выше у католиков, чем у протестантов, только там, где католики считают, что им угрожает господство протестантов [253, с. 170]. Эту концепцию выдвинули голландский демограф Ф. Ван Хич и американский демограф Л. Дэй. Они также приводят результаты обследования негритянских и белых женщин в США, проведенного в 1970 г., которые показали, что, чем выше степень расовой дискриминации в штате, тем выше уровень рождаемости негритянских женщин [253, с. 172]. Д. Хир и Н. Юссеф также считают, что высокая рождаемость коренного среднеазиатского населения может

быть объяснена «верой этих народов в то, что им легче укрепить свои позиции за счет большей численности при снижении жизненного уровня, чем путем роста жизненного уровня при снижении численности населения» [253, с. 170].

Сходные взгляды выражают и другие буржуазные авторы. Даже уже упоминавшиеся нами квалифицированные американские демографы — авторы коллективного фундаментального труда «Рождаемость в России с конца XIX века» Э. Коул, Б. Андерсон и А. Херм, справедливо указывая на то, что высокая рождаемость в Средней Азии существует в условиях, когда население продолжает придерживаться старых традиций, в том числе и таких, которые препятствуют распространению контроля над рождаемостью, само сохранение традиций считают выражением национализма. «Возможно, — предполагают они, — поддержание старых традиций является отчасти результатом общего желания избежать распространения русской культуры» [189, с. 272]. Они ссылаются на аналогичную точку зрения, высказанную в популярном на Западе справочнике «Основные советские национальности» [265].

Подобные высказывания имеются у А. Беннингсена и Э. Уимбуша. Они считают, что причины быстрого роста среднеазиатского населения сложны, «но они включают соблюдение строгих традиций в отношении статуса мужчин и женщин в обществе, сохранения решающего мнения мужа; высокую долю сельских жителей; продолжающие еще существовать традиции многопоколенной патриархальной семьи; и по крайней мере среди некоторых групп населения, сознательное желание увеличить коренное население и вытеснить русских» [175, с. 185].

В подобных высказываниях авторы проводят традиционное положение буржуазной советологии о том, что советская действительность якобы враждебна народам республик Средней Азии, причем в качестве идеологии национальностей этих республик американские авторы пытаются представить мусульманство. Данные положения несостоятельны не только с политической и идеологической точки зрения, они несостоятельны и с точки зрения методологии.

Надо отметить, что «объяснения» буржуазными демографами высокой рождаемости «верой» в укрепление позиций за счет большей численности своих республик, «осознанием» статуса меньшинства, желанием избежать распространения русской культуры и «вытеснить рус-

ских» методологически неправомерны, поскольку это попытка объяснить демографическое бытие исходя из особенностей сознания. Между тем с материалистических позиций само демографическое сознание надо объяснять исходя из материальных условий жизни, из всего образа жизни народа. Так, более высокий уровень рождаемости негритянских женщин в тех штатах, где выше уровень расовой дискриминации, объясняется, видимо, не «стремлением противопоставить себя господствующей нации за счет большей численности», а тем, что та или иная степень дискриминации влияет на социальное положение негритянских семей, на уровень образования, на образ жизни в целом, что в свою очередь через механизм репродуктивного поведения оказывает влияние на уровень рождаемости. К тому же надо отметить, что в данном случае массовому обыденному демографическому сознанию западные авторы пытаются приписать по сути дела функции политического сознания.

Чем же в действительности объясняется высокий уровень рождаемости в республиках Средней Азии? Анализ демографической ситуации в нашей стране показывает, что различные регионы СССР находятся на разных этапах демографического развития. Если для ряда республик Средней Азии пока характерна высокая рождаемость, то другие республики перешли уже в фазу низкой рождаемости (эти республики представляют 80% населения страны), третьи же находятся в стадии перехода (Казахская, Армянская, Молдавская, Азербайджанская ССР). В 1983—1984 гг. величина суммарного коэффициента рождаемости¹ колебалась от максимального уровня 5,46 в Таджикистане до 2,08 в РСФСР [рассчитано по: 26, с. 78].

Следует заметить, что этническая дифференциация рождаемости столь отчетливо проявилась в нашей стране не так давно (примерно два десятилетия назад). Она явилась следствием различных темпов перехода от высокой к низкой рождаемости по отдельным территориям нашей страны.

Чем же объяснить устойчивость норм многодетности в республиках Средней Азии в отличие от других республик страны? Не следует забывать, что на-

¹ Суммарный коэффициент рождаемости показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина в течение репродуктивного периода (с 15 до 49 лет) при условии сохранения неизменными повозрастных уровней рождаемости расчетного года.

роды среднеазиатских республик перешли к социализму, минуя стадию капитализма с его разрушительным влиянием на патриархальную семью, с его насильственным воздействием на отход от старых традиций. Как указывает советский демограф Г. А. Бондарская, коренное население Средней Азии не было ввергнуто в круговорот капиталистических отношений в той же мере, как, например, русское население, а следовательно, «не были подорваны основы патриархального быта, старые традиции, в том числе и традиции ранних браков, многодетности, господство патриархальных семейно-бытовых отношений» [125, с. 115].

Ряд советских демографов считают, что в республиках Средней Азии, прежде всего в сельской местности, сохраняют в определенной мере свое действие экономические причины высокой рождаемости. Так, Д. Зюзин указывает, что обследование, проводившееся в регионе в 1979—1981 гг., показало: «благополучие сельской семьи в значительной степени зависит от ее размера: чем больше детей в семье, тем выше уровень ее благополучия» [102, с. 91]. Демограф из Таджикской ССР С. И. Исломов также считает, что в сельской местности «многодетность не утратила пока своей экономической роли» [73, с. 29]. Дети в сельской местности выполняют значительный объем хозяйственных работ, т. е. они выступают не только как потребители, но и как производители. Это подтверждают данные обследования, проводившегося в Таджикистане в 1982—1984 гг.: в межсезонный период десятиклассники в сельской местности затрачивают на хозяйственные работы 5,5—6 часов в день, а в сезон — еще больше [см.: 73, с. 33]. Материалы опроса, проведенного в ряде районов Таджикистана, также показали, что дети в возрасте от 13 до 18 лет, помогая родителям в выполнении сезонных работ (обычно сбор хлопка, чеканка хлопка и др.), зарабатывают до 200 руб. за сезон [см.: 73, с. 33].

Сохранение в определенной степени экономических причин высокой рождаемости, консервация традиционных семейно-бытовых отношений формируют тот образ жизни, при котором дети в среднеазиатской сельской семье играют несколько иную роль, нежели в малолетней городской семье. Таким образом, в республиках Средней Азии в сельской местности отчасти сохраняются социально-экономические причины высокой рождаемости.

Однако было бы неправомерно не указать на социально-психологические причины сохранения высокой рождаемости — их значение очень велико.

Прежде всего отметим, что необходимость в высокой рождаемости на определенных исторических этапах развития общества была отражена и в нормах общественного сознания, в том числе в религиозных. Все религиозные системы, включая христианство, поощряли многодетность, но особенно это касается ислама, одной из самых устойчивых религиозно-идеологических систем. В современных условиях республик Средней Азии традиции ислама в отношении многодетности трансформировались в сознании населения в представление о том, что «так принято». Демографическое сознание инерционно по своей природе: оно отстает во времени от социально-экономических преобразований. Социально-экономические корни многодетности могут быть устранены, а демографическое сознание, ориентированное на высокую рождаемость, может еще долгое время существовать. Воздействие социального микроклимата, ценность общественного мнения, мнения людей старших поколений способствуют сохранению норм высокой рождаемости.

В городах республик Средней Азии, где отсутствуют экономические причины высокой рождаемости, она сохраняется (хотя ее уровень и ниже, чем в сельской местности) как раз преимущественно из-за влияния факторов социально-психологического порядка. Надо учесть и то, что в этих республиках большинство сегодняшних горожан из числа коренного населения — недавние сельские жители, которые в отношении рождаемости в значительной степени сохраняют ориентацию на сельский образ жизни.

Таким образом, сохранение высокой рождаемости в республиках Средней Азии объясняется не «стремлением противопоставить себя господствующей нации», как об этом говорят буржуазные демографы, а социально-экономическими и социально-психологическими причинами, которые определяются в свою очередь особенностями исторического развития данных республик.

Каковы же перспективы динамики рождаемости в Среднеазиатском регионе? Несомненно, что изменение образа жизни — еще более широкое приобщение коренного населения к промышленному труду, повышение социальной, профессиональной, миграционной подвижности, увеличение занятости женщин в общественном про-

изводстве, расширение сферы действия городского образа жизни — будет способствовать формированию новых норм рождаемости, преодолению традиций многодетности.

Уже сейчас у отдельных групп коренного населения, особенно среди молодых брачных пар городского населения, которые относятся, как правило, к рабочим и служащим, появились признаки снижения рождаемости.

Как отмечается в монографии советских демографов «Воспроизводство населения СССР», «к началу 70-х годов рост этнической дифференциации (рождаемости.— Н. Ж.) достиг, по-видимому, кульминации, после чего появились признаки новой тенденции — к ослаблению этой дифференциации» [53, с. 185]. Так, например, в Узбекистане за период 1961—1980 гг. специальный коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет) снизился со 173,6 до 148,9‰ (в том числе в городе он сократился со 125,9 до 100,4‰, в селе — с 206,9 до 189,0‰). Эта тенденция подтверждается и снижением в республике доли многодетных женщин в общей численности женщин в возрасте 15—49 лет. Если в 1970 г. число матерей, которые получали ежемесячное государственное пособие (на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет), составляло 266, то в 1979 г. — 179. Правда, в определенной степени это связано и со снижением доли основного репродуктивного контингента — женщин в возрасте 20—34 лет [см.: 46, с. 95].

За период с 1958—1959 по 1983—1984 гг. снизились суммарные коэффициенты рождаемости во всех среднеазиатских республиках, кроме Таджикистана. Так, в Узбекистане этот коэффициент снизился с 5,04 до 4,60, в Туркмении — с 5,12 до 4,68, в Киргизии — с 4,32 до 4,12, в Таджикистане же этот коэффициент повысился с 3,93 в 1958 г. (но, видимо, здесь мы имеем значительный недоучет рождений) до 5,76 в 1979 г., а к 1983—1984 гг. снизился до 5,46 [см.: 53, с. 186; рассчитано по: 26, с. 78].

И хотя эти данные характеризуют рождаемость по республикам в целом, а не по коренным национальностям, тем не менее они достаточно показательны, особенно если учесть, что в населении среднеазиатских республик постоянно повышается доля коренных национальностей. Более точные данные о динамике рождаемости у коренного населения дают выборочные обследования. Начавшийся процесс снижения рождаемо-

сти подтвердили данные выборочных обследований рождаемости, проведенных Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР в 1972 и 1978 гг., специальных социолого-демографических обследований, проведенных Проблемной научно-исследовательской лабораторией Ташкентского государственного университета (1976—1978 гг.), социологических обследований рождаемости в Узбекистане в 1974 г. (в Ташкентской, Андижанской и Самаркандской областях) и в 1979 г. (в Андижанской и Самаркандской областях).

Результаты обследования 1978 г., осуществленного сотрудниками лаборатории народонаселения Ташкентского государственного университета, показали, что репродуктивные планы женщин более молодого поколения ниже, чем старшего поколения. Например, среднее идеальное число детей у женщин в возрасте 18—22 лет составляет 5,1 ребенка, а у женщин в возрасте 43—47 лет — 6,6 ребенка.

Уровень образования также сказывается на дифференциации рождаемости: 15,3% женщин молодого поколения с высшим и незаконченным высшим образованием считали идеальным иметь в семье 2—3 ребенка, 64,2% — 4—5 детей, 15,3% — 6—7 детей. Среди опрошенных женщин, имеющих неполное среднее образование, нет ни одной, которая бы считала идеальной семью с 2—3 детьми, 25,3% из них считают идеальной семью с 4—5 детьми, 34,7% — с 6—7 детьми, 20,5% — с 8 и более детьми. Данные опроса показали также дифференциацию в соответствии с социальным положением женщин. Например, среди колхозниц 66,5% назвали идеальной семью с 6 и более детьми, среди служащих этот показатель составляет только 32,7% [102, с. 31].

О дальнейшем снижении рождаемости у коренного населения республик Средней Азии свидетельствует также ряд косвенных показателей. В первую очередь это относится к повышению брачного возраста населения данных республик. От поколения к поколению снижается здесь доля вступающих в брак до 20 лет. Повышение брачного возраста свидетельствует о начавшихся изменениях установок в области семейно-брачных отношений, о постепенном отходе от традиционных представлений и ценностей коренного населения республик Средней Азии. Конечным результатом таких изменений является переход к ограничению числа рождений.

Можно назвать и такой косвенный показатель начавшегося снижения рождаемости, как сокращение актив-

ного репродуктивного периода, т. е. концентрация рождений во все более узком возрастном интервале. Для состоящих в браке женщин, которые не ограничивают свою рождаемость, характерен растянутый репродуктивный цикл — от момента вступления в брак и практически до конца плодовитого возраста. Для женщин, которые контролируют рождаемость, наоборот, характерен непродолжительный период интенсивной репродуктивной деятельности — от 20 до 29 лет. Как указывает И. Р. Мулладжанов, с 1965—1966 по 1979—1980 гг. по-возрастные показатели рождаемости в Узбекистане снизились на 16,4%, причем резкое снижение рождаемости произошло в возрастных группах 30—34, 35—39, 40—44 и 45—49 лет при стабилизации в возрасте 25—29 лет [см. 99, с. 86].

Еще один косвенный показатель снижения рождаемости — распространение практики внутрисемейного регулирования рождаемости. Даже в Таджикской ССР, где рождаемость держится на самом высоком в стране уровне, материалы обследования, проведенного на ряде предприятий и в организациях республики, показали, что «преобладающая часть женщин все чаще пользуется абортами для избежания нежелательных родов». Среди женщин коренных национальностей в возрасте 30—34 лет к абортам прибегало 38,7% женщин, 35—39 лет — 26,7, 40—44 лет — 39,6, 45—49 лет — 60,6% [102, с. 36, 37]. И хотя методы регулирования рождаемости нуждаются в радикальной перестройке, так как необходимо расширять использование контрацептивов, которые в настоящее время применяются редко, тем не менее сам факт регулирования рождаемости уже говорит об изменении репродуктивного поведения населения, о переориентации на ограничение числа детей в семье.

Таким образом, ряд прямых и косвенных показателей свидетельствует о том, что республики Средней Азии переживают закономерный процесс демографических изменений, имеющих своим результатом снижение рождаемости, хотя его проявление и модифицировано в силу ряда особенностей социально-культурного развития рассматриваемых республик. Это доказывает фактологическую несостоятельность доводов ряда американских авторов, которые абсолютизируют и искаженно интерпретируют современный высокий уровень рождаемости в республиках Средней Азии¹.

¹ Уже в последних работах американских демографов отмечает-

Отметим, например, что в Азербайджане, где еще недавно уровень рождаемости ничем не отличался от рождаемости в Средней Азии и где бытовые традиции населения имеют много общего с традициями коренного населения среднеазиатских республик, уже начался интенсивный процесс снижения рождаемости. Так, суммарный коэффициент рождаемости в Азербайджанской ССР снизился с 5,00 в 1958—1959 гг. до 2,98 в 1983—1984 гг. [53, с. 188; рассчитано по: 26, с. 78]. И это связано с особенно быстрыми темпами развития промышленности в республике при широком включении коренного населения в общественное производство. А ведь республика также является, по терминологии буржуазных авторов, «мусульманской», значит, и на нее должны распространяться все их доводы за высокую рождаемость, приведенные Д. Хиром и Н. Юссеф. Таким образом, еще раз обнаруживается несостоятельность и предвзятость выводов буржуазных демографов.

Некоторые из них (например, М. Фешбах) пытаются доказать, что Азербайджан не может служить моделью будущего изменения рождаемости в Средней Азии, поскольку население Азербайджана несколько отличается по своей культуре от населения Средней Азии: «азербайджанцы — шииты, а мусульмане Средней Азии — сунниты». Кроме того, считает М. Фешбах, большое влияние оказывает и то, что в Азербайджане находится Баку — давно урбанизированный индустриальный район, что повлияло на качественные характеристики всего коренного населения.

Отметим, что точка зрения М. Фешбаха на то, что суннизм в большей степени противостоит изменению репродуктивных норм, чем шиизм, несостоятельна и не подтверждается, например, опытом демографического развития Казахстана, население которого в прошлом исповедовало суннизм. Однако, несмотря на это, рождаемость коренного населения этой республики снижается¹. И если тенденция к снижению рождаемости у азербайджанцев наиболее явно прослеживается в основном среди городских жителей, то у казахов она затронула и сельское население. Этот процесс советские исследователи связывают с мероприятиями по освоению целинных и залеж-

ся начавшийся процесс снижения рождаемости в советских республиках Средней Азии [227; 281].

¹ Суммарный коэффициент рождаемости по республике в целом снизился с 4,46 в 1958—1959 гг. до 2,98 в 1983—1984 гг. [53, с. 188; рассчитано по: 26, с. 78].

ных земель и вызванными ими изменениями в традиционном хозяйстве и образе жизни местного казахского населения в целом.

Более высокий исходный уровень урбанизации и индустриализации Азербайджана, значительный приток европейского населения, безусловно, сыграли свою роль в снижении рождаемости. Но быстрое ее снижение связано с интенсивной индустриализацией и урбанизацией республики в последующий период. У городского населения коренных национальностей оно началось в конце 60-х — начале 70-х годов. Если же говорить о сроках перехода коренного среднеазиатского населения к низкой рождаемости, то советские исследователи не единодушны в своих мнениях. Одни считают (например, А. Г. Вишневский), что снижение рождаемости под влиянием социально-экономических факторов, раз начавшись, будет происходить очень быстро. Другие говорят, что переход населения Средней Азии к среднедетной и тем более малодетной семье будет идти медленно [37; 43; 99 и др.].

Отметим, что для республик Средней Азии характерны как интенсивная индустриализация, так и связанный с ней значительный приток в города русского населения, который продолжался до конца 70-х годов. Однако доля городского населения во всем населении республики остается пока выше в Азербайджане, чем в среднеазиатских республиках: за период с 1939 по 1982 г. доля городского населения в Азербайджане возросла с 36 до 54%, в Узбекистане — с 23 до 42, в Киргизии — с 19 до 39, в Таджикистане — с 17 до 34, в Туркмении — с 33 до 48% [29, с. 33]. Доля же русского населения в 1979 г. была выше в среднеазиатских республиках, чем в Азербайджане: в Узбекистане она составила 10,8%, в Казахстане — 40,8, в Киргизии — 25,9, в Таджикистане — 10,4, в Туркмении — 12,6, в Азербайджане — 7,9% [27, с. 363]. Таким образом, в республиках Средней Азии имеются те же условия, которые способствовали снижению рождаемости в Азербайджане и на которые как на специфические указывает М. Фешбах.

Завершая критический анализ буржуазных концепций, интерпретирующих этнические различия рождаемости в СССР, отметим, что буржуазные демографы намеренно противопоставляют существующие в настоящее время различные уровни рождаемости: высокий — у среднеазиатского населения и низкий — у европейского. Они пытаются придать демографическим различиям желательную для них политическую окраску. Между тем

такое соотношение уровней рождаемости отражает лишь различные сроки перехода населения республик от многодетной к среднететной и малодетной семье. С завершением этого процесса в республиках Средней Азии существующие сейчас различия в уровне рождаемости исчезнут.

Рассмотрим теперь, как применяются буржуазными теоретиками неоклассические теории для интерпретации рождаемости в СССР. Американский демограф П. Грегори полагает, что «...нет специфической «социалистической» модели поведения в отношении роста населения и участия в трудовых ресурсах...» [264, с. 29]. Он считает, что положения неоклассической теории рождаемости, сформулированные Г. Беккером (1960), Й. Бен-Порэтом (1973), Р. Истерлином (1975) и многими другими, справедливы и в условиях социалистической страны¹.

В чем же суть неоклассических теорий рождаемости? Один из теоретиков данного направления, Р. Истерлин, характеризует их следующим образом: «...некоторые экономисты (среди них наиболее известны Гарри С. Беккер и Харви Лейбенштейн) выдвинули идею о том, что поведение людей, связанное с вопросами рождаемости, следует анализировать с позиций теории принятия решений; эту теорию они развивали в русле концепции потребительского выбора, рассматривая в качестве субъекта потребления отдельно взятую семью. Ход их рассуждения был следующий. Предположим, что семья рассматривает детей как разновидность потребительского блага, которое в общем случае удовлетворяет ее потребности аналогично другим экономическим благам. Намерение родителей иметь детей может быть описано в терминах кривых безразличия... Возможен вопрос о соответствующей «цене» на детей. Такая «цена» включала бы «дисконтированную» стоимость различных расходов, которые требуются, чтобы поставить детей на ноги, учитывая «вмененные издержки»² по уходу за ребенком... Вместе с ценами на товары и семейным бюджетом такие стоимостные оценки образуют линию бюджетных ограничений. Взаимодействие подобных внешних

¹ В советской литературе дан критический анализ концепций Г. Беккера и Р. Истерлина [см.: 88; 142].

² Под «вмененными издержками» буржуазные авторы понимают те прямые и косвенные потери, которые будет нести женщина в связи с рождением ребенка. Прямые — это та зарплата, которую не получит женщина, оставаясь дома с ребенком; косвенные — это снижение квалификации, невозможность продолжать образование и др.

ограничений с кривыми безразличия, построенными на основе субъективных решений, определит тот набор детей и потребительских благ, который наилучшим образом должен удовлетворять потребности семьи с учетом различий вкусов, цен и доходов ее членов» [цит. по: 75, с. 695].

Р. Истерлин вынужден отметить, что процесс принятия решений о рождении детей «не выглядит таким в высшей степени рациональным процессом», он считает, что подобные решения принимаются скорее путем «грубой оценки потребительских предпочтений» [цит. по: 75, с. 696]. Однако в целом модель своих предшественников он считает достаточно убедительной: «... дети, подобно обычным благам, не бесплатны... Как разнообразные товары конкурируют между собой в борьбе за доллар семейного дохода, так и дети конкурируют с различными благами» [цит. по: 75, с. 696]. Его заключительный вывод гласит: «Потребности, цены, доходы — все это влияет на стремление людей иметь ребенка. А если это так, то есть доля истины в том, что родители, решая, иметь или не иметь ребенка, соизмеряют свои желания и возможности (пусть большей частью бессознательно), причем происходит это таким образом, как описывается в экономической теории предпочтения потребительских благ» [цит. по: 75, с. 697].

По мнению П. Грегори и его коллег [243], в условиях СССР подтверждаются основные положения неоклассической теории рождаемости: предельная полезность первого ребенка огромна — это так называемая «неэластичная потребность», она вне конкуренции, т. е. большинство семей желает иметь первого ребенка. Потребность в детях более высокого порядка рождений эластичнее — «заменителями» вторых, третьих и т. д. детей могут выступить другие потребительские блага — машина, квартира, отпуск и т. п. или увеличение «инвестиций в человеческий капитал» (повышение качества воспитания детей более низкого порядка рождения). Повышение уровня образования женщин ведет к увеличению «вероятной цены детей», так как с ростом образования растет заработная плата, поэтому рост образования отрицательно сказывается на рождаемости и т. д.

Неправомерность неоклассических теорий рождаемости и попыток использовать их для анализа репродуктивного поведения семей в СССР обусловлена в значительной мере несостоятельностью самого неоклассиче-

ского подхода, о котором уже шла речь, с характерным для него субъективизмом и рационализмом «экономического человека».

Но применение микроэкономических неоклассических теорий для анализа такого сложного социально-психологического феномена, как репродуктивное поведение, привносит и ряд новых моментов, на которых необходимо остановиться.

Рассмотрим, в чем выражается несостоятельность неоклассических теорий в применении к анализу рождаемости в СССР. Прежде всего неправомерным является центральный тезис неоклассических теорий рождаемости, что дети — это своего рода товар длительного пользования, который в удовлетворении потребностей «аналогичен другим экономическим благам». Развернутая критика этой позиции была дана еще в 1967 г. американским демографом Дж. Блейк в статье «Являются ли дети товарами длительного пользования?», которая показала, что во всех отношениях такая аналогия является неприемлемой [221].

Такой «экономический» подход теоретиков неоклассического направления приводит к тому, что в принципе искажается характер репродуктивного поведения. Репродуктивная мотивация сведена к экономической мотивации, т. е. она рассматривается только в рамках концепции «потребительского выбора». Не случайно, что первые варианты буржуазных неоклассических теорий рождаемости, как отмечает советский демограф А. И. Антонов, постулировали прямую связь между уровнем дохода и рождаемостью. Однако это положение не подтвердилось эмпирически, и в последующие неоклассические модели были внесены поправки, сводящиеся к отрицанию прямой связи. На деле же данный тезис присутствует, поскольку утверждается, что при прочих равных условиях с ростом дохода вероятность принятия решения о рождении ребенка увеличивается. Как считает А. И. Антонов, специализирующийся в области социологии рождаемости, «попытка построения «чисто» экономической модели сводится к спасению и увековечению прямой связи» [33, с. 52]. Неоправданное сведение буржуазными демографами репродуктивной мотивации только к экономическим факторам характерно и в том случае, когда рассматривается влияние уровня образования на рождаемость, которое связывается с величиной заработной платы (чем выше образование, тем выше заработная плата, выше «вмененные

издержки» и «цена» детей, тем ниже рождаемость). И в данном случае сложное влияние образования на изменение ценностных ориентаций неправомерно сводится буржуазными исследователями к вопросу о «вмененных издержках».

В действительности же взаимосвязь уровня дохода и уровня рождаемости не носит такого непосредственного характера, как это представлено в неоклассических схемах. Многочисленные исследования в нашей стране и за рубежом показали, что нет непосредственной связи между доходом, социально-экономическими условиями жизни и рождаемостью, а связь эта опосредованная. Промежуточным механизмом выступает репродуктивное поведение семьи. Но репродуктивное поведение — это тончайший социально-психологический, а не чисто экономический механизм, как пытаются представить теоретики неоклассического направления.

Попытки разгадать природу репродуктивного поведения подвели ученых к необходимости выявления сущности таких явлений, как репродуктивные нормы и ценности, репродуктивные установки и мотивация и др.

Отметим, что в репродуктивном поведении семей существует определенное единообразие. Это свидетельствует о существовании регуляторов рождаемости на уровне общества — на макроуровне. «Образцом» поведения для отдельной семьи служит так называемая репродуктивная норма. В современной социальной демографии репродуктивные нормы рассматриваются, используя определение А. И. Антонова, как «детерминированные общественным бытием принципы и образцы одобряющего поведения, относящегося к рождению определенного числа детей, и принятые в тех социальных группах, к которым принадлежит или хотел бы принадлежать индивид» [33, с. 82].

Если же исходить из неоклассических теорий, то вопрос о числе детей в семье должен быть все время подвержен изменениям и значительно различаться в разных семьях в зависимости от изменений дохода и субъективных представлений «потребителей» — членов семьи.

На деле же свобода «субъективных предпочтений» в отношении рождения определенного числа детей, как показывает опыт демографического развития человечества, достаточно ограничена. Так, А. И. Антонов отмечает: «...люди имеют столько детей, сколько хотят, но...

хотят они не по произволу», а в соответствии с действующими репродуктивными нормами [см.: 33, с. 85]. И уже в пределах этих норм существуют индивидуальные отклонения в репродуктивном поведении отдельных семей.

Кроме того, как показывают результаты исследований советских ученых, репродуктивные нормы и установки очень устойчивы и могут сохранять свое действие на протяжении целого поколения. Таким образом, представление об определенном числе детей в семье — величина достаточно стабильная, не подверженная конъюнктурным изменениям. Другое дело, что экономическая мотивация может повлиять на изменения интервалов между рождениями или привести к невозможности реализации потребности в определенном числе детей. Эти процессы фиксируются в неоклассических теориях и с данной точки зрения представляют теоретический интерес.

Таким образом, объяснение закономерностей рождаемости должно, видимо, сводиться к созданию такой иерархической теории, которая бы объясняла регуляцию данного процесса на макроуровне и механизмы передачи этой регуляции на микроуровень. Неоклассические же теории рождаемости пытаются представить закономерности рождаемости как суммарное действие субъективных экономических предпочтений семей. Исследуя эти вопросы, советский демограф А. П. Судоплатов приходит к выводу, что в основе рассматриваемых теорий «лежит неверное отождествление экономической обусловленности интенсивности естественного прироста населения в целом в обществе и формирования экономической мотивации желания родителей иметь детей в современной семье» [142, с. 4].

Следует также отметить, что изучение природы репродуктивных установок подводит к выводу о неправомерности неоклассического подхода¹. Современные советские социологические исследования позволяют сделать вывод, что социальная установка вообще и репродуктивная в частности имеют сложную структуру. Они состоят из трех компонентов: когнитивного (познавательного, рационального), аффективного (эмоциональ-

¹ Под репродуктивной установкой понимается «психическое состояние личности, обуславливающее взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей» [38, с. 115].

ного) и поведенческого (побудительного) [см.: 33, с. 116]. Как отмечает А. И. Антонов, трехсоставная структура установки «показывает уже внутренний источник противоречивости индивидуального поведения, подчеркивает упрощенность истолкования поведения в рационалистическом духе» [33, 116], как это происходит в неоклассических теориях.

Даже некоторые буржуазные демографы (например, Дж. Блейк) отметили неправомомерность сведения репродуктивной мотивации теоретиками неоклассического направления только к экономической мотивации¹. Советские исследователи исходят из того, что структура репродуктивной мотивации также сложна. Она состоит из трех уровней — экономических, социальных и психологических мотивов рождения. Надо отметить, что в неоклассических теориях психологические мотивы также широко рассматриваются. Но дети в качестве источника психологического удовлетворения выступают как одно из альтернативных потребительских благ, которые могут взаимозаменять друг друга в зависимости от «цены» детей, цены альтернативных экономических благ, уровня дохода. Следовательно, и сама психологическая потребность «экономизирована».

Таким образом, рассмотренные неоклассические теории рождаемости не могут объяснить репродуктивное поведение населения СССР. И вообще они в силу своей методологической и теоретической несостоятельности не могут выступать в роли научной теории при изучении репродуктивного поведения населения.

4. Концепции миграции

Выделенные исходные теоретические позиции буржуазных исследователей четко прослеживаются при интерпретации ими миграционных процессов в СССР.

Первый подход — с точки зрения доктрины «советского тоталитаризма» — в настоящее время практически полностью утратил свое влияние. Сами буржуазные авторы признают, что постановка вопроса о «принудительной миграции» в Советском Союзе является неправо-

¹ «Репродуктивные мотивы представляют собой психические состояния личности, побуждающие индивида к достижению разного рода личных целей через рождение определенного числа детей» [33, с. 147].

мерной. Так, Р. Льюис и Р. Роулэнд пишут: «Если не учитывать обязательную работу после окончания высшего учебного заведения, то можно сказать, что миграция в СССР не является принудительной» [274, с. 19].

«Универсальное» направление, в основе которого лежат «индустриальные» концепции, является преобладающим и при изучении буржуазными авторами миграционных процессов в СССР. Данный подход реализуется в уже знакомой нам теории «модернизации», которая применяется и для анализа закономерностей миграции, а также в теории «миграционного перехода».

Буржуазные демографы Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем на основании того, что миграционная политика в Советском Союзе не всегда была эффективной, неправомерно противопоставляют политику социалистического государства характеру действия объективных закономерностей. Они не рассматривают политику государства как выражающую объективные потребности развития. Кроме того, они отрицают огромную организующую роль Советского государства в индустриализации страны, связанной с ней урбанизации и миграции населения из села в город.

Отметим, что планомерное территориальное движение рабочей силы в условиях социализма осуществляется как прямыми методами, т. е. с помощью плановых форм (оргнабор, переселение, общественные призывы, направление на работу выпускников высших и средних специальных учебных заведений), так и косвенными, т. е. путем планомерного распределения капитальных вложений на промышленное, жилищное и социально-культурное строительство по экономическим районам.

Таким образом, миграция трудовых ресурсов осуществляется как путем планирования размещения производительных сил, так и путем регионального планирования уровня жизни.

Если на первых этапах регулирования миграции прямые методы планового воздействия использовались очень широко (миграционные потери села за период 30-х и первую половину 40-х годов составили около 18 млн. человек [134, с. 102], причем роль оргнабора в перераспределении населения между городом и селом была огромной), то в настоящее время они применяются более ограниченно. Однако не исключено, что в перспективе в связи с возрастанием значения территориального и отраслевого перераспределения трудовых ресурсов в условиях интенсификации советской экономики

они вновь будут широко использоваться, но уже на качественно новой основе.

В условиях социализма существуют и другие методы управления миграцией. Так, особую роль приобретает пропаганда и агитация как средство формирования потенциальной миграции. И наконец, действует еще одна форма воздействия на миграционные процессы — правовое регулирование миграции [см: 96, с. 98, 99]. Надо отметить, что наше государство всегда оказывало регулирующее воздействие на оптимизацию миграционных потоков в соответствии с потребностями народного хозяйства. Однако эти потоки все еще имеют значительные отклонения от оптимальных по своей направленности и интенсивности, что вызывает потребность в усилении планового воздействия государства в тех или иных формах на миграционные процессы.

В чем же суть концепции миграции в СССР американских авторов Р. Льюиса, Р. Роуланда и Р. Клема? Они считают, что миграция населения в города и районы промышленного роста исторически связана с «модернизацией» страны. Как же американские исследователи объясняют эту связь? Их общая теоретическая посылка состоит в том, что миграция является результатом действия сил «притяжения и выталкивания». Силы «выталкивания» соединяются, как считают авторы, с силами «притяжения», порождаемыми экономическим развитием и индустриализацией. Действие силы «выталкивания», по их мнению, происходит следующим образом: в ходе исторического развития высокие темпы роста населения в сельских земледельческих районах, вызванные снижением смертности на начальной стадии процесса модернизации, создают мощную выталкивающую силу, что имеет своим результатом миграцию из этого района [272, с. 16].

Таким образом, по мнению Р. Льюиса и его коллег, основная причина «давления населения на неадекватные земельные ресурсы» — высокие темпы роста населения в сельскохозяйственных районах. Однако такая аргументация авторов перекликается с мальтузианскими постулатами демографического детерминизма, с тезисом о давлении населения на средства существования. Авторы не только проводят в данном случае методологически неверное положение об определяющей роли демографического фактора, но и сам их «универсальный» (т. е. справедливый якобы для всех стран, в которых идет процесс модернизации) подход является внеисто-

рическим. Положение о силах «выталкивания», вызывающих, по их мнению, миграцию сельского населения в города, носит абстрактный характер, поскольку оно игнорирует такие качественно разнородные исторические процессы, как миграция сельского населения в города в период первоначального накопления капитала, сущность которого состояла в отделении производителя от средств производства; аграрное перенаселение при капитализме, когда население становится относительно избыточным по сравнению с потребностями капитала, применяемого в сельском хозяйстве; миграция в переходный период для преодоления аграрного перенаселения; миграция сельского населения в города в ходе социалистической индустриализации и т. д. Из сказанного видно, что «силы выталкивания» должны быть определены каждый раз для разных исторических периодов и условий, так как сущность их различна.

Исходя из своей концепции миграции, Р. Льюис и его коллеги заключают, что высокие темпы роста населения в Среднеазиатском регионе усилят «давление населения на неадекватные земельные ресурсы», что вызовет миграцию коренного сельского населения в районы высокой экономической активности уже в 80-х годах и приведет, утверждают авторы, к усилению этнического смешения и к обострению национальных отношений¹.

Р. Льюис и его коллеги считают, что «советский опыт также согласуется с концептуальными схемами исторических изменений процессов урбанизации и миграции», разработанными Дж. Джиббсом и У. Зелинским [288, с. 399]. Дж. Джиббс выделяет пять этапов концентрации населения: 1) возникновение городов; 2) рост городского населения в конце концов превосходит рост сельского населения; 3) сокращение сельского населения; 4) сокращение населения небольших городов; 5) децентрация населения [274, с. 400]. По мнению Р. Льюиса и Р. Роуланда, Советский Союз прошел через эти пять стадий.

У. Зелинский также предлагает пятистадийную модель миграционного перехода. Он строит ее по аналогии с теорией «демографического перехода» для рождаемости и смертности, причем стадии перехода соответствуют определенным стадиям «модернизации». Миграцион-

¹ О перспективах миграции коренного населения Средней Азии из региона и ее возможных последствиях в освещении буржуазных авторов см. в главе 2.

ный переход (так же как изменения рождаемости и смертности) рассматривается им как «непреложный», прогрессирующий с «фатальной неизбежностью» и проходящий через особые фазы [235, с. 171]. Первая фаза (низкая миграционная подвижность) характерна для «доиндустриального традиционного общества». Вторая фаза (массовая миграция из села в город, рост возвратной миграции) характерна для «раннего переходного общества». Третья фаза (миграция из села в город снижается, растет миграция «город — город», внутригородская миграция, а также возвратная миграция, в том числе маятниковая) характерна для «позднего переходного общества». Четвертая фаза (дальнейшее снижение миграции из села в город и дальнейший рост возвратной миграции и миграции из города в город, рост миграции из менее экономически развитых районов в более развитые) характерна для «перелового (модернизированного) общества». Пятая фаза (снижение роли безвозвратных форм миграции, снижение роли миграции «город — город» и внутригородской миграции, а также «навязывание строгого политического контроля как над внутренней, так и над внешней миграцией») будет характерна для «будущего сверхпередового общества» [214, с. 400].

Исходя из модели «миграционного перехода» У. Зелинского, Р. Льюис и Р. Роулэнд считают, что Советский Союз прошел первые три фазы и частично четвертую. Миграция из менее экономически развитых районов в более развитые, которая в соответствии с моделью У. Зелинского характерна для четвертой фазы миграционного перехода, по их мнению, еще будет происходить в СССР. Причем здесь они имеют в виду миграцию в будущем коренного населения Средней Азии в промышленно развитые районы СССР [288, с. 400]. Американские исследователи приходят к выводу, что опыт СССР в общем соответствует моделям, предложенным Дж. Джиббсом и У. Зелинским, и, таким образом, опыту западных стран. Как они считают, опыт СССР демонстрирует «универсальность процессов урбанизации и миграции» [288, с. 400]. Как видим, они целиком абстрагируются от общественно-экономического строя, определяющего специфику миграционных процессов.

П. Грэндстафф также стремится проверить «западные законы» миграции населения на примере СССР. Его статья так и называется: «Советский опыт и «за-

падные законы» миграции населения» [239]. Свои взгляды он развивает и в монографии «Межрегиональная миграция в СССР: экономические аспекты, 1959—1970» (1980) [240]. П. Грэндстафф ставит своей целью сравнить закономерности миграционного движения населения в СССР с теми обобщениями, которые были сделаны относительно процессов внутренней миграции в западных странах. Он указывает, что самой известной системой таких обобщений является система, предложенная Э. Равенштейном в его работе «Законы миграции», в которой даны некоторые эмпирические обобщения миграционных перемещений.

Равенштейн пришел к выводу, что действует пять основных законов миграции: 1) мигранты обычно переезжают из малых населенных пунктов в более крупные; 2) миграционные потоки тем меньше, чем больше расстояние между двумя пунктами; 3) крупный миграционный поток порождает компенсирующий в обратном направлении; 4) численность мигрантов, выбывших из района, пропорциональна численности населения; 5) уроженцы городов менее склонны к миграции, чем уроженцы сельских мест.

В советской литературе была дана критика этой модели Э. Равенштейна [160, с. 192—193]. Так, Б. С. Хорев и В. Н. Чапек указали, что «в зарубежной литературе нередки случаи, когда тем или иным зависимостям, установленным на основе анализа миграционных и урбанизационных явлений в отдельном регионе на определенном историческом этапе, придается значение «законов», действующих более или менее постоянно и отвлеченно от общественно-экономического строя». Советские авторы считают, что закономерности миграции и урбанизации должны определяться прежде всего на основе их социально-экономической обусловленности. В связи с этим они отмечают, что, хотя модель Э. Равенштейна отражает некоторые объективно устанавливаемые зависимости миграции для определенного места и времени, их неправомерно называть законами. Они также указывают на фактологическое опровержение этой теории. Б. С. Хорев и В. Н. Чапек отмечают, что, например, массовое переселение из крупных городов в пригородные зоны в послевоенный период в США опровергает первый «закон» (переезд из малых населенных пунктов в крупные) и что пятый «закон» (о большей подвижности сельского населения по сравнению с городским) также не подтверждается, поскольку меж-

городская миграция давно преобладает в США и начинает преобладать в СССР.

Оценивая в целом построения У. Зелинского, Дж. Джиббса, Э. Равенштейна, можно сказать, что все они характеризуются чрезмерной абстрактностью. Безусловно, можно выделить ряд моментов, которые присущи любым миграционным передвижениям, но это характеристика миграционных процессов не на уровне сущности, а на уровне явлений. Всесторонний анализ закономерностей миграции не может быть осуществлен безотносительно к конкретным историческим условиям. Специфика способа производства определяет характер перемещения населения, его причины, направления, социальный состав мигрантов.

На неприменимость подобных абстрактных моделей для анализа миграционной подвижности населения и процессов урбанизации указывают даже некоторые из буржуазных авторов. Так, Р. Факс и Дж. Демко, рассматривая возможность применения модели «миграционного перехода» У. Зелинского для изучения миграционных процессов в СССР, приходят (в отличие от Р. Льюиса и Р. Роуланда) к выводу, что существуют «различные формы миграционного перехода, которые обусловлены спецификой отдельных культур и обществ, и они не поддаются обобщению в единой многофазной модели» [235, с. 182]. Они отмечают, что в социалистических странах уровень и темпы миграционного перехода следует рассматривать не как результат «неизбежных» и «универсальных» процессов, а как результат преднамеренного вмешательства государства в экономику. По их мнению, подобное вмешательство самым серьезным образом отражается на характере и последствиях миграционного перехода [235, с. 171].

Р. Факс и Дж. Демко считают, что при поверхностном рассмотрении общий характер миграционных процессов в социалистических странах Европы и СССР соответствует стадиям «миграционного перехода» У. Зелинского. Однако более детальный анализ этих процессов, их причин, характеристик и последствий обнаруживает, по их мнению, существенные отклонения от данной модели. Так, они обоснованно считают, что в Советском Союзе и других социалистических странах наблюдается «перекрещивание», накладываются различные фазы миграционного перехода, выделенных У. Зелинским, что говорит, с их точки зрения, о неприменимости этой модели для характеристики миграционных процессов в

СССР. Например, пятая фаза перехода, как указывают Р. Факс и Дж. Демко, которая будет характерна в соответствии с рассматриваемой моделью для «будущего сверхпередового общества» и которая имеет такую отличительную черту, как прямое государственное вмешательство в миграционные процессы посредством различных мер контроля, была введена в Советском Союзе на более ранней стадии. Р. Факс и Дж. Демко приходят к выводу, что ряд закономерностей, которые характеризуют миграцию в социалистических европейских странах, не укладываются в концептуальную схему У. Зелинского и являются очевидным результатом политики правительства социалистических стран в области индустриализации, жилищного строительства и урбанизации.

Отмечая определенную познавательную ценность модели «миграционного перехода» У. Зелинского, Р. Факс и Дж. Демко считают, что эта модель все же не в состоянии выявить факторы, вызывающие изменения миграционной подвижности, и что она является «внепространственной, так как рассматривает миграционную подвижность безотносительно к изменяющемуся составу населения и расселения, а также не включает такие аспекты, как характер и последствия миграционных передвижений, которые с социальной точки зрения могут быть гораздо более важными, чем внешние изменения в типах мобильности» [235, с. 182].

Таким образом, позиция Р. Факса и Дж. Демко свидетельствует о том, что некоторых буржуазных авторов перестают удовлетворять рассматриваемые вне конкретного социально-экономического пространства и «вневременные» концептуальные модели миграционных процессов, так как они не выделяют существенные характеристики, связанные со спецификой способа производства, а ограничиваются фиксацией поверхностного сходства, которое возводится ими в ранг закономерности.

Отметим, что абстрактные концептуальные схемы «миграционного перехода» и им подобные не пригодны для выявления сущности развития миграционной подвижности населения социалистических стран. Здесь требуются знания причин, целей и методов осуществления индустриализации, урбанизации, миграционного движения, которые качественно отличны в социалистических странах по сравнению с капиталистическими. Пересмотр даже самими буржуазными исследователями теории «миграционного перехода» применительно к ана-

лизу миграционных процессов в СССР и других социалистических странах свидетельствует о том, что уже появляются признаки кризиса «универсального» подхода при изучении этих процессов.

При анализе миграционных процессов в СССР буржуазными авторами широко используется и другой подход, в основе которого лежат буржуазные концепции национальных отношений при социализме. Причем его роль в последнее время возросла, что связано в значительной мере с обострением международных отношений, которое в области идеологической борьбы всегда сопровождается переходом к более реакционным теориям, носящим откровенно антисоветский характер.

Рассматривая взгляды буржуазных авторов, нельзя не заметить, что современные концепции межреспубликанской миграции не являются абсолютно новыми, они продолжают те старые традиции, которые сложились в советологической литературе в 50-х годах. Но если прежде демографический фактор рассматривался в специальной литературе, посвященной анализу национальных отношений в СССР, то в настоящее время наряду с этим в специальной демографической литературе рассматриваются различные аспекты национальных отношений.

Так, в 50—60-х годах, когда происходило снижение доли коренного населения в общей численности населения среднеазиатских республик в связи с быстрой индустриализацией, широкое распространение получили теории колонизаторского характера советской национальной политики и в «доказательство» приводились факторы демографического порядка.

В американской литературе по национальным отношениям в СССР миграция европейского населения в Среднеазиатский регион рассматривалась как выражение политики «колониализма» и «русификации». Старая концепция «русификации» с конца 70-х годов начала довольно широко использоваться в демографических исследованиях, посвященных анализу миграционных процессов в СССР.

Характеристика миграции русского и другого европейского населения в Среднеазиатский регион уже давалась нами в связи с критикой теории «этнической стратификации». Здесь же мы только укажем, что основной целью подобной миграции была быстрая индустриализация в прошлом отсталых среднеазиатских республик, с тем чтобы повысить уровень их экономического и

социального развития. Эта цель в условиях почти полного отсутствия местных квалифицированных кадров определила и массовый характер миграции, и ее направленность из районов высокого экономического развития в районы более низкого экономического развития, и профессиональный состав мигрантов, и планомерные усилия государства, направленные на решение данной задачи.

Буржуазные же авторы пытаются представить выделение значительных финансовых средств в целях экономического развития региона, проведение Советским государством политики индустриализации в среднеазиатских республиках не как позитивное, а как негативное явление, так как сознательно сводят цель этих мероприятий якобы к установлению «политического контроля». При этом они извращают не только основополагающие принципы советской федерации, но и действительную цель такого рода мероприятий — выравнивание уровней экономического развития различных районов и республик страны.

Так, американские исследователи А. Беннингсен и Э. Уимбуш считают, что миграция европейцев в Среднеазиатский регион имеет ряд особенностей, которые отличают ее от других миграционных движений, характеризующихся общими закономерностями. По их мнению, эта миграция в значительной степени является продуктом «осознанного и постоянного плана великорусского руководства по установлению контроля за нерусскими областями» [175, с. 173].

Кроме того, данные авторы полагают, что характерная черта миграции европейцев в Среднеазиатский регион — движение из районов высокой экономической активности, характеризующихся низкими темпами прироста населения, в районы низкой экономической активности, с высокими темпами прироста населения. При этом А. Беннингсен и Э. Уимбуш рассматривают приток квалифицированных специалистов из европейской части СССР как фактор, препятствующий формированию местных квалифицированных кадров.

По мнению А. Беннингсена и Э. Уимбуша, не мигранты воспринимают традиции и обычаи своего нового окружения, а коренное население должно принять культуру мигрантов, т. е. происходит якобы «русификация» среднеазиатского населения.

Отметим, что положение А. Беннингсена и Э. Уимбуша о «конкуренции» между европейскими поселенцами

и коренным населением за малочисленные рабочие места по мере роста среднеазиатского населения смыкается с уже рассмотренной точкой зрения Р. Льюиса, Р. Роуланда и Р. Клема, что местное население якобы получает гораздо меньше преимуществ от развития промышленности в своих республиках, чем европейское население, и что миграция европейцев приводит к тому, что все «лучшие места» оказываются занятыми европейцами, и препятствует вхождению коренного населения в «современный сектор» из-за действия санкций против меньшинств в системе этнической стратификации.

А. Беннингсен и Э. Уимбуш сознательно искажают роль Советского государства, русского народа в осуществлении культурной революции в среднеазиатских республиках, подъеме культуры среднеазиатских национальностей в современный период. Буржуазные авторы сводят по сути дела развитие культуры к специфике местного образа жизни, к традициям и обычаям, многие из которых в настоящее время являются пережитками прошлого, и из этого они выводят тезис об усилении противоположности культур, о неприятии культуры среднеазиатских народов.

На деле в нашей стране социалистическая культура в целом, культура каждого из народов Советского Союза обогащается достижениями культуры других народов вследствие интенсивного обмена материальными и духовными ценностями между различными национальностями. В этом смысле велика роль русской культуры для дальнейшего развития культуры среднеазиатских национальностей. И вот такое благотворное влияние русской культуры, интернационалистской по своему духу и характеру, как и культуры каждой социалистической нации, истолковывается буржуазными исследователями как «русификация».

Игнорирование конкретных социально-исторических условий, в которых осуществлялась миграция европейского населения в Среднеазиатский регион, извращение характера национальной политики Советского государства привели буржуазных авторов к искажению реальных закономерностей миграционных перемещений в условиях социализма.

Теория «русификации» используется и при интерпретации буржуазными авторами миграции русского населения в республики Прибалтики.

Объективная оценка миграции в Прибалтийские республики из других районов страны дается в коллектив-

ной монографии эстонских, литовских и латвийских авторов «Построение социализма в советской Прибалтике» [см.: 113]. В этой работе отмечается, что «огромное значение для осуществления планов социалистической индустриализации в Литве, Латвии и Эстонии имела помощь братских республик квалифицированными кадрами. К концу четвертой пятилетки в важнейшие отрасли промышленности Латвии по направлению союзных министерств и ведомств прибыло около 10 тыс. инженеров, техников и других специалистов. В Литву уже в первый год после освобождения республики от гитлеровских оккупантов по направлению ЦК ВКП(б) и союзного правительства было направлено 6 тыс. различных специалистов, партийных и советских работников. Они помогли наладить новое оборудование, освоить производство новых видов продукции, обучили трудящихся новым профессиям» [113, с. 254].

В данной монографии отмечается, что «за годы Великой Отечественной войны население республик Советской Прибалтики существенно сократилось, особенно его трудоспособная часть, и прежде всего значительно уменьшилось количество мужчин. Создался острый дефицит рабочей силы, вследствие чего многие предприятия не могли работать на полную мощь. Ощущался недостаток рабочих рук на стройплощадках... Существенным источником пополнения Литвы, Латвии и Эстонии квалифицированными кадрами были специалисты и опытные рабочие, прибывшие из других советских республик» [113, с. 256].

Однако буржуазные демографы по-своему интерпретируют миграционные процессы, происходящие в республиках Средней Азии и Прибалтики, без учета конкретных социально-исторических условий развития этих республик. В целом американские авторы рассматривают миграцию как следствие навязанного этим республикам экономического развития. Однако некоторые из американских демографов, например Т. Парминг, справедливо отмечают, что быстрое восстановление промышленности в Эстонии и Латвии было важно и для экономики страны в целом и требовало огромного притока трудовых ресурсов в республики, где количество трудовых ресурсов было ограничено. Он приходит к выводу, что «послевоенная миграция была скорее побочным, чем тщательно продуманным следствием советской экономической политики» [300, с. 402].

Вместе с тем Т. Парминг, разбирая вопрос о «со-

хранении национальной целостности перед лицом происходящих демографических изменений», считает, что к 1990 г. в Эстонии и Латвии коренное население составит меньшинство, и указывает на якобы существующую возможность утраты статуса союзной республики в связи с происходящими изменениями в этническом составе населения республик в сторону снижения доли коренного населения [300, с. 406]. При этом Т. Парминг сознательно избегает такого факта, который прямо опровергает его домыслы. Например, хорошо известно, что более половины населения Казахстана уже длительное время составляет не коренное, а в первую очередь русское население, что было связано с интенсивной индустриализацией этой республики и освоением целинных и залежных земель. Однако это никак не сказалось и не могло сказаться на статусе Казахстана как союзной республики.

Т. Парминг утверждает, что трудность положения отдельных национальностей Советского Союза, в первую очередь национальностей Средней Азии, состоит в том, что некоренное население в этих республиках и регионах имеет непропорционально высокую долю в так называемом «среднем городском классе» и как производитель и потребитель культуры оно не заинтересовано в сохранении и развитии культуры и языка коренного населения.

Отметим, что совершенно ясна фактологическая несостоятельность этой «теории». Так, хорошо известно, что наивысшего расцвета культура среднеазиатских республик достигла именно в советский период, что она обогатила свое содержание достижениями культуры других советских национальностей. Данные переписей населения свидетельствуют также о том, что наряду с постоянным увеличением доли лиц коренного населения, владеющих русским как вторым языком, остается неизменно высокой доля лиц, считающих родным язык своей национальности (эта доля составила в 1970 и 1979 гг. соответственно: у узбеков — 98,6 и 98,5%, у таджиков — 98,5 и 97,8, у туркмен — 98,9 и 98,7, у киргизов — 98,8 и 97,9%) [29, с. 128].

Теоретическая несостоятельность концепции Т. Парминга состоит в том, что в ней вопрос о сущности и характере национальных отношений и национальной политики в многонациональном государстве, которые определяют либо расцвет и одновременно сближение наций (в условиях социалистического общества), либо отно-

шения господства и подчинения (в условиях капитализма), подменяется абстрактным рассуждением о «господстве среднего класса». При этом замалчивается характер национальной политики Советского государства, направленной на всемерное развитие культуры отдельных национальностей (создание школ с обучением на языке данной национальности, увеличение выпуска печатных изданий на родном языке, рост национальных кадров и т. д.).

И наконец, признавая, что при осуществлении интенсивной индустриализации миграция населения из других районов страны является необходимой (в Прибалтике — вследствие нехватки трудовых ресурсов вообще, в Средней Азии — квалифицированных трудовых ресурсов), Т. Парминг заявляет, что «Советский Союз явно сталкивается с дилеммой, которая представляется неразрешимой». Она, по его мнению, состоит в том, что «если оставить слаборазвитые регионы страны слабо развитыми, то Советское правительство наверняка будет обвинено во внутреннем колониализме. Однако, если промышленная экспансия и модернизация будут энергично проводиться, Советское правительство будет обвинено в русификации» [300, с. 430]. Т. Парминг по сути излагает идеологическую позицию западных исследователей, которые изыскивают все средства для того, чтобы исказить сущность происходящих социальных процессов в нашей стране, какой бы характер они ни носили, в каком бы направлении ни развивались.

Заканчивая рассмотрение буржуазных концепций межреспубликанской миграции населения в СССР, остановимся на трактовке западными исследователями миграционного движения в республиках Закавказья. В этих концепциях миграционные процессы также связываются буржуазными авторами с характером национальных отношений.

Так, Б. Сильвер, анализирующий миграционные процессы в Закавказских республиках, ставит своей основной целью выявить взаимосвязи между изменением этнического баланса и «степенью антипатии или близости» между основными национальностями Закавказья [321, с. 1]. Отмечая снижение этнической разнообразности в республиках Закавказского региона, он указывает, что за межпереписной период (1959—1970 гг.) отрицательное сальдо миграции в Грузии и Азербайджане — результат оттока в основном русского, армянского и азербайджанского (из Грузии) населения. По-

ложительное сальдо миграции в Армении явилось результатом миграции армян в свою национальную республику из соседних Закавказских республик. Исходной предпосылкой анализа Б. Сильвера явилось предположение, что возможной причиной такой направленности миграционных потоков между соседними Закавказскими республиками является «исторически сложившаяся антипатия» между национальностями этих двух групп, которая, как предполагает Б. Сильвер, «обострилась в такой степени, что они стремятся избегать друг друга и переселяться в союзные республики своей собственной национальности» [321, с. 5].

Однако, завершив исследование, сам же автор вынужден признать, что, возможно, такая миграция имеет другое, «менее связанное с проявлением национализма объяснение: это быстрая урбанизация в Армении, что приводит к росту возможностей для армян — городских жителей Азербайджана и Грузии, а также армян — сельских жителей этих республик переселяться в города Армении». Таким образом, он приходит к выводу, что «миграция армян в свою республику обусловлена в основном экономическими факторами, но может быть усилена за счет культурных» [321, с. 7].

Отметим, что попытка объяснить миграционные перемещения коренного населения Закавказских республик внутри Закавказского региона степенью «антипатии или близости» между ними неправомерна. Даже сам Б. Сильвер в результате достаточно объективного анализа пришел в итоге к верному выводу об определяющем значении экономического фактора.

Теперь остановимся на неоклассическом подходе при анализе миграционных процессов в СССР. Примером такого подхода служит монография П. Грэндстаффа «Межрегиональная миграция в СССР: экономические аспекты, 1959—1970» [240]. П. Грэндстафф считает, что наряду с теорией миграционного перехода и ей подобными к условиям СССР применим и другой подход — с точки зрения теории «человеческого капитала». Он считает, что положение, сформулированное М. Тодаро в отношении миграции из села в город, имеет универсальное значение. П. Грэндстафф следующим образом формулирует позицию М. Тодаро: «Подход с точки зрения инвестиций в человеческий капитал заключается в том, что люди мигрируют потому, что стоимость всех благ и стоимость жизни на новом месте превосходят стоимость этих элементов на старом месте жительства

на величину большую, чем стоимость передвижения».

Здесь, как мы видим, вновь действует рациональный «экономический человек» неоклассических теорий, «максимизирующий полезность». Вновь переоценивается рационализм принятия решений, сводимый к пунктуальному подсчету затрат и выгод. Даже сам П. Грэндстафф, формулируя свое понимание данного положения, все же вводит элемент неопределенности — «меру вероятности, когда реализация выгод неопределенна», в том числе он считает полезным ввести в детерминанты миграции вероятность трудоустройства.

Но вероятность трудоустройства выступает у П. Грэндстаффа как универсальный параметр, не имеющий специфики в условиях социализма и капитализма. Между тем, как известно, условия занятости в социалистическом и капиталистическом обществе детерминируются по-разному: при капитализме — в соответствии с потребностями капитала в самовозрастании, а при социализме — на основании планомерного роста общественного производства, создающего условия для обеспечения полной и рациональной занятости. Поэтому фундаментальной основой перемещений в условиях капитализма является миграция рабочей силы вслед за мигрирующим капиталом, в условиях социализма — территориальное перераспределение рабочей силы как результат планомерного размещения и развития производительных сил, интенсификации социалистической экономики, ведущей к росту производительности труда, и как результат целенаправленного воздействия общества на миграционные процессы в целях их оптимизации. В связи с последним положением заметим, что степень этого воздействия (прямого и косвенного) пока не отвечает оптимальному. Условия же динамично развивающейся экономики интенсивного типа делают постоянное целенаправленное регулирование миграционных потоков настоятельной потребностью.

Таким образом, существует объективная детерминированность миграционных перемещений, и неправомерно сводить закономерности миграции к субъективным предпочтениям экономических выгод, а необходимо выявить основу самих субъективных предпочтений.

Приведем такой пример: допустим, экономическая мотивация двух индивидов одинакова — улучшение материального положения. Но в условиях социалистического общества это может быть миграция в районы, где существенно выше уровень оплаты труда из-за ве-

дения районных коэффициентов, т. е. здесь сказывается организующее влияние государства на миграционные процессы. При капитализме же это может быть миграция безработного, живущего на пособие, в районы, где имеется потребность в рабочей силе. Следовательно, анализ закономерностей миграции с позиций «инвестиций в человеческий капитал» фиксирует сходство формы и игнорирует принципиальные различия содержания миграционных перемещений в условиях капитализма и в условиях социализма.

Объективная обусловленность генеральных тенденций миграционных процессов не означает, что миграция регулируется только экономическими факторами: советские исследователи отмечают, что «...признание решающими экономических факторов, вызывающих объективную необходимость миграции, не означает односторонность детерминации миграции. Миграция опосредована личным стремлением человека найти такой район, такое место, где условия жизни наиболее полно отвечают его интересам и потребностям. Наряду с экономическими факторами интенсивность и направление миграции находятся под влиянием политических, культурных, нравственных, психологических и других отношений, социальной среды в широком смысле этого слова» [121, с. 200]. В неоклассическом же тезисе буржуазных демографов мотивация миграции неоправданно сводится только к экономическому моменту — расчету экономически оптимального с точки зрения инвестиций в «человеческий капитал» варианта.

Таким образом, неоклассический подход при анализе миграционных процессов является методологически неверным и теоретически неплодотворным: абсолютизируется рационализм принятия решений; неоправданно сужается круг факторов миграции — он сводится только к экономическому фактору, причем субъективистски трактуемому. Такой подход игнорирует специфику миграционных перемещений в условиях социализма.

5. Динамика средней продолжительности жизни в концепциях советологов

Напомним, что в 60-х годах отдельными американскими советологами динамика смертности в СССР рассматривалась с точки зрения концепции «тоталитаризма» (см. главу 1.1). Позднее эволюция смертности в

СССР стала рассматриваться в рамках теории «демографического перехода», т. е. с позиций выделенного нами второго теоретического направления в советологических демографических исследованиях. В соответствии с этими представлениями эволюция смертности характеризовалась как переход от высокого уровня, характерного для «традиционного» типа смертности, к низкому, характерному для смертности «современного» типа.

В 80-х годах на страницах американской научной и популярной печати появляются работы по динамике смертности в СССР, в которых в явном или неявном виде вновь проводятся положения антинаучной и преимущественно пропагандистской по своему характеру концепции «тоталитаризма». Это связано, с одной стороны, с обострением международной напряженности, что в области идеологической борьбы сопровождается, как правило, переходом буржуазных идеологов к более реакционным концепциям, а с другой — с появлением некоторых отрицательных тенденций в динамике смертности в СССР, которые получили искаженное освещение в ряде работ американских советологов.

Широко известны достижения Советского государства в области укрепления здоровья и снижения смертности населения: с 40-х до середины 60-х годов средняя продолжительность жизни увеличилась с 47 до 70 лет [101, с. 91]. Особенно значительными были успехи в снижении детской смертности: в 1940 г. она составляла 181,5‰, в 1950 г. — 80,7, в 1960 г. — 35,3, в 1965 г. — 27,2, в 1970 г. — 24,7, в 1985 г. — 26‰ [101, с. 21].

За указанный период произошли также кардинальные позитивные изменения в структуре причин смертности: стали преобладать эндогенные, а не экзогенные причины. Отметим, что к экзогенным относятся причины, связанные преимущественно с воздействием внешней среды (например, инфекционные и паразитарные заболевания, острые заболевания органов дыхания и пищеварения, несчастные случаи, отравления и травмы), а к эндогенным — причины, связанные с самим человеческим организмом (болезни системы кровообращения, наследственные болезни, врожденные пороки развития и др.). Злокачественные новообразования многие исследователи рассматривают как квазиэндогенную причину смертности, так как здесь значительное влияние оказывает кумулятивный эффект канцерогенных факторов среды. Подавляющая часть причин смертности приходится в настоящее время в СССР на болезни системы

кровообращения и злокачественные новообразования (хотя имеются и существенные резервы для снижения доли таких экзогенных причин, как несчастные случаи, отравления и травмы, которые наиболее характерны для детей и мужчин в трудоспособных возрастах, а также заболевания органов дыхания).

Преобладание в структуре причин смертности эндогенных факторов свидетельствует о высокой степени развития здравоохранения, которое смогло в определяющей степени элиминировать отрицательное воздействие внешних факторов. Это важно с той точки зрения, что эндогенные причины смертности характерны в основном для пожилых и старческих возрастов, а экзогенные — затрагивают все возрастные группы, включая детские и молодые возрасты.

Однако в 70-х годах в отличие от предшествующего периода в динамике средней продолжительности жизни проявились некоторые негативные тенденции: произошло повышение показателей смертности в отдельных возрастах и некоторое увеличение показателей младенческой смертности.

В 80-х годах в динамике средней продолжительности жизни и уровне здоровья населения вновь начинают намечаться благоприятные изменения: значительно снизилась распространенность инфекционных и других остропротекающих болезней. В результате последовательного проведения во всех отраслях мероприятий по снижению травматизма его уровень в начале 80-х годов сократился по сравнению с 1975 г. на 33% [48, с. 8]. Вновь начинают снижаться показатели младенческой смертности: так, в Белоруссии в 1983 г. он составил 16,3‰ (в 1970 г. — 18,8‰), в Латвии — 15,4‰ (в 1970 г. — 17,9‰), в Литве — 14,5‰ (в 1970 г. — 19,4‰) [114, с. 152].

Некоторый же рост показателей смертности в 70-х годах в отдельных возрастах, особенно в младенческом, привлек самое пристальное внимание западных исследователей. Первыми попытались интерпретировать эти тенденции М. Фешбах и К. Дэвис, которые подготовили в 1980 г. доклад «Растущая младенческая смертность в СССР в 1970-е годы» [199], чрезвычайно тенденциозный по своему характеру, но имеющий видимость научной объективности. Он почти лишен категоричных утверждений. Авторы признают неясность многих проблем, в силу этого многие их выводы имеют характер предположений.

В 1981 г. Н. Эберштадт опубликовал в популярном журнале «Нью-Йорк ревью оф букс» рецензию на этот доклад под претенциозным названием «Кризис здравоохранения в СССР» [215]. Н. Эберштадт не только представил предположения М. Фешбаха и К. Дэвиса в форме окончательно установленной истины, но и усугубил их. Более того, Н. Эберштадт претендует на «глубокомысленный» анализ психологических корней «кризиса здравоохранения», который он находит в «фундаментальной духовной потребности русских к страданию», а также на широкие социальные и политические «обобщения». По его словам, «Советский Союз находится в тисках разрушительного кризиса здравоохранения», так как государство «пренебрегает проблемами здравоохранения», «снижает долю товаров и услуг для населения во имя расходов на промышленность и военные цели». Обобщая такие «факты», он приходит к выводу, что все это приводит к росту смертности.

Отметим следующее. Во-первых, подобное заявление о «пренебрежении проблемами здравоохранения» находится в полном противоречии с тем фактом, что услуги советского здравоохранения являются бесплатными. Это обусловлено необходимостью обеспечения доступности квалифицированной медицинской помощи для всех членов общества, в этом проявляется демократичность и гуманизм социалистического государства. В Советском Союзе ассигнования из Государственного бюджета на развитие здравоохранения и физической культуры постоянно возрастают. Так, в 1940 г. было выделено 0,9 млрд руб., в 1960 г. — 4,8 млрд, в 1970 г. — 9,3 млрд, в 1980 г. — 14,8 млрд, а в 1985 г. — 17,6 млрд руб. [28, с. 559]. На содержание одного больного в стационаре государство тратит более 10 руб. в день [48, с. 3].

Численность врачей всех специальностей достигла в 1985 г. 1170 тыс. человек — каждый третий врач в мире является советским врачом [28, с. 540]. В 1940 г. на 10 тыс. населения приходилось в среднем 8 врачей всех специальностей, в 1970 г. — уже 27, а в 1985 г. — 42 врача [28, с. 540].

Для сравнения приведем такие данные: в Великобритании и Японии на 10 тыс. человек населения приходится 18 врачей, во Франции — 20, в США — 24, в ФРГ — 27 [48, с. 3]. СССР также значительно опережает развитые капиталистические страны по обеспеченности больничными койками: в нашей стране на 10 тыс.

человек имеется 129 кодек [28, с. 464], в США — 58, в Великобритании — 81, во Франции — 102, в ФРГ — 112, в Японии — 116 [48, с. 3].

Во-вторых, если бы советское здравоохранение действительно находилось в состоянии кризиса, вряд ли Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рекомендовала бы развивающимся странам использовать при создании национальных служб здоровья принципы, которые проводятся в советском здравоохранении. О несостоятельности тезиса советологов свидетельствует и тот факт, что постоянно возрастает количество зарубежных специалистов-медиков, желающих проходить в нашей стране курс повышения квалификации, и количество жителей капиталистических стран, которые обращаются в Министерство здравоохранения СССР с просьбами о медицинской помощи. В нашей стране в стационарах ежегодно находятся сотни больных из Италии, ФРГ, Греции, Канады, США, которые проходят лечение у советских специалистов — кардиохирургов, травматологов, офтальмологов, педиатров, невропатологов [см.: 114].

И наконец, третье. Нетрудно заметить, что провозглашенный Эберштадтом и подхваченный американской прессой тезис о «кризисе советского здравоохранения» прямо смыкается с наиболее реакционными антисоветскими лозунгами о так называемой агрессивной природе социализма.

Таким образом, трактовка динамики смертности в СССР выступает как составная часть антисоветской кампании, направленной на идеологическую обработку населения США в духе времен «холодной войны». Обращение же к действительным фактам неоспоримо свидетельствует о том, что на протяжении всей своей истории Советское государство неизменно выступало поборником мира, и это вытекает из самой сути социальной природы социализма. Инициатором гонки вооружений всегда выступали и выступают наиболее реакционные круги империалистических государств во главе с США.

Это подтверждается и событиями последних лет, когда мирные инициативы СССР (предложения о поэтапной ликвидации ядерного оружия к 2000 г., о создании всеобъемлющей системы международной безопасности, односторонний мораторий СССР на испытания ядерного оружия, разработка программ «звездного мира» в противовес разрабатываемой в США программе

«звездных войн») не находят поддержки у многих правительств империалистических государств.

Нельзя не отметить и то, что Эберштадт намеренно игнорирует осуществление широкого комплекса мер социальной программы в СССР, пытаясь представить выделение финансовых ресурсов на поддержание должной обороноспособности (доля которых в Государственном бюджете, кстати, долгое время находится практически на неизменном уровне) как причину происходящего якобы сворачивания социальных программ.

Обратимся к действительному положению дел. За годы одиннадцатой пятилетки среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возросла на 13% и составила в 1985 г. 190 руб. Оплата труда колхозников в общественном хозяйстве повысилась на 29%, достигнув 153 руб. в месяц. Выплаты и льготы из общественных фондов потребления увеличились за этот период на 25% и составили в 1985 г. в расчете на душу населения около 530 руб. Розничный товароборот возрос за годы пятилетки на 16%, а объем бытовых услуг — на одну треть. Были введены в эксплуатацию дома общей площадью 550 млн кв. м, что позволило улучшить жилищные условия более 50 млн человек. Увеличены размеры пенсий ряду категорий рабочих и служащих, реализованы крупные мероприятия по оказанию помощи семьям, имеющим детей, и работающим матерям, осуществляется реформа общеобразовательной и профессиональной школы [см.: 14, с. 269—270]. Можно привести много других примеров, свидетельствующих о динамичном развитии социальной сферы в СССР.

Мероприятия социальной политики Советского государства будут еще более усилены в двенадцатой пятилетке. Так, в соответствии с Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возрастет на 13—15% и составит 215—220 руб. в месяц. Среднемесячная оплата труда колхозников повысится на 18—20%, общественные фонды потребления — на 20—23%. Дальнейшее развитие получит жилищное строительство: будет построена жилая площадь в 565—570 млн кв. м. В двенадцатой пятилетке намечаются дополнительные мероприятия в области демографической политики, улучшения охраны здоровья, условий отдыха населения. Будет улучшено пенсионное обеспечение и т. д. [см.: 14, с. 311—313]. Приведенные данные свидетельствуют о том,

что социальная политика Советского государства направлена на постоянное улучшение условий труда и жизни советских людей, что в конечном счете положительно сказывается и на здоровье населения, а также на показателях продолжительности жизни.

Статья Эберштадта, крайне неквалифицированная с точки зрения демографической науки, представляющая воинствующий антисоветизм в идеологическом плане, вызвала широкий отклик американской прессы, начавшей пропагандировать тезис о «кризисе советского здравоохранения», «неспособности системы справиться с комплексом социально-экономических проблем». Такая кампания, как отмечает прогрессивный американский ученый, специализирующийся по проблемам социальной политики в СССР, А. Кузик, говорит больше о состоянии интеллектуального здоровья в США, чем о состоянии духовного и социального здоровья в СССР [267, ч. 2, с. 21]. Статья А. Кузика носит название «Детская смертность в СССР — антисоветизм в США». А. Кузик провел не только тщательную, детальную проверку и анализ каждого из положений, выдвинутых М. Фешбахом, К. Дэвисом и Н. Эберштадтом, весомо доказав их несостоятельность, но и совершенно верно определил идеологическую суть подобных исследований, выведя их за рамки частного случая: ««Генетические» изменения идеологического вируса, принесшего этот новый антисоветизм... это болезнь не отдельных индивидов, а всего интеллектуального истеблишмента США» [267, ч. 2, с. 21]. В подтверждение он приводит тот факт, что статьи М. Фешбаха и Н. Эберштадта были подготовлены и опубликованы под покровительством Главного исследовательского агентства правительства США (первая подготовлена в Бюро цензов департамента торговли США, вторая — в главном литературном журнале «Нью-Йорк ревью оф букс»).

В США была опубликована еще одна работа, однозначно оценивающая публикации американской прессы по динамике смертности в СССР как проявление антисоветизма, — это статья А. Шиманского «Об использовании дезинформации для легализации возрождения холодной войны. Здравоохранение в СССР» [327].

Перейдем теперь непосредственно к анализу причин повышения показателей младенческой смертности в СССР. Следует отметить, что некоторый рост показателей детской смертности обусловлен в значительной степени улучшением статистического учета случаев

смертности, прежде всего в сельской местности республик Средней Азии.

М. Фешбах и К. Дэвис отрицают возможность роста этого показателя за счет улучшения учета. Ф. Грапп и Э. Джоунс предприняли специальное исследование [262], чтобы проверить, повлияло ли действительно улучшение учета на рост показателей детской смертности, и выявить истинность утверждений американской прессы об «эпидемическом росте смертности в СССР», который является частью «общего ослабления социальной системы» и «кризиса советского здравоохранения».

В результате детального, очень тщательного анализа с широким использованием советских источников (в том числе работ 20-х годов) эти исследователи, которых трудно заподозрить в симпатии к Советскому Союзу, приходят к выводу, что рост показателей детской смертности «отражает улучшение статистического учета, а не ухудшение системы здравоохранения или здоровья матерей и детей» [262, с. 237].

Ф. Грапп и Э. Джоунс подчеркивают также огромные усилия советской системы здравоохранения по улучшению медицинского обслуживания населения Средней Азии и Казахстана, где исходный уровень был чрезвычайно низким. Они считают, что процесс снижения детской смертности идет в этих республиках и в настоящее время, но улучшение статистического учета маскирует действительную тенденцию снижения смертности. Однако в европейских республиках, по их мнению, происходил реальный, хотя и незначительный, рост младенческой смертности за период 1971—1974 гг., затем произошла стабилизация показателя, а в конце 70-х годов — его дальнейшее снижение. Они отмечают, что имевшие место отрицательные тенденции «являются, без сомнения, источником беспокойства для представителей советского здравоохранения, но, конечно, не существует катастрофической эпидемии детской смертности, провозглашенной в ряде сообщений западной популярной прессы» [262, с. 237].

Рассматривая вопросы динамики средней продолжительности жизни и состояния здоровья населения, нельзя не сказать о тех реальных проблемах, которые существуют в данной области. Отметим, что по уровню средней продолжительности жизни наша страна еще отстает от ряда экономически развитых стран. Действовал целый ряд факторов, приведших к тому, что быстрый рост показателя средней продолжительности жизни

ни до конца 60-х годов сменился затем замедлением этого процесса и даже появлением некоторых отрицательных тенденций.

Во-первых, следует учесть, что первый этап в борьбе за снижение смертности в СССР был связан главным образом с устранением экзогенных факторов смертности. При этом большую роль играли мероприятия, проводимые на общегосударственном уровне, — массовая вакцинация населения, широкий комплекс санитарно-гигиенических мероприятий, распространение лекарственных средств и т. д. На современном этапе, как уже указывалось, преобладающими являются эндогенные причины смертности. Снижение воздействия эндогенных факторов — качественно новая задача. Как указывает А. Я. Кваша, это направление борьбы со смертностью «требует больших затрат и большего времени» [77, с. 173]. Необходимо также отметить, что на этапе борьбы за снижение эндогенных факторов смертности значительно большую роль, что прежде, приобретает массовое витальное (самоохранительное) поведение, формирование культуры здоровья, неотделимой от формирования здорового образа жизни.

Во-вторых, рассматривая динамику смертности и состояния здоровья населения, нельзя не принимать во внимание влияние на здоровье людей, живших и родившихся во время войны, экстремальных условий жизни этого периода. Данный фактор мог оказать существенное воздействие и на здоровье их потомства.

По мнению советских авторов, некоторое повышение детской смертности частично может быть «проявлением рецидива смертности, который начиная с конца 60-х годов характерен для ряда стран Европы, население которых более других пострадало во второй мировой войне» [101, с. 21].

Говоря о временной тенденции некоторого роста смертности в других возрастных группах, также надо учитывать прямое и косвенное влияние войн на здоровье людей. Как отмечает советский демограф А. Я. Кваша, «сейчас в возрасте 50 лет и старше находятся контингенты, понесшие наибольшие потери, как прямые, так и в виде ослабления здоровья, в годы Великой Отечественной войны. Понятно, что смертность этих поколений также может быть несколько выше. Следует учесть, что и дети, родившиеся в военные годы и даже бывшие в этот период в младшем возрасте, несмотря на помощь нашего общества, могут иметь несколько ос-

лабленное здоровье. Наше здравоохранение и общество в целом принимает ряд мер по ослаблению силы влияния этих причин, но устранить их полностью вряд ли возможно» [77, с. 173].

Следует сказать, что ряд американских демографов также указывают на безусловное влияние данного фактора на показатель средней продолжительности жизни в настоящее время. Так, Р. Динкель в статье «Кажущийся парадокс растущей смертности высокоиндустриальной нации: пример Советского Союза», опубликованной в 1985 г. на страницах журнала «Попьюлейшн стадиш», анализирует итоги дискуссии, проходившей в 1984 г. на страницах американского журнала «Попьюлейшн энд дивелоппмент ревью». Дискуссию вели М. Фешбах и Н. Эберштадт, с одной стороны, и Ф. Грапп и Э. Джоунс — с другой.

Р. Динкель призывает своих коллег к более объективному и детальному анализу тенденций смертности, учитывающему, во-первых, отрицательный вклад самого показателя средней продолжительности жизни, что связано с его ограничительными аналитическими возможностями, так как он рассчитывается не для реального, а для условного поколения. А во-вторых, по мнению автора, необходимо также учитывать комплекс неблагоприятных факторов, связанных с последствиями войны, которые делают в значительной мере несопоставимыми различные сравнения между странами и за определенные периоды времени [207].

В-третьих, необходимо отметить, что существует еще ряд нерешенных проблем в сфере здравоохранения: недостаточно эффективное использование выделяемых ресурсов, нехватка ряда лекарственных препаратов, медицинской техники, не всегда удовлетворительное качество медицинского обслуживания и др. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года ставятся задачи осуществления реконструкции действующих медицинских учреждений здравоохранения, улучшения обеспеченности медицинских учреждений лекарственными средствами, современным диагностическим и лечебным оборудованием, медицинской техникой [см.: 14, с. 314], что несомненно будет способствовать улучшению здоровья населения и повышению средней продолжительности жизни.

Однако было бы неправильно сводить проблемы здоровья населения и связанные с ними проблемы средней

продолжительности жизни только к вопросам здравоохранения. Как указывает советский демограф М. С. Бедный, «и состояние здоровья населения, и характер демографических процессов лишь в незначительной степени определяются, зависят от уровня развития материально-технической базы и характера деятельности здравоохранения как ведомственной, специализированной отрасли. Эти процессы находятся в сфере воздействия многочисленных факторов природной, производственной и социальной среды. От их состояния зависит динамика здоровья населения и демографических показателей. Поэтому решение задач, связанных с улучшением демографической ситуации, не должно носить узковедомственного направления, как, например, то, что якобы здравоохранение полностью ответственно за неблагоприятную тенденцию смертности, средней продолжительности жизни, травматизма, заболеваемости с временной утратой трудоспособности и т. д.» [41, с. 203].

Поскольку состояние здоровья — это результат воздействия целого комплекса разнообразных факторов, то решать эти проблемы можно только на качественно новом уровне — с помощью программно-целевого метода. Как отмечалось в Политическом докладе XXVII съезду КПСС, «проблемы здоровья мы должны рассматривать с широких социальных позиций. Оно определяется прежде всего условиями труда и быта, уровнем благосостояния» [14, с. 49].

Важное значение будут иметь разрабатываемые в настоящее время в нашей стране в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению охраны здоровья населения» (1982 г.) меры по усилению профилактики заболеваний и укреплению здоровья населения. Они предусматривают оптимальное сочетание воздействия на условия жизни и труда, состояние окружающей среды.

В качестве примера целевой комплексной программы можно привести программу Москвы «Здоровье» на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г., принятую сессией Московского городского Совета народных депутатов 6 сентября 1986 г. Главная цель программы — это сохранение здоровья населения. Основным ее принципом является профилактика, поэтому на первое место в программе выдвигаются вопросы охраны окружающей среды, формирования здорового образа жизни. Сюда входит целый комплекс вопросов, связанных с выводом

за пределы города вредных предприятий и производств, улучшением очистки сточных вод, оздоровлением открытых водоемов, полным обеспечением населения всеми продуктами питания в соответствии с физиологическими нормами потребления, производством продуктов питания для профилактики заболеваний, улучшением условий и охраны труда, усилением контроля за санитарным состоянием города. Важно расширять сеть санаториев-профилакториев, привлекать население, особенно молодежь и детей, к активным занятиям массовой физической культурой и спортом и др. Существенная составная часть этой программы — повышение уровня работы медицинских учреждений.

В вопросе формирования здорового образа жизни важная роль принадлежит мероприятиям по преодолению пьянства и алкоголизма. Пьянство и алкоголизм сказываются не только на уровне здоровья, показателях травматизма и инвалидности тех, кто злоупотребляет спиртными напитками, но и на состоянии здоровья, интеллектуальном потенциале будущих поколений. Поэтому такую остроту принимает необходимость проведения в нашей стране в соответствии с постановлением «О преодолении пьянства и алкоголизма» (1985 г.) надлежащих мероприятий. Как было отмечено в материалах XXVII съезда КПСС, «в стране развернулась борьба против пьянства и алкоголизма. Во имя здоровья общества и человека мы пошли на решительные меры, повели бой с традициями, которые складывались и насаждались веками» [14, с. 50].

В противовес утверждениям буржуазных экономистов и демографов, что Советский Союз, несмотря на приносимый алкогольными напитками вред здоровью населения, не пойдет в силу экономических интересов на сокращение производства спиртных напитков, в нашей стране начала проводиться политика, направленная на сокращение продажи и потребления спиртных напитков. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, говоря о сокращении продажи спиртных напитков, отметил, что «у нас впервые смертельные случаи, связанные с пьянством, уменьшились на производстве за год сразу на 20 процентов... Конечно, мы теряем огромные деньги на прекращении продажи водки. Но я считаю, что мы должны это выдержать и думать, как это сделать лучше. За шесть месяцев этого года продажа алкогольных напитков в стране уменьшилась еще на 35 процентов» [21, с. 60].

Обобщая в заключение точки зрения американских демографов по проблемам динамики смертности в СССР, отметим, что резкий сдвиг вправо, который произошел в буржуазной идеологии, определил характер анализа тенденций смертности в СССР, хотя ряд демографов и стремится занять в этом вопросе более объективную позицию. Действительность свидетельствует о том, что Советское государство не только не «пренебрегает проблемами здравоохранения», но состояние здоровья населения — один из важнейших объектов внимания партии и Советского государства. Как указывалось на XXVII съезде КПСС, «для каждого человека, да и для общества нет большей ценности, чем здоровье. Охрана и укрепление здоровья людей — дело первостепенной важности» [14, с. 49].

Глава 2

Перспективы и последствия демографических процессов в СССР в освещении американских исследователей

Тенденции развития населения СССР, их региональные особенности, комплекс последствий сложившихся тенденций воспроизводства населения в перспективе являются объектом пристального внимания зарубежных демографов, особенно специалистов США. Для них прежде всего характерно внимание к комплексу последствий, вызванных различиями в темпах роста различных национальностей СССР.

Среди работ такого рода центральное место как по количеству исследований, так и по значению, которое им придается на Западе, занимают работы, посвященные анализу перспектив и последствий современных демографических тенденций в советских республиках Средней Азии. Учитывая этот факт, мы остановимся в настоящей главе только на литературе по данной тематике.

Особенно возросло внимание буржуазных демографов к проблемам населения советских среднеазиатских республик с 70-х годов, когда в общественно-политической жизни ряда стран Востока усилилось влияние ислама как политической идеологии, которое буржуазные советологи пытаются распространить и на нашу страну. В связи с этим много говорится и пишется о многообразных последствиях различий в темпах роста населения, прежде всего между так называемыми (по терминологии советологов) «славянскими» и «мусульманскими» народами СССР.

Представляется, что, проанализировав взгляды буржуазных демографов, можно будет выявить те проблемы, на которых они акцентируют свое внимание и которые являются, по их мнению, якобы «болевыми точками» в развитии населения нашей страны. Критический анализ такого рода концепций является, на наш взгляд, важной задачей, так как исследования буржу-

азных демографов по этим проблемам формируют представление западных политических и военных деятелей о демографической ситуации в СССР и ее влиянии на все стороны жизни советского общества.

Оценка буржуазными исследователями последствий современных тенденций демографических процессов в советских республиках Средней Азии проводится с разных позиций: с чисто демографической точки зрения, т. е. потенциала будущего роста населения за счет благоприятной половозрастной структуры; с экономической точки зрения; с точки зрения национальных отношений; с политической точки зрения; с точки зрения национального состава вооруженных сил. Поэтому не случайно, что проблемы населения советских республик Средней Азии анализируются западными авторами не только в демографической литературе, но и в исследованиях экономистов, социологов, географов, специалистов по национальным отношениям, военных специалистов.

Данная глава посвящена анализу и критике различных позиций буржуазных авторов в вопросе о перспективах и последствиях демографических тенденций в СССР. Это позволит, во-первых, составить представление о взглядах американских специалистов и выделить те проблемы, которые неправомерно рассматриваются ими как кризисные; во-вторых, позволит показать прикладной характер буржуазных концепций, их идеологическую и политическую направленность.

1. Перспективы и последствия этнической дифференциации рождаемости

Большое внимание буржуазные демографы уделяют региональной дифференциации уровня рождаемости в нашей стране. Особый интерес они проявляют к изменению соотношения численности населения по регионам страны. Значительное место в данных исследованиях занимает сравнение численности и динамики, по терминологии буржуазных авторов, «мусульманского» и «европейского», «мусульманского» и «славянского», «мусульманского» и «русского» населения. В основе этих сравнений лежит намеренно предвзятое противопоставление европейского, и в первую очередь русского, населения коренному населению Средней Азии. Наиболее важные аспекты сопоставлений в настоящее время и на перспективу состоят в сравнении: 1) общей численности

населения этих групп; 2) численности населения трудоспособного возраста; 3) численности групп потенциальных призывников разной этнической принадлежности; 4) численности населения по различным возрастным группам.

Наиболее авторитетные среди западных исследователей прогнозы численности населения СССР готовит Отдел международного демографического анализа Бюро цензов департамента торговли США, переименованный в начале 80-х годов в Центр международных демографических и экономических исследований [см., например: 173; 174; 308]. На эти прогнозы в своих исследованиях часто ссылаются американские демографы, специализирующиеся по СССР. В недавних работах американских авторов указывается, что последние прогнозы этого Центра в отношении численности так называемого «мусульманского» населения СССР оказались завышенными по сравнению с данными переписи населения СССР 1979 г. [227; 230], так как в прогноз был заложен более высокий уровень рождаемости, чем есть в действительности. В мае 1982 г. данная организация подготовила новый прогноз численности населения СССР [227; 308].

В оценке перспектив роста среднеазиатского населения американские демографы почти единодушны: они указывают, что, несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению рождаемости в этих республиках, кардинальных изменений в динамике рождаемости, по их мнению, до конца века не предвидится. К тому же молодая возрастная структура населения региона означает наличие высокого потенциала демографического роста, что обеспечит высокие темпы роста среднеазиатского населения на очень длительную перспективу даже при значительном снижении рождаемости [см., например: 281, с. 2; 34; 35; 47]. Но суть исследований американских демографов по перспективам рождаемости в СССР не сводится к собственно демографическим расчетам, а предполагает оценку возможных последствий того или иного уровня рождаемости. В целом этот анализ носит предвзятый и антисоветский характер.

Проводя сопоставления динамики общей численности так называемого «мусульманского» и «европейского» населения, американские демографы, указывая на высокие темпы роста населения советских республик Средней Азии и постоянное увеличение доли этого населения во всем населении страны, делают далеко идущие

щие выводы о перспективах развития советского общества. Американские авторы пытаются приписать различиям в темпах роста отдельных национальностей Советского Союза такие последствия, которые, по их мнению, приведут к подрыву Советского государства «изнутри» за счет усиления так называемых «мусульманских» национальностей. Таким образом, оценка демографических процессов в СССР американскими «специалистами» имеет недвусмысленную политическую подоплеку. Однако в их построениях, во-первых, извращается характер национальных отношений при социализме; во-вторых, рост национального самосознания национальностей советской Средней Азии выдается ими за «рост национализма»; в-третьих, намеренно искажаются тенденции развития социалистических наций: их расцвет ведет якобы не к сближению, а к отдалению, т. е. к «дезинтеграции».

По мнению многих буржуазных исследователей, высокие темпы роста населения Среднеазиатского региона приведут к обострению национальных отношений в СССР, сделают «мусульманские народы менее покорными». Так, американский демограф М. Ривкин утверждает, что к концу столетия быстрый рост населения Среднеазиатского региона может «коренным образом изменить существующий внутренний баланс сил между национальными блоками внутри СССР». Это якобы «уже вызывает серьезную озабоченность в Москве». Он заявляет, что «три Прибалтийские республики малы и не представляют прямой угрозы для будущего России, главную серьезную проблему контроля представляют мусульманские республики с их большой территорией и быстро растущим населением» [310, с. 271].

Американские демографы всячески муссируют так называемую «проблему 50%», т. е. когда русское население в связи с этнической дифференциацией рождаемости составит через определенное время менее 50% общей численности населения страны. Они считают, что это поставит вопрос о возможности русских «контролировать» общественные институты, использовать русский язык как язык межнационального общения [225, с. 8].

Дж. Безмерес считает, что влияние демографических факторов, которые действуют в таких многонациональных государствах, как Советский Союз и Югославия, «угрожает целостности обоих государств и их политических систем и косвенным образом создает угрозу миру

и стабильности (или существующему статус-кво) в их регионе и в мире». Он заявляет, что демографические факторы в сочетании с такими «социальными и экономическими факторами, как этническая напряженность, давление на средства занятости, изменения баланса сил в мире, могут оказаться ускорителем и взрывным потенциалом огромной силы. Демографические процессы могут усугубить влияние других социальных сил и довести их до грани кризиса» [179, с. X].

Несостоятельность подобного рода социально-политических «прогнозов» обусловлена неправомерностью исходных посылок анализа.

Во-первых, американские советологи проводят по сути дела неомальтузианский принцип демографического детерминизма, пытаясь приписать демографическому фактору определяющую роль в развитии ряда сфер социальной, экономической и политической жизни страны. Таким образом, с методологической точки зрения они возвращаются к исходным постулатам буржуазной демографии.

Во-вторых, американские демографы вновь исходят из традиционного положения американской советологии о существующей якобы этнической напряженности в стране, которая, по их мнению, будет усиливаться. Причем едва ли не определяющее значение они отводят демографическому фактору. На основе неправомерного положения об антагонистическом характере национальных отношений при социализме демографическому фактору приписывается роль «дестабилизирующей силы» в экономической, социальной и политической сферах.

В-третьих, советологи искажают социально-политическую природу советского общества. Влиянию демографических процессов в многонациональных социалистических государствах приписывается возможность создания «угрозы миру и стабильности». Отметим, что подобные высказывания вполне в духе современных антисоциалистических лозунгов буржуазной идеологии об «агрессивной природе социализма», т. е. демографический «анализ» советологов вписывается в схему современных крайне правых концепций буржуазной идеологии.

Таким образом, та роль, которую западные специалисты приписывают влиянию демографических процессов в Советском Союзе, определяется современными буржуазными представлениями о социальной, экономической, политической системе советского общества, искажающими ее социальную природу.

Отметим, что идея дестабилизации существует в буржуазной антисоветской литературе уже более полувека, в «доказательство» чего приводятся то одни, то другие «доводы». И сейчас советологи продолжают утверждать, что «рано или поздно советская империя, последняя многонациональная империя, распадется как раз по границам сегодняшних республик» [293, с. 10]. Для подтверждения своих «прогнозов» они привлекают, как мы могли уже видеть, и демографический фактор. Высокие темпы роста населения среднеазиатских республик трактуются ими как «угроза русскому гегемонизму».

Численный рост наряду с укреплением экономических позиций ведет, по их мнению, не к сближению наций, а к их разобщению. Рост же национального самосознания, сочетающийся с быстрым увеличением населения, меньшая межреспубликанская подвижность коренных жителей региона трактуются западными авторами как «тенденция к дезинтеграции».

В материалах XXVII съезда КПСС еще раз были отмечены те закономерные явления, которые характерны для сферы национальных отношений в условиях Советского многонационального государства: «Раз и навсегда уничтожены национальный гнет и национальное неравноправие во всех формах и проявлениях. Утвердились, вошли в сознание десятков миллионов людей нерушимая дружба народов, уважение к национальной культуре и национальному достоинству всех народов. Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей [14, с. 53]. Вместе с тем на XXVII съезде КПСС указывалось: «...наши достижения не должны создавать представления о беспроблемности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное — видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь» [14, с. 53].

Для «доказательства» якобы существования тенденции к дезинтеграции буржуазными демографами используется и степень владения русским языком как языком межнационального общения. Например, М. Фешбах приводит такой «факт»: между переписями 1959 и 1970 гг. сократилась доля населения в союзных республиках, владеющих русским как вторым языком

[293, с. 4]. Он считает, что этот факт «вызывает замешательство».

Отметим, однако, что большое замешательство вызывает другой факт — то, что автор располагает подобными сведениями за 1959 г., поскольку в переписи 1959 г. таких данных попросту не существует. Перепись 1970 г. была первой советской переписью, в которой имелись данные не только о родном, но и втором языке народов СССР. Поэтому сравнивать данные о втором языке можно только с переписью 1979 г. А ее результаты показывают, что за межпереписной период 1970—1979 гг. значительно увеличилась доля населения, владеющего русским как вторым языком. У узбеков эта доля повысилась с 14,5 до 49,3%, у казахов — с 41,8 до 52,3, у таджиков — с 15,4 до 29,6, у туркмен — с 15,4 до 25,4, у киргизов — с 19,1 до 29,4%. По переписи 1979 г., родным назвали русский язык 153,5 млн человек (в 1970 г. — 141,8 млн), из них — 137,2 млн русских и 16,3 млн других национальностей (в 1970 г. — 128,8 млн русских и 13 млн других национальностей). Свободно владеют русским как вторым языком 61,3 млн человек (по переписи 1970 г. — 41,9 млн) [29, с. 127—131].

Среди буржуазных демографов есть такие, которые понимают несостоятельность заявлений своих коллег о нежелании нерусского населения изучать русский язык как язык межнационального общения. Однако они впадают в другую крайность: общность русского языка, по их мнению, не является характеристикой новой исторической общности народов нашей страны. Они утверждают, что знание русского языка не затрагивает этнического самосознания, что оно не тождественно русификации [311, с. 13]. Представляется, что последнее два аргумента имеют определенный смысл. Но при этом надо помнить, что формирование новой исторической общности — советского народа — отнюдь не тождественно русификации. Кроме того, характеризуется эта новая историческая общность не только общностью языка (несомненно, что язык не главная, а производная характеристика, отражающая общность более глубоких процессов), но и общностью экономической, социальной, политической, культурной жизни, территории, идеологии и т. д. Это общность социально-экономическая, социально-политическая, интернациональная. Но она не предполагает нивелирования национальных различий, которые будут сохраняться еще длительное вре-

мя. В противовес положению советских ученых о новой исторической общности — советском народе — буржуазный демограф М. Ривкин говорит о растущем чувстве «мусульманского единства», о лингвистическом единстве, о гордости среднеазиатского населения достижениями в области техники, экономики, культуры, образования. Однако в этом противопоставлении игнорируется диалектика развития наций при социализме — их расцвет и одновременно их сближение, одно обуславливает и предполагает другое.

Американские демографы проводят не только сопоставления общей численности так называемого «мусульманского» и «европейского» населения, но также сопоставления численности населения трудоспособного возраста. Нацеленность этих сопоставлений состоит в том, чтобы представить рост доли среднеазиатского населения в общей численности населения страны как фактор снижения эффективности функционирования экономики. При этом тенденциозно подчеркиваются и представляются как «кризисные» существующие в области регионального использования трудовых ресурсов проблемы, решение которых в действительности лежит в целенаправленной социальной и экономической политике Советского государства.

Выступая на коллоквиуме НАТО в Брюсселе, американский демограф М. Фешбах отмечал, что региональные различия темпов прироста населения приобретают все большее значение, поскольку они влияют на размещение, состав и качество трудовых ресурсов Советского Союза, особенно занятых в промышленности. М. Фешбах отмечал, что региональные различия в уровне старения населения отрицательно скажутся на обеспеченности районов страны рабочей силой [222, с. 56].

А. Хельгесон, выступая на ежегодном коллоквиуме НАТО в Брюсселе, посвященном региональным проблемам Советского Союза, отмечала, что одна из причин возросшего интереса к региональным проблемам Советского Союза, и, возможно, причина для выбора темы данного коллоквиума, — это признание проблем, возникающих в результате региональных различий в темпах прироста населения и трудовых ресурсов [258, с. 185].

У. Изон считает, что одной из главных причин существующего якобы «кризиса трудовых ресурсов в СССР» являются региональные различия в темпах роста населения, которые еще более усилят имеющиеся диспро-

порции в уровне обеспеченности регионов трудовыми ресурсами [214, с. 125].

Указывая, что в 80-х годах будет происходить значительное снижение темпов роста трудоспособного населения страны, а большую часть прироста составит население Средней Азии и Казахстана, американские специалисты постоянно подчеркивают, что неудовлетворительное распределение прироста населения трудоспособного возраста по регионам (и ухудшение его качественного состава, так как основной прирост составит сельское население Среднеазиатского региона, менее подвижное в территориальном и профессиональном отношении, имеющее более низкий образовательный уровень и слабо владеющее русским языком) приведет к снижению темпов экономического роста страны [176; 214; 226—230; 237; 238; 281; 311—313; 314 и др.].

Главное в трактовке американских специалистов заключается в том, что реально существующие проблемы трудовых ресурсов в СССР, решение которых лежит в целенаправленной социально-экономической политике государства, повышении эффективности общественного производства, намеренно искажаются и возводятся западными авторами в ранг кризисных явлений, непреодолимых «узких мест». Однако советские партийные и государственные органы и советские ученые не рассматривают указанные проблемы как кризисные. В стране проводятся активные мероприятия, направленные на расширение подготовки местных квалифицированных кадров, развитие системы высшего, среднего специального и профессионально-технического образования в Среднеазиатском регионе, совершенствование преподавания русского языка, рационализацию территориального размещения производства, в том числе размещение небольших по объему производств, филиалов предприятий, цехов в малых и средних городах и в сельской местности. Для этого на двенадцатую пятилетку и последующий период до 2000 г. предусмотрены ассигнования в соответствии с Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года.

Советские специалисты хорошо осознают реально существующие проблемы. Так, в советской литературе указывается, что в 80-х годах прирост трудоспособного населения снизится по сравнению с 70-ми годами с 18 до 3,8% [116, с. 117]. В 80-х годах на республике Средней Азии будет приходиться $\frac{2}{3}$ общесо-

юзного прироста трудоспособного населения и основная его часть будет сосредоточена в сельской местности [см.: 114, с. 184].

Конечно, высокий прирост населения трудоспособного возраста в республиках Средней Азии в условиях его низкой миграционной мобильности приводит к усложнению проблемы занятости в сельской местности при одновременной нехватке рабочих кадров в городах республик. Так, советские исследователи отмечают, что «увеличение доли названных республик в приросте населения трудоспособного возраста затрудняет решение проблемы обеспечения отраслей народного хозяйства необходимой рабочей силой в связи со сложившимися тенденциями использования труда работающих в этих республиках, низкой социальной мобильностью коренного населения» [116, с. 117—118]. Однако советские ученые исходят из того, что не демографический фактор является непосредственной причиной возрастания напряженности баланса трудовых ресурсов, точнее, она вызвана причинами не только демографического, но и экономического порядка. Об этом свидетельствует и тот факт, что дефицит трудовых ресурсов впервые проявился в те годы, когда наблюдался самый большой прирост трудоспособного населения за весь послевоенный период (в девятой пятилетке). Советские исследователи считают, что главные пути решения дефицита трудовых ресурсов — это рост производительности труда, рационализация использования рабочей силы, усиление процессов высвобождения и перераспределения работающих. В современных условиях, когда ускорение социально-экономического развития страны становится настоятельной необходимостью, эти задачи приобретают особую актуальность.

Советские ученые исходят из того, что при решении проблемы более эффективного использования трудовых ресурсов необходимо полнее учитывать региональные особенности размещения населения трудоспособного возраста.

На XXVII съезде КПСС отмечалось: «Среди территориальных проблем одна из важных — более тесная увязка размещения производства с наличием трудовых и материальных ресурсов. Известно, что различные виды ресурсов по территории страны распределены неравномерно. Основная часть производственных фондов сосредоточена в европейских районах СССР, а добыча топлива и сырья ныне наращивается преимущественно в

Сибири. Наибольший же прирост трудовых ресурсов приходится на Среднюю Азию и Закавказье. Проектом Основных направлений предусмотрено приближение энергоемких производств к топливно-энергетическим базам и увеличение рабочих мест в районах, имеющих необходимые трудовые ресурсы» [14, с. 248].

В последние годы значительно усилился интерес американских специалистов по военным вопросам и демографов, специализирующихся по СССР, к военно-демографическим аспектам динамики населения СССР. Западные исследователи ставят перед собой следующие задачи: 1) выявление общей численности личного состава Вооруженных Сил СССР на настоящий момент и на перспективу; 2) определение его национального состава; 3) определение влияния изменяющегося национального состава на качественные характеристики мобилизационных контингентов.

В связи с сокращением прироста населения западными исследователями ставится вопрос о «конкуренции» между вооруженными силами и гражданской экономикой за «ограниченные людские ресурсы». Кратко оценивая данную позицию американских авторов, следует отметить, во-первых, что качественные характеристики вооруженных сил в современный период определяются прежде всего не численностью личного состава, а уровнем оснащенной современной военной техникой, что признают и американские специалисты. Во-вторых, численность вооруженных сил и потребности экономики в трудовых ресурсах — это не постоянные, а изменяющиеся в зависимости от многих (а не только демографических) условий величины. Поэтому соотношение между ними неизбежно будет изменяться. В-третьих, в данной позиции не учитывается характер использования личного состава Вооруженных Сил СССР и других социалистических стран в мирное время. Следует отметить также, что железнодорожные, строительные и некоторые другие войска используются непосредственно для работы на гражданских объектах, тем самым они принимают непосредственное участие в реализации планов экономического развития страны. Более того, значительная часть воинов приобретает в армии специальность, по которой они затем работают: 44% бывших военнослужащих трудятся в народном хозяйстве по специальности, приобретенной в армии [см.: 64, с. 109].

По мнению американских специалистов, рост доли

населения среднеазиатских республик в контингентах призывников отрицательно скажется на качественных характеристиках вооруженных сил, что они связывают со «слабым владением русским языком» и «низким образовательным уровнем» населения этих республик.

Спекулируя на необходимости проведения работы по совершенствованию мобилизационной подготовки, работы с мобилизационными контингентами, американские авторы пытаются делать выводы о якобы неизбежном ухудшении качественного состава Советских Вооруженных Сил. При этом американские специалисты, учитывая рост доли населения названных республик в контингентах призывников, игнорируют тот факт, что такие показатели, как владение русским языком и образовательный уровень, постоянно улучшаются, о чем свидетельствуют данные переписи, которые уже приводились нами, а с ростом образования западные специалисты прямо связывают возможности овладения современной военной техникой.

Ряд американских авторов, исходя из опыта вооруженных сил США, говорят также о том, что изменение национального состава Вооруженных Сил СССР приведет якобы к «национальным трениям». Авторы и в данном случае строят свои выводы, как мы уже неоднократно указывали, на принципиально неверной оценке характера национальных отношений при социализме, трактуя их по сути дела как антагонистические. В Советских Вооруженных Силах задаче интернационального воспитания всегда придавалось большое значение. «Дальнейшее укрепление армии и флота зависит от нерасторжимой дружбы между народами нашей страны, между воинами различных национальностей» [128, с. 142]. В Советских Вооруженных Силах создаются благоприятные условия, необходимые для воспитания молодых воинов в духе интернационализма. Во-первых, это формирование смешанных в национальном отношении частей и подразделений; во-вторых, прохождение воинской службы за пределами своих республик; в-третьих, система учебной и воспитательной работы в армии и на флоте, организация армейской жизни в многонациональных воинских коллективах [см.: 72; 128, с. 142—147].

Наконец, американские советологи проводят сопоставления численности среднеазиатского населения и населения других национальностей, в первую очередь

русского, по всем возрастным группам. Такой анализ представлен в работе американского советолога Л. Хайды [245]. Он проводит сопоставление численности разных национальностей в каждой из возрастных групп, а каждую национальность анализирует также в разрезе возрастной структуры. Л. Хайда считает, что введение в анализ национального состава такой демографической переменной, как возраст, значительно уточнит выводы. В целом его анализ построен на неправомерном и преднамеренном представлении различных советских национальностей как якобы политически противостоящих друг другу сил.

Он считает, что возраст существенным образом влияет на любой вид человеческой деятельности и социальной активности. В демографической сфере в зависимости от возрастной структуры населения изменяются уровень рождаемости и смертности, потенциал демографического роста. В социальной сфере возрастные различия влияют почти на все стороны поведения индивида и его социальные роли — семейные, экономические и политические. Поэтому различия возрастных структур отдельных советских национальностей будут все в большей степени влиять, по мнению Л. Хайды, на социальный состав отдельных национальностей, их экономический потенциал, ценностные ориентации и даже на такие характеристики, как «политическое настроение». Он исходит из того, что «изменение возрастной структуры каждой отдельной национальности имеет значение только для ее внутреннего развития. Взятые же вместе, они предвещают возможную трансформацию этнического баланса и перегруппировку социальных сил в Советском Союзе» [256, с. 482].

Анализируя соотношение различных национальностей по отдельным возрастным группам по стране в целом, Л. Хайда всячески подчеркивает увеличение в каждой более молодой возрастной группе доли так называемого мусульманского населения, что является естественным следствием более высокой рождаемости в республиках Средней Азии, Казахстане и Азербайджане. По мнению Л. Хайды, наступление «эпохи нерусских национальностей» явится решающим испытанием для Советского государства уже в не столь отдаленном будущем [245, с. 497].

Таким образом, мы видим непосредственную сцепленность целенаправленного социально-политического и демографического анализа. Выводы Л. Хайды носят

характер прямых рекомендаций американским советологам и политологам: он считает ошибочным подход буржуазных специалистов по СССР, при котором при выявлении представительства различных национальностей среди студентов вузов, в вооруженных силах или в коммунистической партии эту долю сравнивают с долей данной национальности в населении страны, забывая при этом, что различные социальные группы характеризуются определенным возрастным составом, различия такого плана влияют на величину представительства в конкретных организациях [245, с. 497]. Это еще раз подтверждает, что советологические демографические исследования носят далеко не академический характер, они ориентированы на прикладные разработки.

«Уточнение» демографического анализа сопровождается на деле усугублением антисоветской направленности политического «анализа». В различного рода «сопоставлениях», проводимых американскими советологами, явно или скрытно присутствует ложная посылка об антагонистическом якобы характере отношений между различными национальностями нашей страны.

Л. Хайда, как и большинство американских советологов, проводит принцип демографического детерминизма, приписывая изменениям в соотношении численности отдельных национальностей определяющее воздействие на экономику, политику, идеологию, социальные отношения.

Указывая на неравномерность такого подхода, игнорирующего определяющую роль социально-экономических отношений, следует вместе с тем указать на необходимость учета изменения демографического потенциала тех или иных республик как в социально-экономической, так и в национальной политике Советского государства. Например, растущий трудовой потенциал республик Средней Азии ставит вопрос о более эффективном его использовании как в самих среднеазиатских республиках, так и в масштабах единого народнохозяйственного комплекса.

На XXVII съезде КПСС специально указывалось: «Разрабатывая основные направления национальной политики на перспективу, особенно важно позаботиться о том, чтобы вклад всех республик в развитие единого народнохозяйственного комплекса соответствовал их возросшему экономическому и духовному потенциалу. Развитие производственной кооперации, сотрудничества и взаимопомощи республик — в высших интересах

нашего многонационального государства и каждой республики» [14, с. 53]. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года отмечается, что с точки зрения экономической политики необходимо более полно использовать трудовые ресурсы Среднеазиатского региона, поддерживать «соответствие количества рабочих мест имеющимся трудовым ресурсам» [74, с. 317].

Обобщая позиции западных авторов в отношении последствий увеличивающейся доли среднеазиатского населения в населении страны, можно сделать вывод, что большинство буржуазных исследователей пытаются доказать, что существующие демографические тенденции будут способствовать замедлению темпов экономического роста, снижению качественного состава Советских Вооруженных Сил, обострению национальных отношений и росту политической напряженности в стране. В совокупности эти последствия демографических тенденций рассматриваются буржуазными авторами как «подрывная сила», способная якобы расшатать основы Советского государства.

В заключение отметим, что государственные органы капиталистических стран для выработки действенной антикоммунистической стратегии нуждаются в объективности прикладных разработок советологов. Между тем многие американские демографы, исходя из ложной трактовки социально-экономической природы советского общества, не в состоянии дать обоснованных рекомендаций, что свидетельствует о внутренней противоречивости советологических исследований.

2. Перспективы и последствия миграционных процессов

Одно из центральных мест в исследованиях буржуазных ученых о проблемах населения Средней Азии занимают миграция, ее перспективы и возможные последствия. Довольно многочисленные публикации американских демографов о перспективах миграции в Среднеазиатском регионе можно разделить на три группы. Причем работы, выражающие ту или иную точку зрения, написаны, как правило, в полемической форме, так как дискуссия между представителями разных направлений ведется еще с начала 70-х годов. Несмотря на различие прогнозов американских советологов в от-

ношении миграции и ее многообразных последствий, их объединяет общая нацеленность на поиски «уязвимых», по их мнению, мест в развитии советского общества. Эта нацеленность, порождающая тенденциозность исследований, а также порочность ряда исходных посылок, положенных в основу их прогнозов, приводят к невозможности объективного анализа.

Первую точку зрения в отношении перспектив и последствий миграции из Среднеазиатского региона представляют Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем. Однако даже у западных исследователей данная позиция не пользуется большой поддержкой. Представители этого направления считают, что в 1980—1990 гг. возможна массовая миграция коренного населения из Средней Азии. Их мнение базируется на выдвинутой ими гипотезе об универсальном (т. е. одинаковом для всех «модернизированных» стран независимо от специфики производственных отношений) характере процессов населения СССР (о чем уже шла речь в первой главе).

Напомним, что миграция, по их мнению, является результатом действия «универсальных» «сил притяжения» и «сил выталкивания». Быстрый рост сельского населения приводит к усилению «давления населения на неадекватные земельные ресурсы», вследствие чего происходит ухудшение условий жизни, которое и выступает в роли «силы выталкивания». Население якобы вынуждено мигрировать в районы промышленного роста, где действуют «силы притяжения». Эту «логику» американские авторы используют для обоснования своих прогнозов в отношении перспектив миграции населения из Среднеазиатского региона.

Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем считают, что самая серьезная проблема, которая встанет перед экономикой СССР в будущем, — «как поглотить быстро растущие трудовые ресурсы Средней Азии» [272, с. 356]. Причем рассматривают они данную проблему не только и не столько как экономическую, но и как политическую. Их позиция в целом сводится к тому, что экономика Средней Азии будет не в состоянии поглотить избыточное трудоспособное население в пределах самих республик. Они объясняют такое положение тем, что сельское хозяйство региона не может принять «избыточное» трудоспособное население из-за ограниченных возможностей орошения; «невозможностью» миграции населения в города своих республик, поскольку, считают они, современные отрасли труда в городах, «русифициро-

ваны» (якобы в силу действия системы «этнической стратификации», о чем шла уже речь). Поэтому города представляют якобы «враждебную среду для мусульманского населения». Кроме того, по их мнению, города Среднеазиатского региона не могут поглотить избыток трудовых ресурсов, даже если и будет происходить миграция коренного населения, поскольку капиталовложения, направляемые на развитие промышленности, в Среднеазиатском регионе ограничены. По мнению американских авторов, «Советское правительство не собирается предпринимать специальные меры для того, чтобы помочь среднеазиатским городам разместить большой приток мигрантов из сельской местности» [272, с. 364—365].

Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем приходят к выводу, что коренное сельское население среднеазиатских республик из-за ухудшения экономических условий, под давлением так называемых «сил выталкивания», будет вынуждено мигрировать за пределы своего региона в трудонедостаточные районы СССР. Миграция же в сельские районы европейской части страны маловероятна, считают они, поскольку оттуда постоянно происходит массовый отток населения в города с целью улучшения условий жизни. Эти авторы утверждают, что коренное население Средней Азии будет в больших количествах мигрировать в города европейской части СССР, где действуют так называемые «силы притяжения». Как они считают, подобная миграция, сопровождающаяся этническим смешением, вызовет якобы обострение национальных отношений, которое определяющим образом повлияет на развитие советского общества [272, с. 381; 274, с. 408].

Порочность исходных посылок исследований американских авторов нами уже указывалась — это проведение принципа демографического детерминизма, автоматическое перенесение на социалистическое общество характера национальных отношений капиталистического общества и неправомерное отождествление закономерностей функционирования экономической и социальной систем в условиях капитализма и в условиях социализма. Отождествление ими этих закономерностей проявляется и в их трактовке «универсального» механизма миграции — взаимодействия «сил притяжения и выталкивания». Такой стихийный механизм перераспределения трудовых ресурсов, действующих в условиях капитализма для поддержания соответствия спроса

капитала на рабочую силу и ее предложения, не может выступать в роли основного механизма миграции в условиях социализма с присущей ему планомерностью и действием основного экономического закона, ориентирующего на повышение благосостояния всех членов общества.

Прежде чем перейти к анализу фактического материала в связи с точкой зрения Р. Льюиса и его коллег, отметим, что низкую миграционную подвижность коренного населения Средней Азии в настоящее время Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем объясняют тем, что экономические условия, прежде всего уровень жизни, здесь «пока еще не ухудшились», что, по их мнению, неизбежно произойдет в дальнейшем и вызовет массовую миграцию. По их мнению, уже появился ряд факторов, способствующих росту интенсивности такой миграции. Это повышение образовательного уровня коренного населения и сопутствующие социальные и культурные изменения; уменьшение различий в уровне образования мужчин и женщин, что сказывается на положении женщин; повышение брачного возраста. Вместе с тем авторы понимают, что сельское население Средней Азии нельзя рассматривать как «традиционное необразованное мусульманское население», как это принято в западной литературе.

Указанные факторы наряду с ростом квалификационного уровня трудоспособного населения (в первую очередь за счет подготовки молодежи через систему профессионально-технического образования) действительно будут способствовать росту территориальной мобильности коренного населения республик Средней Азии. Но отметим, что это будет происходить не в результате «ухудшения экономических условий», как полагают Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем, а в результате изменения образа жизни, увеличения занятости в отраслях, требующих соответствующей квалификации.

Теперь на основе фактического материала покажем несостоятельность утверждений советологов о «нежелании расширить сферу приложения труда в регионе».

Во-первых, в нашей стране продолжается расширение орошаемых земель в республиках Средней Азии. Важность этого вопроса была подчеркнута и в материалах октябрьского (1984 г). Пленума ЦК КПСС [см.: 15], посвященного проблемам мелиорации. За 1981—1985 гг. в республиках Средней Азии было введено в действие 690 тыс. га орошаемых земель [см.: 28, с. 264].

В соответствии с Основными направлениями экономического и социального развития в двенадцатой пятилетке планируется дополнительно ввести в эксплуатацию 570 тыс. га орошаемых земель [см.: 14, с. 322, 325—327].

Надо также отметить, что в среднеазиатских республиках наряду с районами, где существует высокая плотность заселения (до 335 человек на 1 км²), есть и недостаточно заселенные районы нового орошения, где требуется привлечение дополнительных трудовых ресурсов для их хозяйственного освоения [см.: 70, с. 100]. Например, в Узбекской ССР в последние годы проводятся мероприятия по переселению избыточных трудовых ресурсов из густонаселенных областей Ферганской долины в целинные районы Сырдарьи, Джизака и Кашкадарьи [см.: 20, с. 4].

Во-вторых, в городах республик также существуют значительные резервы повышения занятости населения. Как указывается в материалах XXVII съезда КПСС, в среднеазиатских республиках намечается более высокими темпами развивать такие отрасли, как электротехническая, химическая, легкая промышленность, переработка сельскохозяйственной продукции, пищевой продукции, машиностроение, т. е. отрасли, которые являются по преимуществу трудоемкими. Для развития этих отраслей выделяются соответствующие капиталовложения [см.: 14, с. 322—327].

Существуют и другие резервы повышения занятости в городах. Это полное укомплектование кадрами действующих предприятий, увеличение загрузки имеющихся мощностей, более обоснованное размещение новых предприятий, существенное повышение коэффициента использования станков, машин, оборудования. Доведение коэффициента сменности оборудования до средне-союзного двухсменного режима, например, только в текстильной промышленности Узбекистана позволило бы дополнительно привлечь 10 тыс. рабочих [см.: 20, с. 3].

Нельзя не учитывать, что специфика Среднеазиатского региона состоит в том, что наряду с высокой трудообеспеченностью сельских районов, малых и средних городов имеется дефицит трудовых ресурсов, в первую очередь квалифицированных, в крупных городах, особенно в отдельных отраслях промышленности. Так, в материалах XXI съезда Компартии Узбекистана (1986 г.) указывалось, что проблема повышения заня-

тости населения и рационального использования трудовых ресурсов — одна из острых проблем республики. Вместе с тем отмечалось, что «в то же время в ряде отраслей народного хозяйства не хватает рабочих рук, в черной металлургии, машиностроении, химической и нефтехимической промышленности медленно растет доля рабочего класса за счет лиц местных национальностей» [20, с. 3].

Для того чтобы повысить занятость коренного населения, и в первую очередь в отраслях промышленности, осуществляются мероприятия по увеличению подготовки квалифицированных кадров из коренного населения. Так, за период 1965—1982 гг. подготовка рабочих в профессионально-технических училищах в целом по стране возросла в 2,3 раза, а в Узбекистане — в 6,6, в Киргизии — в 4,4, в Таджикистане — в 3,4, в Туркмении — в 4,4 раза [102, с. 63]. Это еще один довод в отношении несостоятельности утверждения Р. Льюиса и его коллег о «нежелании» повысить занятость коренного населения в республиках Средней Азии.

В-третьих, учитывая существующую пока довольно низкую миграционную подвижность коренного населения республик Средней Азии, с целью обеспечения растущего населения рабочими местами предполагается строить филиалы предприятий, цехи, подсобные производства в сельской местности, малых и средних городах, где сосредоточен основной потенциал трудовых ресурсов региона.

В связи с рассматриваемым вопросом следует указать, что с точки зрения совершенствования размещения производительных сил в Программе КПСС подчеркивается необходимость более полного использования возможностей малых, средних городов и рабочих поселков при размещении в них специализированных производств, связанных с изготовлением продукции по кооперации с крупными предприятиями, с переработкой сельскохозяйственного и местного сырья и обслуживанием населения [см.: 14, с. 145].

Это положение имеет прямое отношение к вопросу о более эффективном использовании трудовых ресурсов Средней Азии. Так, например, на XXVII съезде Компартии Киргизии (1986 г.) указывалось, что проводимая в республике работа по улучшению размещения производительных сил выразилась в том, что строительство новых предприятий, их филиалов велось преимущест-

венно в малых и средних городах, поселках городского типа [см.: 17, с. 8].

Практика строительства филиалов, цехов, подсобных производств в сельской местности, малых и средних городах республик Средней Азии показала в целом перспективность этого метода дальнейшей индустриализации региона. Так, советский автор С. Татур отмечает, что, в частности, в Узбекистане этот метод индустриализации «хорошо зарекомендовал себя в десятой и одиннадцатой пятилетках и будет широко использован в двенадцатой. В десятой пятилетке было сооружено 290 филиалов и цехов, в которых занято 30 тыс. работающих. В минувшей пятилетке открыто уже свыше 400 филиалов с числом работающих 110 тыс. человек. В новой пятилетке количество созданных филиалов планируется довести до полутысячи. В них будет работать около 200 тыс. человек. Две трети персонала филиалов — женщины. Во многих из них почти все работающие — лица местной национальности. Отдельные филиалы довольно быстро превращаются в самостоятельные предприятия. Так, в 1972 г. в городе Мархамате был открыт филиал андижанского завода «Электроаппарат» с 25 работниками. Сейчас это самостоятельное, динамично растущее предприятие, на котором занято свыше 1000 человек» [144, с. 122; см. о строительстве филиалов в среднеазиатских республиках также: 55; 65; 100; 161 и др.].

Преимущества таких предприятий в том, что сроки их строительства сравнительно невелики. Они дают быструю отдачу вложенных средств, часто работают на местном сырье, на первом этапе могут не требовать создания дополнительной социальной инфраструктуры. И наконец, с их помощью формируются навыки индустриального труда у коренного населения, что создает условия для повышения в перспективе миграционной подвижности. Последнее время в среднеазиатских республиках все больше практикуется создание филиалов предприятий центральных районов страны. Так, например, на 1984 г. в Узбекистане действовало около 160 филиалов предприятий РСФСР, которые выпускали промышленной продукции на 800 млн руб. в год [см.: 65]. Создание таких предприятий подкрепляется шефством и подготовкой местных кадров на предприятиях в центральных районах страны, что облегчает задачу комплектования этих предприятий квалифицированными кадрами.

Как видим, приведенные факты полностью опровергают заявления американских ученых о «нежелании расширить сферу приложения труда в Среднеазиатском регионе».

Кроме того (с учетом высокой рождаемости в республиках Средней Азии), занятость коренного населения в общественном производстве будет довольно длительное время находиться на уровне ниже среднесоюзного. По мнению советских специалистов, низкий уровень занятости женщин в настоящее время экономически оправдан. Например, в Узбекской ССР в личном подсобном хозяйстве в начале 80-х годов производилось 48% овощей, 52% бахчевых, 46% мяса, 29% винограда, большая часть молока и фруктов [см.: 70, с. 103]. Причем производство этих продуктов в личных подсобных хозяйствах осуществляется в основном женщинами. Учитывая это, узбекские специалисты приходят к выводу, что уровень занятости женщин в общественном производстве в настоящее время в среднеазиатских республиках является оптимальным [см.: 70, с. 103].

Нельзя согласиться и с тезисом американских авторов о массовой миграции коренного сельского населения Средней Азии в города европейской части в 80-х годах. Анализ миграционных процессов в СССР показывает, что сельское население мигрирует сначала, как правило, в близлежащие города, а из них — в другие, более крупные, т. е. миграция происходит по сути дела в два (а иногда и более) этапа. Поэтому можно ожидать, что сначала будет происходить миграция сельского населения в города среднеазиатских республик, а уже из них — в города других районов страны.

Как мы уже видели, американские авторы Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем стремятся анализировать демографические процессы в СССР в широком контексте буржуазных социологических теорий. Однако, несмотря на все их заверения в беспристрастности и объективности, их исследования носят ярко выраженный классовый характер, поскольку сходство ряда тенденций демографических процессов в Советском Союзе и развитых капиталистических странах рассматривается ими как подтверждение универсальности теорий «модернизации» и «этнической стратификации». Эти теории справедливы, по их понятиям, для любого общества, и используются они буржуазными демографами для того, чтобы представить закономерности развития советского общества как тождественные закономерностям капиталистическо-

го общества. Поэтому не случайно теоретическая концепция американских ученых привела их к таким выводам о последствиях тенденций демографических процессов в СССР, которые характерны для капиталистического общества, антагонистического по своей природе.

Другая, более многочисленная группа американских демографов считает, что даже в отдаленной перспективе миграция коренного населения из Средней Азии в массовом масштабе маловероятна, т. е. миграция возможна, но она будет ограничена действием экономических, демографических и культурных факторов. Эта позиция американских авторов противостоит точке зрения Р. Льюиса и его коллег о массовой миграции коренного населения из региона.

Аргументы буржуазных ученых, считающих массовую миграцию невозможной, были сначала выдвинуты в работах Г. Ходнетта и Дж. Безмереса [178; 259], а наиболее полно и развернуто они представлены в докладе М. Фешбаха для Объединенной экономической комиссии конгресса США [223]. Эту точку зрения поддерживает большинство американских демографов, специализирующихся по СССР.

Сторонники указанной позиции считают, что массовой миграции коренного населения из региона препятствуют такие экономические факторы, как более высокий уровень жизни населения Средней Азии, чем по стране в целом; неудовлетворенный спрос на труд в самом регионе; рост капиталовложений, направляемых на развитие промышленности в республиках Средней Азии; значительное расширение орошаемых площадей на период до 1990 г.

Представители данной точки зрения считают, что миграцию коренного населения будут тормозить также такие демографические факторы, как ранние браки, высокая рождаемость и многодетность семей. И наконец, М. Фешбах особо подчеркивает, что миграции населения из региона будет препятствовать растущий якобы национализм, «что в значительной мере объясняется большой ролью пантюркизма, появлением Ирана как образца мусульманского общества, стремлением местной интеллигенции управлять развитием своего региона. Мусульманское население среднеазиатских республик чувствует, что их регион — это колыбель цивилизации» [223, с. 681—682].

Это высказывание подтверждает общую тенденцию, существующую в буржуазной советологии, которая бы-

ла охарактеризована на XXI съезде Компартии Узбекистана как попытка в условиях обострения идеологической борьбы реанимировать отжившие идеи панисламизма, разжечь националистические страсти [см.: 20, с. 4].

Таким образом четко проявляется характерное для настоящего времени стремление американских исследователей представить в качестве идеологии советских национальностей Средней Азии не марксизм-ленинизм, а ислам, исповедовавшийся этими народами в прошлом. Причем делается попытка представить усиление в последние годы влияния ислама как политической идеологии в ряде стран Востока как процесс, характерный якобы и для нашей страны.

Следует также обратить внимание на то, что в традиционном утверждении буржуазных авторов о «росте национализма» в республиках Средней Азии извращается факт роста национального самосознания, который происходит в настоящее время в этих республиках, перешедших к социализму, минуя фазу капитализма. Процесс роста самосознания, особенно самосознания ранее угнетенных наций, является объективно закономерным и свидетельствует о поступательном движении социализма.

С точкой зрения М. Фешбаха и его сторонников о нежелании населения уезжать из региона вследствие «растущего национализма» смыкается и трактовка другими американскими демографами факта преобладания в СССР на современном этапе внутриреспубликанской, а не межреспубликанской миграции как «тенденции к дезинтеграции» [293, с. 3—4].

Отметим, что в реальной действительности объем миграционных потоков между республиками нашей страны сокращается и увеличивается роль внутриреспубликанской миграции. Но объясняется это, конечно, не «растущей дезинтеграцией», а выравниванием региональных различий в уровне жизни и изменением экономических условий. Прежде значительные миграционные потоки между республиками были в большой степени обусловлены помощью центральных и западных районов страны среднеазиатским республикам. Однако по мере развития экономики региона, расширения подготовки местных национальных кадров потребность в привлечении квалифицированных специалистов из других республик сокращается. И это объективный и закономерный процесс.

Практика хозяйственного строительства в Среднеазиатском регионе способствовала быстрой индустриализации республик и росту национальных кадров. Но в настоящее время главным источником обеспечения кадров республик становится подготовка местных специалистов. В условиях обострения напряженности баланса трудовых ресурсов в западных и центральных районах страны миграцию населения из этих районов в трудоизбыточные районы Средней Азии нельзя признать положительным явлением.

Возвращаясь к вопросу о трактовке перспектив миграции среднеазиатского населения из региона М. Фешбахом и его сторонниками, отметим, что, неправомерно выдвигая в качестве одной из причин низкой миграционной подвижности «растущий национализм», они вместе с тем отмечают и действительные факторы, препятствующие миграции коренного населения (наличие сфер приложения труда в самом регионе, многодетность семей). Вместе с тем современный низкий уровень мобильности населения региона ими неоправданно абсолютизируется.

Каковы же реальные причины, обуславливающие низкую территориальную подвижность коренного среднеазиатского населения и каковы перспективы развития его миграционной мобильности?

Как отмечает советский исследователь Н. В. Тарасова, «низкая миграционная подвижность населения Средней Азии и Казахстана связана со спецификой расселения и образа жизни, во многом обусловлена национальными традициями, привязанностью местных жителей к родным поселениям, привычкой к определенным условиям быта, своеобразием языка и т. п.» [134, с. 59].

Результаты обследования, проведенного в 1979—1981 гг. НИИТруда совместно с Узбекским, Таджикским и Туркменским филиалами путем анкетного опроса школьной и трудящейся молодежи в возрасте от 15 до 30 лет, показали, что к основным факторам низкой миграционной подвижности молодежи из числа коренного сельского населения Средней Азии можно отнести следующие. Во-первых, более высокий уровень жизни в селах (с учетом всех формирующих его факторов) по сравнению с городами. Выше здесь и темпы роста жилищного строительства. Это означает отсутствие экономического стимула для переезда в город. Во-вторых, многодетность сельских семей. При чем результаты обследования позволяют сделать вывод, что «не много-

детность сама по себе ограничивает мобильность... а более благоприятные условия жизни многодетных семей в сельской местности, в том числе жилищные условия» [102, с. 90—91].

Приверженность к сельскому образу жизни также способствует низкой миграционной мобильности. Отрицательно действует в этом направлении и такой фактор, как еще недостаточная степень владения русским языком в качестве языка межнационального общения, хотя, как отмечалось, здесь достигнуты значительные успехи. На уровне миграционной подвижности сельского населения Средней Азии сказывается также пока недостаточно высокий профессиональный уровень подготовки молодежи.

И все же необходимо отметить, что в миграционном движении коренного населения наметился ряд положительных сдвигов, что позволяет сделать вывод о растущей территориальной мобильности среднеазиатского населения и о его более интенсивной миграции в перспективе в другие районы страны.

За период между переписями населения 1970—1979 гг. миграционная подвижность среднеазиатского населения росла более высокими темпами, чем по стране в целом, что позволило советским демографам говорить о тенденции к выравниванию уровня подвижности населения различных регионов [см.: 96, с. 54]. Самые высокие масштабы роста миграционного оттока из села в город наблюдались в Узбекской ССР: только за период 1976—1980 гг. на эту республику приходилось 84% всего оттока сельских жителей Среднеазиатского региона [123, с. 31].

О росте миграционной подвижности свидетельствует и увеличение интенсивности маятниковой миграции в республиках Средней Азии, особенно в зонах влияния крупных городов. Так, например, в Душанбе сальдо маятниковой миграции в 1978 г. составило 6,5% от численности работающих в городе, а в 1981 г. — 7,4% [96, с. 97].

Как показало обследование 33 промышленных предприятий Бухарской и Джизакской областей Узбекистана, маятниковые мигранты среди работающих на этих предприятиях составили в легкой промышленности 6,6%, в машиностроении и металлообработке — 1,6, в химической промышленности — 4,9% [102, с. 57].

Как считают советские ученые, наметившиеся изменения миграционной подвижности сельского населения

свидетельствуют о возможности в перспективе увеличения оттока коренных сельских жителей Среднеазиатского региона в собственные города, а жителей городов (как коренных национальностей, так и приезжих) — в другие, и прежде всего в труднедостаточные восточные районы страны.

Когда мы говорим о формировании миграции как социального процесса, важно учитывать, что оно проходит ряд стадий, первая из которых — потенциальная мобильность, а заключительная — адаптация на новом месте жительства. «Миграционная подвижность коренного населения (Средней Азии. — Н. Ж.), прежде всего молодежи... находится пока на стадии формирования потенциальной мобильности. Например, на вопрос анкеты, хотели бы Вы поработать за пределами Средней Азии, посмотреть, как живут люди в других районах страны, утвердительно ответили более 70% опрошенных выпускников средней школы и работающей молодежи, причем 40% определили свое желание как «очень сильное», примерно 40% изъявили желание поехать на комсомольские ударные стройки Сибири, Дальнего Востока, европейской части страны... Создать условия для реализации потенциальной миграции — такова задача управления на современном этапе» [102, с. 93].

Уже сейчас определенная часть молодежи коренных национальностей Средней Азии трудится в других районах страны. Например, в начале 80-х годов за пределами этих республик и Казахстана жило и трудилось 159 тыс. узбеков, киргизов, таджиков и туркмен, но все же это менее 1% от их совокупной численности [134, с. 43—44]. На XXI съезде Компартии Узбекистана отмечалось, что «все больше посланцев Узбекистана принимает участие в освоении районов Сибири, на стройках Нечерноземья, Тюмени и БАМа. В двенадцатой пятилетке на всесоюзные ударные стройки страны будет направлено 60 тыс. жителей республики» [20, с. 5].

Рассмотрим третью точку зрения американских социологов на перспективы миграции населения из Среднеазиатского региона. Ее представляет американский демограф М. Ривкин. Он считает, что будет происходить миграция населения из региона, но не коренного, а европейского населения. Это положение он заимствует из советской литературы [см.: 159], но дает ему тенденциозную интерпретацию.

Отметим, что позиция советских исследователей сводится к следующему: поскольку центральные райо-

ны страны испытывают потребность в рабочей силе, а коренное население среднеазиатских республик отличается низкой миграционной подвижностью, то мигрирует более мобильное приезжее население, которое характеризуется к тому же несколько более высоким квалификационным уровнем. Американский же автор традиционно пытается придать миграционным процессам при социализме политическую окраску. Стремление европейского населения вернуться в более знакомую среду, по его мнению, может усиливаться якобы вследствие «растущего национализма» местного «мусульманского» большинства, т. е. он поддерживает в этом вопросе М. Фешбаха. В то же время М. Ривкин вынужден отметить, что миграция европейцев из региона становится все более возможной с экономической точки зрения, поскольку коренное население получает в настоящее время необходимую квалификацию для работы на промышленных предприятиях.

М. Ривкин особо заостряет внимание на политическом аспекте, заявляя о «серьезных последствиях для политической системы СССР» миграции европейцев из Средней Азии, что усиливает «коренизацию» (замещение пришлого населения коренным), которая и так происходит в результате более высокого уровня рождаемости среднеазиатского населения. Он заявляет, что «Советское правительство может настороженно относиться к тому, что мусульмане «вновь завоевывают» Среднюю Азию» [312], т. е. по существу вновь проводит неправомерный тезис о «контроле» над среднеазиатскими национальностями.

Однако концепция, предлагаемая М. Ривкиным, строится на ложной интерпретации причин и последствий миграции как якобы политических по своей природе. При этом американский автор намеренно характеризует отношения между различными национальностями в Советском Союзе как антагонистические. В противоположность концепции «русификации» М. Ривкин выдвигает тезис о «мусульманизации» городов региона. Это свидетельствует о том, что изменение тенденций демографических процессов вызывает и изменение буржуазных теорий, их «объясняющих». Однако политическая сущность этих теорий остается неизменной — любыми методами фальсифицировать национальные отношения в Советском Союзе.

Как нами было показано, решение проблем трудовых ресурсов Средней Азии, будущие миграционные пото-

ки из региона определяются не «противоположностью интересов различных национальностей», не «универсальными» закономерностями «индустриального общества», а целенаправленной политикой Советского государства, имеющей своей целью повышение благосостояния советского народа, выравнивание уровней социального и экономического развития различных регионов страны.

На основе анализа демографической ситуации в СССР американские советологи пытаются определить перспективы социально-экономической политики Советского государства. В связи с высокими темпами роста численности населения Средней Азии и его сравнительно низкой миграционной подвижностью они уделяют значительное внимание проблемам распределения капиталовложений, перспективам демографической и миграционной политики.

Прежде чем перейти к анализу точек зрения американских авторов, следует отметить, что перед социалистическим государством на каждом этапе социально-экономического развития стоит задача определения приоритетов развития, выделения ведущих звеньев, учета конкретных особенностей того или иного этапа и на этой основе — наиболее рационального распределения имеющихся ресурсов. И с этих позиций современный этап развития не представляет исключения. Между тем американские советологи тенденциозно подчеркивают именно данный момент, всячески акцентируя внимание на так называемом вопросе о «конкуренции» за дефицитные ресурсы, зачастую рассматривая необходимость выделения капиталовложений по различным направлениям как взаимоисключающие альтернативы, по принципу «либо-либо».

Так, М. Ривкин считает, что современная демографическая ситуация, когда растущее сельскохозяйственное население Казахстана и Средней Азии будет обеспечивать значительный прирост трудовых ресурсов, ставит перед Советским правительством ряд «неприятных альтернатив». По его мнению, надо будет стараться переместить избыточные трудовые ресурсы этих регионов в труднедостаточные «традиционные регионы экономического роста», или изменить первоочередность капиталовложений для развития промышленности в трудоизбыточной Средней Азии, или поощрять «немусульманское» население Средней Азии мигрировать в районы с дефицитом трудовых ресурсов [311, с. 1].

Он считает, что если указанные меры не будут реализованы, то могут возникнуть отрицательные последствия: «лишенные необходимых трудовых ресурсов, традиционные промышленные районы РСФСР будут не в состоянии значительно увеличить производительность труда в соответствии с целями производства, что приведет (по его мнению.— Н. Ж.) к дальнейшему снижению темпов промышленного роста в СССР» [311, с. 1]. Отметим, что в действительности рост производительности труда осуществляется не за счет роста численности трудовых ресурсов, а при их сокращении — преимущественно за счет технического переоснащения производства. Более того, как определено в материалах XXVII съезда КПСС, «рост производства впервые будет обеспечиваться при одновременном сокращении потребностей в трудовых ресурсах» [14, с. 229].

По представлениям же М. Ривкина, если не удастся добиться миграции из региона или достигнуть эффективного использования трудовых ресурсов на местах, то может возникнуть безработица или неполная занятость трудовых ресурсов региона.

Однако общеизвестно, что право на труд является одним из основных конституционных прав советских граждан, которое гарантирует государство путем создания необходимого количества рабочих мест. Проблемы занятости в Среднеазиатском регионе имеют место. Но они возникают не из-за отсутствия свободных рабочих мест, а из-за несовпадения территориального размещения населения региона и сфер приложения труда. О путях преодоления существующих проблем, порождаемых, с одной стороны, низкой миграционной подвижностью коренного населения, а с другой — преимущественным размещением промышленных предприятий в крупных городах, уже шла речь в нашей работе. Реализация этих направлений социально-экономической политики в регионе позволит обеспечить рациональную занятость в среднеазиатских республиках.

Американский политолог С. Байалер также ставит вопрос об альтернативах распределений капиталовложений. Он считает, что такая ситуация, когда прирост трудовых ресурсов будет осуществляться главным образом за счет населения Средней Азии, поставит перед советскими плановыми органами серьезную проблему распределения капиталовложений. «В то время как все районы Советского Союза будут требовать капиталовложений, Советское правительство вынуждено будет

решать, — заявляет он, — увеличить ли инвестиции для Средней Азии, где будет сосредоточена основная часть прироста трудовых ресурсов и откуда будет трудно переместить избыточную рабочую силу, увеличить ли инвестиции для европейской части Советского Союза, где существует нехватка трудовых ресурсов и сырья, но где капиталовложения могут иметь большую отдачу за счет модернизации и расширения уже действующих мощностей, или увеличить инвестиции для Сибири, где эксплуатация энергетических и сырьевых ресурсов требует соответствующей инфраструктуры и производственных мощностей» [182, с. 23—24].

Причем данный автор не ограничивается определением «альтернатив» распределения финансовых ресурсов, пытаясь дать политическую «оценку» этим процессам в духе буржуазных концепций национальных отношений при социализме. Он считает, что направление больших капиталовложений в Среднюю Азию имело бы неблагоприятные последствия. Во-первых, это якобы может вызвать недовольство среди европейских республик Советского Союза из-за отвлечения капиталовложений в районы, где проживает неевропейское население. Кроме того, он заявляет, что это могло бы усилить «враждебность местной политико-административной элиты из-за покушения на их автономию, что особенно резко проявится в дополнительном притоке русских управленческих кадров, которые наверняка бы приехали в Среднюю Азию в связи с любым массовым притоком русского капитала» [182, с. 26].

Подобная позиция строится на умышленном представлении советских национальностей европейского и неевропейского населения как якобы политически противостоящих друг другу сил и, как следствие, на необоснованном противопоставлении республиканских и общесоюзных интересов. Кроме того, на Западе часто пропагандируется точка зрения советологов о том, что рост численности среднеазиатского населения вызывает рост его политического влияния, в связи с чем увеличиваются и его требования в области распределения капиталовложений. Между тем в Советском Союзе на каждом этапе экономического и общественного развития цель социально-экономической политики государства состоит как раз в поиске наиболее оптимальных вариантов сочетания республиканских интересов и интересов всего народнохозяйственного комплекса в целом. Как указывается в Программе КПСС, «на основе твор-

ческого применения ленинских принципов социалистического федерализма и демократического централизма будут обогащаться формы межнациональных отношений в интересах всего советского народа и каждой нации и народности» [14, с. 156—157].

Вопрос об «альтернативах» политики капиталовложений поднимается также в Компендиуме докладов (1983 г.), подготовленных для Объединенной экономической комиссии конгресса США, в разделе о трудовых ресурсах: направить ли капиталовложения на разработку и внедрение новой техники, или в республики Средней Азии, где имеется значительный потенциал трудовых ресурсов, или на проведение демографической политики «пронаталистического» характера, которая решит проблемы трудовых ресурсов в будущем [238, с. 323].

Рассматривая вопрос о возможности направления больших капиталовложений в Среднеазиатский регион, американские демографы Р. Льюис и Р. Роулэнд считают, что это приведет к снижению эффективности экономики страны, так как, по их мнению, капиталовложения будут направляться в регион, который характеризуется самыми низкими показателями эффективности в стране, где капиталовложения соответственно будут иметь минимальную отдачу [274, с. 415—416]. При этом Р. Льюис и Р. Роулэнд заявляют, что «оставить население Средней Азии в их собственном регионе было бы мудрой политикой» [274, с. 416]. Как видим, авторы снова пытаются провести свой тезис, что миграция населения за пределы региона обострила бы национальные отношения. Они утверждают: «Если не будет происходить миграция коренного населения из Средней Азии и не будет кардинальных изменений в региональной политике капиталовложений, трудоизбыточность одних и трудонедостаточность других регионов будет усугубляться, а если будет происходить значительная миграция населения из среднеазиатских республик и экономические проблемы будут решены, это, весьма вероятно, будет иметь своим результатом обострение национальных проблем» [274, с. 29]. Аналогичной точки зрения придерживается и ряд других авторов.

Таким образом, высказывания американских советологов ярко демонстрируют непосредственную слитность экономического, политического и демографического «анализа», характеризующегося явно выраженной антисоветской направленностью. Вновь можно указать,

что американские советологи стремятся представить национальные отношения при социализме как антагонистические. Это проявляется и в тех аналогиях, которые они пытаются проводить, сравнивая, например, миграцию коренного среднеазиатского населения в европейскую часть СССР с эмиграцией иностранных рабочих в страны Запада. В данном случае советологи умышленно отождествляют не только характер национальных отношений при социализме и капитализме, но и причины, характер и последствия миграции в условиях мирового капиталистического хозяйства из экономически отсталых стран в развитие (с присущей ей дискриминацией в отношении иностранных рабочих и национальными конфликтами) с межреспубликанской миграцией в нашей стране, где Конституцией гарантируются равные права в области оплаты труда, социального обеспечения и духовного развития для всех граждан страны независимо от их национальной принадлежности.

Приведенные высказывания западных авторов свидетельствуют о том, что проблемы политики капиталовложений в условиях создавшейся демографической ситуации рассматриваются ими по сути дела как выбор между взаимоисключающими решениями. На деле, как уже отмечалось, социалистическое государство всегда стоит перед необходимостью распределения капиталовложений по многим направлениям в зависимости от потребностей развития экономики на каждом данном этапе. Специфику современного этапа развития СССР определяет задача ускорения социально-экономического развития на базе всемерной интенсификации экономики. В отношении политики капиталовложений это означает более эффективное их использование, а не постоянное наращивание, повышение отдачи от вложенных средств. Причем задача эта должна решаться дифференцированно по разным районам страны.

Как отмечается в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, в европейских районах страны и на Урале капиталовложения будут выделяться преимущественно для технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий при сокращении численности работников в материальном производстве. В восточных регионах нашей страны капиталовложения направляются на ускоренное наращивание производственного потенциала и освоение природных

ресурсов. В республиках Средней Азии, Южном Казахстане и Закавказье капиталовложения будут выделяться для более полного использования природных и трудовых ресурсов [см.: 14, с. 317]. Таким образом, предусматривается выделение капиталовложений по всем рассматриваемым направлениям с учетом как потребностей развития каждого из регионов, так и интересов всего народнохозяйственного комплекса.

Специфика современного этапа развития экономики республик Средней Азии состоит в том, что одновременно должны решаться задачи интенсификации экономики и повышения занятости трудоспособного населения в общественном производстве. Если в европейской части страны и на Урале интенсификация должна приводить к снижению занятости в материальном производстве и перераспределению населения в непроеизводственную сферу, то в Среднеазиатском регионе повышение отдачи от вложенных средств должно идти на расширение числа рабочих мест в отраслях как материального, так и нематериального производства. Так, например, механизация хлопкоуборочных работ может сопровождаться высвобождением трудовых ресурсов из этой сферы и перераспределением их для выращивания, заготовки, переработки фруктов, винограда, бахчевых культур, особенно если принять во внимание, что доля этого производства в общесоюзном разделении труда, несмотря на благоприятные климатические условия в регионе, незначительна.

Перераспределение трудовых ресурсов может осуществляться и в сферу хранения, транспортировки, переработки сельскохозяйственной продукции, в том числе и на небольшие предприятия в сельской местности. Так, Совет по изучению производительных сил Узбекской ССР при Академии наук республики считает целесообразным создать в Узбекистане общесоюзную базу плодперерабатывающей и текстильной промышленности, при этом значительно увеличится доля хлопка, который подвергается переработке в готовую продукцию в самой республике (сейчас эта доля составляет пока 5% от общего объема выращиваемого в республике хлопка) [см.: 144, с. 121].

Советские экономисты ставят вопрос о создании в среднеазиатских республиках агропромышленного хлопкового комплекса как подкомплекса регионального АПК [см., например: 122; 157, 158]. В хлопковый АПК должны войти предприятия промышленности для хлопко-

производства, хлопкосеющие колхозы и совхозы, заготовительные пункты, транспортные базы и базы хранения продукции, хлопкоперерабатывающие заводы и др., что создаст условия не только для более эффективного функционирования всей производственной цепочки, где каждое звено будет сориентировано на конечный результат, но и для более рационального использования трудовых ресурсов региона.

При осуществлении политики капиталовложений следует, конечно, учитывать и то, что в самих среднеазиатских республиках должен соблюдаться дифференцированный подход к распределению капиталовложений и использованию трудовых ресурсов. Ведь одна ситуация складывается в городах региона, другая — в сельской местности; одна — в хлопководческих хозяйствах, другая — в каракулеводческих или семеноводческих; одна, например, в Ферганской долине, другая — в Голодной или Каршинской степи.

Таким образом, более рациональное использование трудовых природных ресурсов и капитальных вложений позволит, с одной стороны, повысить эффективность функционирования экономики в среднеазиатских республиках, а с другой — решить важную социальную задачу повышения занятости в общественном производстве.

В отношении перспектив миграции среднеазиатского населения за пределы региона уже шла речь. В двенадцатой пятилетке во всех республиках региона планируется увеличить миграцию за пределы региона через систему оргнабора и комсомольских призывов. Однако, планируя объемы миграционных перемещений из региона на перспективу, нельзя в то же время не принимать во внимание, что в соответствии с плановыми заданиями, определенными в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, производительность труда за 15 лет должна возрасти по стране в целом в 2,3—2,5 раза [14, с. 274], а это означает значительное высвобождение трудовых ресурсов из материального производства в европейской части СССР.

Решение поставленных в области производительности труда задач позволит значительно сократить потребность в привлечении дополнительных трудовых ресурсов в трудонедостаточные ныне районы страны из других регионов. Поэтому, по нашему мнению, гораздо большее значение, чем значительная миграция коренного на-

селения из Среднеазиатского региона, приобретает в перспективе межреспубликанский обмен кадрами.

Подводя итог анализу взглядов американских советологов на перспективы социально-экономической политики Советского государства с точки зрения учета особенностей демографического развития, можно отметить следующее. Несмотря на изучение американскими демографами советской литературы, точек зрения советских экономистов и демографов, несмотря на присутствие в их работах некоторых здравых оценок, американские советологи оказываются не в состоянии дать объективный анализ современной экономико-демографической ситуации в СССР и перспективе социально-экономической политики Советского государства. Они исходят из искаженных представлений о социальной, политической и экономической природе социалистического общества, отождествляя зачастую его функционирование с функционированием капиталистического общества.

3. Демографическая политика СССР в интерпретации американских исследователей

Разработка эффективной демографической политики в СССР стала одним из важнейших направлений исследований проблем народонаселения. Это нашло свое отражение в материалах XXV, XXVI и XXVII съездов КПСС. В связи с этим в последние годы значительно усилился интерес американских специалистов к проблемам демографической политики в СССР.

Можно выделить несколько основных моментов, которые характеризуют представления американских авторов о демографической политике в СССР и ее возможных мероприятиях.

Прежде всего для большинства американских демографов характерна расширительная трактовка демографической политики. Так, например, в достаточно объективном докладе Дж. Демко «Советская демографическая политика» [200], подготовленном им для Международного института системных исследований, в мероприятия демографической политики предлагалось включать все мероприятия социальной и экономической политики, которые в конечном счете оказывают влияние на демографические процессы. Безусловно, это слишком свободное определение. Однако данная точка зрения интересна тем, что здесь подчеркивается исключительное значение централизованного планового механизма

для осуществления мероприятий демографической политики.

В настоящее время в советской демографической литературе, несмотря на некоторые расхождения в отношении мер демографической политики, в целом выработано единое понимание демографической политики как системы мероприятий (осуществляемых государством или его органами), специально направленных на достижение определенных демографических результатов.

Это позволяет исключить из сферы действия демографической политики такие мероприятия социально-экономической политики, как социалистическая индустриализация, вовлечение женщин в общественное производство, рост образовательного уровня и др. Включая в сферу демографической политики указанные мероприятия, американские авторы неизбежно приходят к выводу о ее внутренней противоречивости. Чтобы пояснить данный тезис, необходимо указать еще на один существенный момент в трактовке американскими авторами демографической политики в СССР: до последнего времени она сводилась исключительно к «пронаталистическим» или «антинаталистическим» (по терминологии буржуазных авторов) мероприятиям, т. е. направленным либо на повышение, либо на снижение рождаемости. И только для нескольких современных работ характерна ссылка на комплекс объектов демографической политики Советского государства [227, 264].

Американский демограф Д. Хир во всех своих работах, посвященных демографической политике в СССР (первая относится к середине 60-х годов) [250—255], трактует ее как противоречивую по своему характеру, противопоставляя «антинаталистические» мероприятия (легализацию аборт, распространение контрацептивных средств, широкое участие женщин в общественном производстве и т. д.) «пронаталистическим» мероприятиям (пропаганду более высокой рождаемости, наличие семейных пособий). А. Ди Майо разделяет точку зрения Д. Хира и характеризует демографическую политику как «нерешительный пронатализм», исходя из того, что, несмотря на призывы к повышению рождаемости, активная «пронаталистическая» политика не проводится [205].

Нельзя не отметить, что в подобной трактовке мероприятия социально-экономической политики неправомерно представлены как «антинаталистические» мероприятия демографической политики. Конечно, например,

вовлечение женщин в общественное производство сказывается на снижении рождаемости, но это косвенный, а не целенаправленно достигаемый результат.

Кроме того, следует отметить, что хотя регулирование абортсв и доступности контрацептивных средств можно отнести к демографическим мероприятиям, но запрещение абортсв и ограничение контрацептивных средств, как показала практика, являются неприемлемыми в качестве инструмента демографической политики. Во-первых, это нарушает право свободного принятия женщиной решения в отношении деторождения; во-вторых, неизбежно приводит к нелегальным абортсв, наносящим зачастую непоправимый ущерб здоровью женщин.

Таким образом, было бы неправомерным считать демографическую политику, проводимую в нашей стране, противоречивой, поскольку одни «антинаталистические» мероприятия не были специально направлены на снижение рождаемости, другие же были отменены советским законодательством как неприемлемые для повышения рождаемости, и они также не были специально направлены на снижение рождаемости. Необходимо, кроме того, отметить, что в нашей стране постоянное повышение рождаемости вообще не ставится в качестве цели демографической политики. Речь идет об определении и поддержании оптимального типа воспроизводства населения¹. В отношении рождаемости это означает переход от малодетной и многодетной к среднедетной семье. Причем следует подчеркнуть, что в советской демографической науке демографическая политика рассматривается не просто как комплекс мер, регулирующих рождаемость, а, как отмечает А. Я. Кваша, «речь идет о мерах планового воздействия общества на всю систему демографических процессов в их взаимосвязи, а не только на тот или иной вид движения населения» [77, с. 4]. А. Я. Кваша подчеркивает, что «демографические процессы в реальной жизни настолько связаны между собой, что разработка системы управляющих мер лишь для одного из них практически мало-реальна. Принцип комплексности является одним из важнейших элементов в проведении демографической политики» [77, с. 142].

Так, в материалах XXVII съезда КПСС намечаются не только мероприятия, направленные на повышение

¹ Подробно об этом см.: 77.

рождаемости, но и мероприятия, способствующие укреплению здоровья и увеличению продолжительности жизни, укреплению семьи, которая названа одним из «важнейших устоев» социалистического общества. «...Формирование новой семьи — непростое дело. Это сложный процесс, и тут есть свои проблемы. В частности, хотя за последние годы количество разводов и уменьшилось, оно все еще велико. Немало и неблагополучных семей. Все это отрицательно сказывается в первую очередь на воспитании детей, а также на моральном состоянии мужчин и женщин, их трудовой и общественной активности. Общество, разумеется, не может безучастно относиться к этим явлениям... В особой заботе нуждаются молодые семьи. К семейной жизни молодежь надо готовить. Более продуманной должна быть система материальной помощи молодоженам, прежде всего в решении жилищно-бытовых проблем. Видимо, целесообразно рассмотреть предложения о совершенствовании наших правовых норм, с тем чтобы повысить ответственность граждан за укрепление семьи. Но дело не только в этом. Надо так поставить практическую работу государственных и общественных организаций, чтобы она всемерно способствовала укреплению семьи, ее устоев... Предпосылка решения многих проблем семьи — создание таких условий труда и быта женщин, которые позволяли бы успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной деятельности» [14, с. 51—52].

Не меньшее внимание в материалах XXVII съезда было уделено необходимости укрепления здоровья населения: «Многое предстоит сделать для существенного улучшения деятельности учреждений здравоохранения, усиления его профилактической направленности, постепенного перехода к всеобщей диспансеризации населения. Примерно в полтора раза увеличится строительство амбулаторно-поликлинических учреждений и производство медицинской техники, важное значение для укрепления здоровья людей будет иметь реализация намеченных мер по охране окружающей среды.

В больших масштабах намечается осуществлять сооружение объектов культуры и спорта» [14, с. 261].

Важное значение в этом вопросе должны сыграть и мероприятия, направленные на борьбу с пьянством и алкоголизмом, за утверждение трезвости как нормы социалистического образа жизни. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР

на 1986—1990 годы и на период до 2000 года следующим образом формулируются задачи демографической политики: «Проводить демографическую политику, полнее учитывающую особенности различных регионов страны. Всемерно способствовать увеличению продолжительности жизни и трудовой активности населения, укреплению семьи, созданию более благоприятных условий для воспитания подрастающего поколения, сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой и общественной деятельности. Расширять и совершенствовать государственную помощь семьям, имеющим детей, и молодым семьям... Провести систему мер по укреплению здоровья советских людей. Неуклонно улучшать качество медицинского обслуживания, осуществить переход ко всеобщей диспансеризации населения. Усилить меры по охране здоровья матери и ребенка. Ускоренно развивать сеть учреждений здравоохранения, а также санаториев, домов отдыха, пансионатов, организаций туризма, улучшая обслуживание в них» [14, с. 273]. Как видим, система мер демографической политики носит комплексный характер, она не сводится только к мероприятиям по регулированию того или иного уровня рождаемости.

Трактуя советскую демографическую политику как сугубо «пронаталистическую», ряд буржуазных демографов связывает ее только с потребностями экономики. Как считает Н. Любин, «цели демографической политики СССР оставались неизменными на протяжении всей истории существования страны — это обеспечение более высокого уровня рождаемости, что объясняется традиционной ориентацией на экстенсивные, а не на интенсивные факторы развития экономики» [279, с. 211].

В Компендиуме докладов для Объединенной экономической комиссии конгресса США (1983 г.) также проводится точка зрения о том, что «пронаталистическая демографическая политика как долгосрочная корректирующая мера» была принята из-за «обеспокоенности проблемой дефицита трудовых ресурсов» [238, с. 342]. В ряде других работ американских авторов проведение демографической политики в нашей стране также связывается с появлением дефицита трудовых ресурсов [см., например: 261; 330].

Известно, что в советской демографической и экономической литературе в настоящее время существует четкая позиция по данному вопросу: недостаток трудовых ресурсов является следствием социально-экономи-

ческих, организационно-технических, а не демографических факторов. Демографический же фактор только обостряет, а не создает напряженность баланса трудовых ресурсов. Кроме того, если и можно было бы решать демографическим путем проблемы трудовых ресурсов, то это влияние скажется не ранее, чем через два десятилетия. Но как известно, курс на ускорение социально-экономического развития страны, принятый XXVII съездом КПСС, предполагает значительное повышение производительности труда — в 2,3—2,5 раза за период до 2000 г. [см.: 14, с. 274], что неизбежно будет сопровождаться не только снижением напряженности баланса трудовых ресурсов, но и перераспределением значительной части трудовых ресурсов из сферы материального производства в сферу нематериального производства.

Однако некоторые из американских демографов не согласны с позицией своих коллег об экономических причинах демографической политики. Так, Дж. Парсонс подвергает критике «слепую веру в доктрину о том, что проблемы трудовых ресурсов можно решить путем постоянного и довольно быстрого роста численности населения... С уверенностью можно сказать, что лучшая политика для СССР и большинства других стран — рациональнее использовать их уже имеющиеся гигантские трудовые ресурсы, а не стараться увеличивать их бесконечно без учета как современных возможных затрат, так и отдаленных последствий» [300, с. 143].

Американский демограф Дж. Чинн справедливо отмечает, что «более эффективное использование трудовых ресурсов в промышленности и в сфере обслуживания является долгосрочной целью Советского правительства». Такой подход, по его мнению, «предполагает более реалистичную альтернативу решению проблемы дефицита трудовых ресурсов, чем манипулирование демографическими переменными» [186, с. 130].

Современные представления советских ученых о демографической политике в нашей стране состоят в том, что она не является средством решения экономических задач (тем более проблемы трудовых ресурсов). Демографическая политика — это элемент социально-экономической политики социалистического государства, она имеет собственную цель — оптимизацию воспроизводства населения.

Рассмотрим еще одно положение в трактовке буржуазными специалистами возможных мероприятий де-

мографической политики. Особое внимание они уделяют тем мероприятиям, при проведении которых необходимо учитывать региональные особенности демографических процессов.

По поводу проведения возможной демографической политики в отношении рождаемости А. Шихи одна из первых среди западных демографов затрагивает вопрос о дифференцированной демографической политике в СССР. Она говорит о том, что «остается неясным, будут ли предприняты какие-то шаги для того, чтобы замедлить темпы прироста населения среднеазиатских республик... Официальная кампания — как бы она ни была экономически оправданна — вызвала бы наверняка рост обвинений в расовой дискриминации, так как у русских в то же время поощряется более высокая рождаемость» [318, с. 563].

Н. Любин, также указывая, что целью Советского государства всегда было повышение рождаемости, заявляет, что «традиционное значение «русификации» и русского населения означало желание вызвать рост рождаемости прежде всего у славянского населения» [279, с. 211].

В этих высказываниях кроме искажения целей демографической политики мы видим также стремление представить национальные отношения в нашей стране как антагонистические, а демографическую политику, учитывающую этническую дифференциацию демографических процессов, представить по сути дела как национальную политику дискриминационного характера. Именно поэтому буржуазные демографы всячески подчеркивают, что предложения по проведению дифференцированной демографической политики выдвигаются русскими демографами. Так, Д. Хир считает, что если бы можно было знать мнение среднеазиатских демографов, то оказалось бы, что они скорее всего не поддерживают проведение демографической политики вообще, предпочитая сохранение существующего «статус-кво» [255].

Прежде всего следует отметить, что «точка зрения среднеазиатских демографов», так же как и других советских демографов, состоит в том, что необходимо проводить демографическую политику и учитывать региональные различия при проведении мероприятий демографической политики. Так, О. Б. Ата-Мирзаев и А. У. Атахудзиев считают, что «существование больших различий по стране в современной демографической

обстановке, миграционных процессах и урбанизации требует разработки наряду с общими концепциями политики народонаселения демографической политики конкретно для районов и союзных республик» [37, с. 43].

Что же касается непосредственных целей демографической политики в Среднеазиатском регионе, то здесь мнения демографов из этих республик не однозначны. Так, О. Б. Ата-Мирзаев и Х. С. Салимов, исходя из сохранения в ближайшей перспективе высокой рождаемости, считают, что демографическая политика в регионе «должна быть направлена на дальнейшее улучшение условий воспитания детей и ведения домашнего хозяйства в многодетных семьях. На этой основе больше внимания будет уделено вовлечению женщин в общественное производство» [120, с. 93].

По мнению И. Р. Мулляджанова, «в демографических регионах высокой рождаемости процесс снижения рождаемости может продолжаться на протяжении длительного периода времени, в связи с чем основной задачей эффективной демографической политики должно быть оказание влияния на снижение этого срока путем роста образования, культурно-технического, профессионально-квалификационного потенциала женщин коренных национальностей с поднятием у них трудовой, территориальной и социальной мобильности» [99, с. 229].

С нашей точки зрения, положения Х. С. Салимова и О. Б. Ата-Мирзаева являются достаточно спорными. Представляется, что они правомерно указывают на необходимость улучшения условий воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. Однако это скорее мероприятия социальной, а не непосредственно демографической политики. Что же касается вовлечения женщин в общественное производство, то думается, что его следует рассматривать как объект специального воздействия, а не как результат улучшения условий воспитания детей и ведения домашнего хозяйства.

И. Р. Мулляджанов считает необходимым повышение образовательного и профессионального уровня населения, особенно женщин, и связывает эти и ряд других широких социально-экономических изменений с объективно неизбежным снижением рождаемости в регионе. Но И. Р. Мулляджанов предлагает в качестве цели демографической политики именно снижение рождаемости. Думается все же, что такая позиция нуждается в уточнении. Безусловно, высокая рождаемость в республиках Средней Азии, Казахстане и Азербайджане наряду

с позитивными моментами имеет и ряд негативных. Это касается ограничения возможностей социально-культурного развития для многодетных матерей, что противоречит принципу социализма — полному и всестороннему развитию личности каждого члена социалистического общества. Кроме того, высокий естественный прирост, как следствие высокой рождаемости, усиливает проблему занятости в сельской местности, поскольку коренное население характеризуется относительно низким уровнем миграционной подвижности.

Значит, проблемой является не сама по себе высокая рождаемость, а необходимость достижения женщинами коренных национальностей более высокого социально-экономического статуса и развитие достаточно высокой территориальной мобильности коренного населения. Представляется, что решение первой проблемы должно стать объектом социальной политики, которая бы включала широкий комплекс мер по созданию возможностей для повышения уровня образования, участия в общественном производстве, повышения профессионально-квалификационного и культурного уровня женщин. Косвенным эффектом, неизбежным следствием явится снижение рождаемости через определенный период времени.

Повышение миграционной подвижности коренного населения следует поставить целью миграционной политики в Среднеазиатском регионе¹. Такие мероприятия, как развитие системы ПТО, подготовка молодежи из числа коренного населения в вузах, техникумах и ПТУ в других районах страны, строительство перерабатывающих предприятий в сельской местности, развитие сети филиалов и др., будут выступать в качестве инструмента этой политики.

Демограф из Таджикистана С. И. Исломов исходит из того, что цели демографической политики являются едиными независимо от региональных особенностей развития отдельных территорий. Это оптимизация воспроизводства населения в масштабе всей страны и отдельных территорий. Но различные районы страны предполагают использование специфических средств в достижении этой единой цели. Поэтому региональная политика, по его мнению, может отличаться по средствам достиже-

¹ Отметим, что ряд демографов рассматривают миграционную политику как часть демографической политики [см., например: 61, с. 250].

ния целей, по масштабам решаемых задач, но не по поставленной цели [см.: 73, с. 135—136].

Отметим, что, несмотря на различие точек зрения демографов из среднеазиатских республик по поводу целей демографической политики, их позиции совпадают в том, что демографическая политика должна проводиться, что она должна быть дифференцированной и что в результате проведения мероприятий социально-экономической и демографической политики в регионе рождаемость начнет и уже начинает снижаться, даже если и не будет объектом непосредственного воздействия. Такая позиция советских демографов из республик Средней Азии опровергает высказывания американских авторов о том, что среднеазиатские ученые выступают против проведения демографической политики в стране.

При проведении демографической политики нельзя не учитывать, что существуют различия в демографических процессах по регионам страны и, естественно, единая цель демографической политики — формирование оптимального типа воспроизводства населения — должна достигаться с учетом региональных различий в типах воспроизводства населения. Например, для европейских республик страны весьма серьезной проблемой является низкая рождаемость, для республик Средней Азии — низкая миграционная подвижность населения. Поэтому при выработке и осуществлении демографической политики необходимо учитывать присущую регионам специфику демографических процессов. Без этого ни одна политика не может быть успешной. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года указывается на необходимость более полного учета особенностей различных регионов страны при проведении мер демографической политики [см.: 14, с. 273].

Причем следует учитывать, что дифференцированный характер демографической политики может реализовываться как за счет дифференцированных сроков введения единых мер демографической политики, так и за счет осуществления региональных мер демографической политики (на республиканском или локальном уровне). Это позволит в перспективе решить задачу оптимизации воспроизводства населения с учетом конкретных особенностей демографического развития в том или ином регионе.

Так, например, в сентябре 1977 г. бюро МГК КПСС и исполком Моссовета приняли постановление «О со-

стоянии и мерах по улучшению демографической обстановки и стимулированию естественного прироста населения г. Москвы». В 1982—1983 гг. это постановление было дополнено другими мерами, направленными на поощрение семей с двумя и особенно с тремя и более детьми. Были включены и меры по внеочередному предоставлению жилой площади многодетным семьям. Предполагается также осуществление ряда мероприятий по совершенствованию системы медицинского обслуживания, в первую очередь женщин и детей. В Москве создана «Служба семьи», которая включает три главных направления: подготовку молодежи к браку, службу знакомств и меры по укреплению уже сложившихся семей. Как составная часть «Службы семьи» при Мосгорисполкоме работает отдел семьи и брака.

Еще раньше региональные мероприятия демографической политики начали осуществляться в Латвийской ССР. Так, с середины 70-х годов в республике стали проводиться локальные мероприятия демографической политики: в ряде колхозов Латвии были введены единовременные пособия при рождении ребенка, установлен частично оплачиваемый отпуск для женщин-работниц по достижении ребенком одного-двух лет, установлены льготные минимумы трудодней для работающих матерей, предусмотрено содержание детей в детских дошкольных учреждениях за счет средств колхозов [см.: 69]. В республике с 1983 г. в 20 из 26 сельских районов, где сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, лицам, вступающим в первый брак до 30 лет, установлены преимущества в получении жилья.

В целях укрепления здоровья населения и для профилактики наследственных заболеваний в Латвийской ССР с начала 80-х годов осуществляется программа медицинского освидетельствования всех лиц, вступающих в брак. Отметим, что с 1984 г. в Латвии начала проводиться ежегодная всеобщая диспансеризация населения. И уже к концу 1984 г. в Латвийской ССР диспансеризацией было охвачено $\frac{3}{4}$ населения республики, была разработана комплексная автоматизированная система медицинского осмотра населения.

В республике проводится ряд мероприятий, направленных на стабилизацию семьи, преимущественно путем подготовки молодежи к семейной жизни. Так, с 1981/82 учебного года во всех школах республики был введен учебный предмет «Основы семейных знаний». Специалистами подготовлена программа по половому

воспитанию школьников и подготовке их к семейной жизни. В 1982 г. впервые на латышском языке издано учебное пособие «Семья». С точки зрения формирования новых супружеских пар определенную роль играет регулярно публикуемая в «Рекламном приложении» к газете «Ригас баллс» рубрика «Знакомства» [см.: 69, с. 111—130].

Мероприятия демографической политики, проводимые в Латвийской ССР, уже дали положительный социально-демографический эффект. Так, в течение четырех лет — с 1979 по 1983 г. — естественный прирост населения увеличился с 1,0 до 3,1 %. Причем повысилась доля рождения вторых и третьих детей, несколько снизилась младенческая смертность, стабилизировалась или снизилась частота разводов [см.: 69, с. 125; 21].

Таким образом система мероприятий демографической политики в Латвийской ССР оказывает воздействие на все демографические процессы и учитывает как особенности демографической ситуации, так и необходимость формирования в перспективе оптимального типа воспроизводства населения для данного региона. Перспективы демографической политики в Латвии связываются с разработкой первой в стране республиканской целевой программы «Население Латвийской ССР на 1986—2000 гг.». Главная цель программы состоит в оптимизации количественных и качественных параметров воспроизводства населения на перспективу. Поскольку программа ограничена временным интервалом, то общая цель на рассматриваемый период — обеспечить простое или слегка расширенное естественное возобновление численности населения при увеличении средней продолжительности жизни, росте культурного и образовательного уровня населения и повышении степени социальной однородности.

Эта программа предусматривает количественные параметры воспроизводства населения на перспективу и подразделяется на четыре подпрограммы: повышение рождаемости и укрепление семьи; увеличение средней продолжительности жизни; повышение культурно-образовательного уровня; оптимизация занятости населения [см.: 69, с. 126—130]. Как видим, намечаемые мероприятия затрагивают не только собственно меры демографической политики, но и меры социальной политики.

Таким образом, осуществление мероприятий региональной демографической политики — это один из путей

осуществления дифференциации мер демографической политики в зависимости от особенностей региона.

В связи с рассматриваемыми вопросами следует остановиться на некоторых высказываниях американских демографов о демографической политике в Среднеазиатском регионе. Так, Н. Любин считает, что в Узбекистане в последнее десятилетие проводится демографическая политика, направленная на снижение размеров семьи. Она указывает на более широкое распространение, чем когда-либо раньше, контрацептивных средств и «кампанию по пропаганде меньших размеров семьи», ссылаясь при этом на вышедшую в 1979 г. в Ташкенте работу А. Г. Станкова «Что надо знать до брака и в браке» [281, с. 37—38].

Напомним, что меры по охране детства и материнства и помощь государства определенным категориям семей стали осуществляться по всей территории страны с первых лет Советской власти. Причем все меры демографической политики, принятые на общесоюзном уровне и направленные на повышение рождаемости в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [см.: 23], действуют и в республиках Средней Азии. Это и единовременные пособия при рождении детей, и частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком по достижении им одного года, и возможность продлить отпуск без оплаты содержания до полутора лет и т. д. Эти меры еще будут усилены в двенадцатой пятилетке. Более того, существуют льготы для многодетных матерей: многодетным матерям, родившим пять или более детей и воспитавшим их не менее чем до восьми лет, пенсия по старости назначается не с 55, а с 50 лет и при стаже работы не 20, а 15 лет. Пособия по временной нетрудоспособности многодетным матерям выдаются в полном размере независимо от длительности их непрерывного трудового стажа; им в первую очередь предоставляются бесплатные путевки для детей в пионерские лагеря, выплачиваются пособия по многодетности. Большая часть этих пособий, как известно, приходится на республики Средней Азии. Так, по материалам переписи 1979 г., по СССР в среднем на 1000 семей приходилось 34 многодетные матери, а в Узбекистане, например, 235, т. е. в 7 раз больше [102, с. 29]. Многодетные матери награждаются «Медалью материнства», орденом «Материнская слава», им присваивается почетное звание «Мать-героиня».

Как видим, ни о каких мерах, направленных на снижение рождаемости, речи нет и быть не может. Наоборот, все перечисленное свидетельствует о заботе и внимании Советского государства к многодетной семье, которой оказывается значительная материальная помощь и моральная поддержка. В Среднеазиатском регионе, где рождаемость находится на высоком уровне, рассмотренные меры направлены на улучшение жизни многодетных семей, оказание им всесторонней помощи. Но они вряд ли будут иметь своим результатом повышение рождаемости, поскольку современный этап демографического развития среднеазиатских республик характеризуется начавшимся объективным закономерным процессом снижения рождаемости. Меры демографической политики в этом регионе должны быть направлены на то, чтобы не допустить в перспективе снижения рождаемости до уровня, не обеспечивающего простого воспроизводства.

Что касается замечания Н. Любин в отношении распространения средств контрацепции и их пропаганды, то следует сказать об их недостаточности в республиках Средней Азии. Начавшийся же процесс снижения рождаемости в основном осуществляется с помощью наиболее нежелательного средства ограничения рождаемости — аборт, что, естественно, не может рассматриваться как положительное явление. Именно поэтому необходимы широкая пропаганда и распространение контрацептивных средств как альтернатива распространению абортов. Видимо, одновременно следует усилить и работу по разъяснению нежелательных последствий для здоровья женщины частых родов. Эти мероприятия продиктованы не стремлением снизить рождаемость, а прежде всего заботой о здоровье женщин.

Рассмотрим еще одну точку зрения, высказанную американским ученым М. Фешбахом, который считает, что политика, направленная на более широкое распространение русского языка в Среднеазиатском регионе, является инструментом демографической политики, направленной на снижение рождаемости, так как означает усвоение коренным населением через символы языка современных норм репродуктивного поведения. [225, с. 45].

Как известно, широкое использование русского языка в качестве языка межнационального общения в условиях многонационального Советского государства — объективная потребность. Поэтому политика, направ-

ленная на расширение возможностей для его изучения, является необходимой и закономерной. Она имеет собственное значение и не преследует демографических целей.

Однако встает вопрос: не может ли такая политика иметь вместе с тем и частный характер — быть подчиненной целям демографического развития? Уже шла речь о том, что знание русского языка является для сельского населения Средней Азии одним из существенных факторов повышения потенциальной мобильности. Поэтому в данном случае политика, направленная на повышение степени владения русским языком, может выступать в качестве одного из инструментов миграционной политики.

Что же касается демографической политики, о которой говорят демографы США, якобы направленной на снижение рождаемости, то, как уже было сказано, такая цель вообще не ставится. Кроме того, связь между владением русским языком и снижением рождаемости если и существует, то имеет весьма косвенный характер. Более высокая степень владения языком межнационального общения сопутствует, как правило, таким процессам, как повышение образовательного и культурного уровня, повышение социальной мобильности, и другим компонентам образа жизни, которые приводят в конечном счете к снижению рождаемости. Иными словами, процесс формирования новых репродуктивных норм — сложный процесс, и его никак нельзя сводить к простому усвоению данных норм через «символы языка», он предполагает значительные изменения в образе жизни. Следовательно, во всех отношениях нельзя рассматривать политику, направленную на повышение степени владения коренного среднеазиатского населения русским языком как языком межнационального общения, в качестве инструмента «антинаталистической» политики.

Рассмотрим некоторые положения американского демографа Д. Хира о различных точках зрения советских ученых в отношении демографической политики в нашей стране. Их можно обобщить и представить в виде четырех моделей [255].

Первая модель, по его мнению, «пронаталистическая», дифференцированная по регионам страны, и меры воздействия носят экономический характер. Вторая модель отличается от первой тем, что демографическая политика является недифференцированной. В отношении

первой модели Д. Хир специально подчеркивает, что дифференцированная демографическая политика положительно бы сказалась на экономике страны в будущем, но является политически неприемлемой, так как противоречит якобы интересам так называемых «исламских» национальностей. В подобных обобщениях Д. Хира на деле дается обобщение представлений не советских, а западных демографов о демографической политике в СССР.

Большинство их характерных черт мы уже отмеча-ли, поэтому в данном случае только кратко обобщим эти представления: 1) меры демографической политики сводятся только к воздействию на рождаемость; 2) дифференцированная демографическая политика неправомерно трактуется как якобы дискриминационная в отношении среднеазиатских национальностей; 3) в качестве цели демографической политики неправомерно выдается повышение рождаемости в европейской части СССР при снижении ее в республиках Средней Азии; 4) демографическая политика выступает якобы как способ решения экономических проблем.

Кроме того, особо отметим, что даже если предположить, что демографическая политика сводится к воздействию на рождаемость, то и в данном случае она предполагает не только меры экономического воздействия (о которых говорит Д. Хир), но и целый комплекс мероприятий социального и социально-психологического воздействия. Эти меры включают пропаганду желаемых репродуктивных норм, предоставление женщинам, имеющим детей, возможности работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, предоставление различного рода льгот молодой семье, улучшение бытовых условий жизни семей, меры по усилению охраны здоровья женщины на производстве, совершенствование системы женских консультаций и др.

В качестве третьей модели Д. Хир представляет точку зрения В. Пискунова и В. Стешенко, высказанную ими в середине 70-х годов, которая вызвала полемику на страницах советской демографической литературы. По мнению Д. Хира, эта модель не поддерживается большинством советских исследователей. Надо сказать, теоретическая концепция указанных советских авторов занимает особое место в советской демографической литературе. Они практически отрицают значение разного рода прямых выплат и пособий в системе мер демографической политики и считают, что демографические проб-

лемы социалистического общества могут быть разрешены путем быстрого развития системы коммунально-бытовых учреждений и общественного воспитания детей при использовании мер идеологического воздействия.

Не отрицая важного влияния таких факторов на демографические процессы, в советской литературе в то же время отмечалось и существенное значение различных пособий. Так, В. И. Переведенцев, анализируя эффективность действия пособия в Венгрии, приходит к выводу, что «большой демографический эффект пособия по уходу за ребенком не вызывает сомнений» [109, с. 101]. В пользу этого, по его мнению, говорит такой факт: пособие было введено только для работающих женщин, и именно у этой категории женщин с 1966 по 1968 г. рождаемость выросла на $\frac{1}{3}$, а у неработающих женщин она продолжала снижаться и стала в 1968 г. меньше, чем у работающих. В. И. Переведенцев считает, что эффективность экономических мер регулирования рождаемости подтверждается и на опыте Чехословакии, а также Франции [см.: 109, с. 102—103]. К тому же введение пособий имеет и психологический эффект: они подчеркивают ценность и значимость желаемых с точки зрения целей демографической политики репродуктивных норм, способствуя тем самым формированию у населения новых репродуктивных установок.

Что касается полной передачи детей обществу на воспитание и материальное обеспечение, как предлагают В. Пискунов и В. Стешенко, то это положение также вызвало среди советских демографов много возражений как экономического, так и морально-психологического плана. Как, например, указывает А. Я. Кваша, «отчуждение детей от семьи приведет к тому, что в условиях высокого материального благосостояния единственным фактором, который будет скреплять семью, останутся, так сказать, «лирические» контакты. Это может привести к очень сложным проблемам в развитии семьи, ее устойчивости».

Таким образом, полное (или почти полное) отчуждение детей от семьи — дело очень сложное, неясное по своим последствиям и экономически малореальное в ближайшие годы и даже десятилетия» [77, с. 160]. В. И. Переведенцев также придерживается такой точки зрения. Он указывает: «...далеко не ясно: возможно ли в принципе лучшее воспитание детей, чем нынешнее семейно-общественное. Заметим, что в семье не только

родители воспитывают детей, но и дети, в известном смысле, воспитывают родителей» [109, с. 105].

Четвертая модель по существу означает отсутствие какой бы то ни было демографической политики. Д. Хир указывает, что эту модель никто из советских демографов не поддерживает, но, по его мнению, именно она будет наиболее вероятной, т. е. он считает, что в ближайшие десятилетия демографическая политика в СССР проводиться не будет. По его мнению, этой точки зрения должны были бы придерживаться среднеазиатские демографы (о действительной точке зрения демографов из республик Средней Азии уже шла речь). Точку зрения Д. Хира о том, что в СССР не будет проводиться активная демографическая политика, поддерживало до последнего времени большинство американских демографов.

После того как на XXVI съезде КПСС было указано на необходимость проведения демографической политики, западные авторы вынуждены были признать, что позиции американских исследователей, отрицающих возможность проведения демографической политики в СССР, оказались несостоятельными [244, с. 61; 264, с. 98]. В настоящее время все американские демографы указывают на те мероприятия демографической политики, которые осуществляются в нашей стране [225; 230; 238; 281 и др.].

Х. Десфоссес в монографии 1981 г. [325] даже пыталась выдвинуть целый набор «объяснений», почему, с ее точки зрения, в СССР не проводится «активная «пронаталистическая» политика». Уже сам факт, что в нашей стране осуществляются мероприятия демографической политики, в том числе воздействующие на рождаемость, опровергает весь набор «объяснений», приводимых Х. Десфоссес (к тому же многие «объяснения», как мы увидим, являются взаимоисключающими). Тем не менее рассмотрим специально каждое из «объяснений», приводимых Х. Десфоссес.

Первое из них состоит в том, что «американские демографы были введены в заблуждение очень небольшой группой советских демографов и экономистов, которые в своих многочисленных работах указывали на необходимость проведения в стране демографической политики». В результате создается впечатление, заключает Х. Десфоссес, что проблемы темпов роста имеют для Советского государства большее значение, чем это есть на самом деле [325, с. XVIII].

В данном случае роль демографической науки в нашей стране сводится Х. Десфоссес по сути к формированию гипертрофированных представлений о проблемах населения в СССР, причем внимание Советского правительства к этим проблемам связывается Х. Десфоссес только с тем, что «вопросы населения в СССР рассматриваются как идеологические». В действительности же советская демографическая наука, начавшая интенсивно развиваться с 60-х годов, решила за довольно короткий период серьезные задачи. Она не только выступила «возмутителем спокойствия», объективно информируя о проблемах населения в стране, что не всегда ранее осознавалось, но и обосновала положение о необходимости более полного учета демографического фактора в практике социально-экономического планирования. И наконец, рекомендации демографической науки легли в основу конкретных практических мероприятий, осуществляемых Советским государством.

И здесь еще раз следует подчеркнуть, что демографическая политика должна не только затрагивать темпы роста населения, как считает Х. Десфоссес, но и воздействовать на все качественные и количественные параметры воспроизводства населения. Причем обострение демографической ситуации не является главной причиной проведения демографической политики, а только усиливает актуальность и настоятельную необходимость ее проведения. Демографическая политика рассматривается как неотъемлемая часть социально-экономической политики общества. А. Я. Кваша, анализируя эту проблему, отмечает: «Социалистическое общество, заинтересованное в скорейшем и наиболее эффективном социально-экономическом развитии, не может оставить вне сферы своего направленного воздействия демографические процессы, развитие населения. Целью такого воздействия является формирование и поддержание оптимального типа воспроизводства (а в более широком плане — развития) населения. Поэтому демографическая политика является необходимым элементом любого, особенно долгосрочного, социально-экономического планирования» [77].

Второе «объяснение» Х. Десфоссес сводится к рассуждениям о том, что неясно, как проводить демографическую политику. При этом Х. Десфоссес указывает на якобы существующее противоречие между научными и плановыми организациями, «конкуренцию за ограниченные финансовые ресурсы», разногласия между сторон-

никами качественного и количественного решения проблемы трудовых ресурсов, между сторонниками дифференцированной и недифференцированной демографической политики.

В отношении этого «объяснения» Х. Десфоссес следует сказать, что всеохватывающей, цельной, законченной теории демографической политики, действительно, пока не существует, неясны до конца еще многие механизмы воздействия на демографические процессы, и это характерно не только для советской демографии, но и для демографической науки во всех других странах. Однако ряд важнейших принципов проведения демографической политики в СССР уяснен советскими демографами. Это касается и тех аспектов, которые подчеркивает Х. Десфоссес, — о качественном или количественном пути решения проблемы трудовых ресурсов и дифференцированном характере демографической политики, о чем уже шла речь в работе. Кроме того, ряд мероприятий демографической политики проверен на практике в некоторых социалистических странах.

Третье «объяснение» Х. Десфоссес состоит в том, что проведение «пронаталистической» политики является дорогостоящим мероприятием и «Советское правительство все еще не готово допустить снижение занятости женщин в общественном производстве и рост расходов на школы, сферу обслуживания и детские дошкольные учреждения во имя возможного достижения в будущем более высокого уровня рождаемости» [335, с. XIX].

Введение мероприятий демографической политики в нашей стране опровергает и это «объяснение» Х. Десфоссес. Кстати, с данным тезисом Х. Десфоссес солидаризируются по сути дела американские исследователи Дж. Шлейфер и А. Гудман. В своем докладе, подготовленном для Объединенной экономической комиссии конгресса США, они признают, что демографическая политика в СССР хотя и начала проводиться, но осуществляется медленно из-за «огромной стоимости развития необходимой инфраструктуры — расширения сети детских дошкольных учреждений, увеличения жилищного строительства, усиления социальных льгот и расширения сферы обслуживания» [238, с. 342]. Дж. Шлейфер и А. Гудман также подчеркивают, что «любая сколь-нибудь успешная «пронаталистическая» политика означала бы по крайней мере временный уход большого числа

женщин из общественного производства и, таким образом, сопровождалась бы краткосрочными потерями для экономики» [238, с. 342].

Как же в действительности обстоит дело с проведением демографической политики в нашей стране? Отметим, что в одиннадцатой пятилетке был введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком по достижении им одного года. Размер частичной оплаты отпуска — 35 руб. в месяц, а для районов Севера, Сибири и Дальнего Востока — 50 руб. в месяц. Государственные пособия матерям-одиночкам увеличены с 4 до 20 руб. в месяц. Установлены единовременные пособия по случаю рождения ребенка: 50 руб. — на первого, 100 руб. — на второго и третьего [см.: 23].

С 1980 по 1984 г. расходы на пособия по беременности и родам, на рождение ребенка и по уходу за ним по достижении им одного года возросли с 1,6 млрд до 3,7 млрд руб. [см.: 60, с. 14].

Трудно говорить еще с полной определенностью о действенности предоставленных льгот, но некоторые результаты демографической политики на данном этапе уже сказываются. Так, численность новорожденных в 1983 г. составила 5,4 млн человек и была максимальной за все послевоенные годы (в 1978—1980 гг. рождалось ежегодно в среднем 4,8 млн детей). Причем основное повышение рождаемости пришлось как раз на регионы низкой рождаемости (РСФСР, республики Советской Прибалтики, Украина, Белоруссия). Отметим, что численность новорожденных держится на таком высоком уровне уже три года. Это является довольно большим сроком и, вероятно, связано с поэтапным характером введения мер демографической политики по территории страны.

В материалах XXVII съезда КПСС было отмечено, что «введение несколько лет назад оплачиваемого отпуска для работающих матерей по уходу за ребенком в возрасте до года начало приносить неплохой социально-демографический эффект. С учетом этого и пожеланий граждан, высказанных в ходе обсуждения проекта Основных направлений, признано целесообразным продлить отпуск еще на полгода. Предусматривается также увеличить дородовой отпуск и оплачиваемое время по уходу за больным ребенком, ввести бесплатную выдачу лекарств для детей в возрасте до трех лет» [14, с. 260]. В материалах XXVII съезда КПСС отмечается также, что «малообеспеченные семьи станут получать пособия на детей в возрасте до 12 лет. Ставится задача уже в бли-

жайшие годы полностью удовлетворить потребности населения в детских дошкольных учреждениях» [14, с. 52].

В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года указывается, что наряду с поэтапным (по районам страны) увеличением продолжительности частично оплачиваемого отпуска женщинам-матерям по уходу за ребенком по достижении им полутора лет одновременно будет предоставлено право на дополнительный неоплачиваемый отпуск сроком до 6 месяцев. Отменяется взимание налога на малосемейных граждан с молодоженов в течение первого года с момента регистрации брака. Намечено расширить молодым семьям льготы и преимущества при вступлении в жилищно-строительные кооперативы и при строительстве индивидуальных домов, развивать строительство молодежных жилых комплексов с личным трудовым участием будущих новоселов [см.: 14, с. 312]. Как видим, в материалах XXVII съезда КПСС намечено и уже осуществляется значительное усиление мер демографической политики, направленных на регулирование рождаемости и укрепление молодой семьи.

Наконец, в четвертом «объяснении» Х. Десфоссес использует новую разновидность концепции «тоталитаризма» в виде «системы массовой мобилизации». На Западе, по мнению Х. Десфоссес, существует общераспространенное мнение, что «советская система — это система массовой мобилизации», «которая попирает все права — меньшинств, женщин, каждого отдельного индивида, если цель считается достаточно существенной для народа и государства» [325, с. XIX]. Однако Х. Десфоссес считает, что цель повышения рождаемости, вероятно, просто не является важной или достижимой. Она отмечает, что в СССР значительное внимание уделяется механизации, автоматизации и повышению эффективности производства и, возможно, поэтому низкая рождаемость рассматривается как предпосылка экономического развития.

Как уже указывалось, концепция «тоталитаризма» использовалась для трактовки демографической политики в СССР У. Петерсеном в начале 60-х годов. Сейчас после периода забвения в буржуазной общественной науке происходит возврат к данной концепции, правда в более модернизированных вариантах, что, однако, не меняет ее крайне антисоветской направленности. Это

объясняется обострением международной напряженности на современном этапе и неудовлетворенностью буржуазных авторов «технологическими концепциями», подчеркивающими «сходство» в развитии двух социально-экономических систем. Как видим, есть признаки возврата к этой доктрине и в буржуазной демографии.

В связи с последним «объяснением» Х. Десфоссес напомним также, что у 80% населения нашей страны существует режим рождаемости, при котором создаются предпосылки для суженного в перспективе воспроизводства населения, что по мере истощения потенциала демографического роста и при сохранении существующего режима рождаемости приведет к необратимому на долгие годы процессу сокращения численности населения страны. Поэтому среди различных целей демографической политики актуальным является и вопрос о массовом переходе от малодетной семьи, которая не обеспечивает даже простого воспроизводства, к среднететной семье. Таким образом, решение задач экономического развития отнюдь не снимает с повестки дня необходимость решения собственно демографических проблем.

В американской литературе существует и еще одна точка зрения в отношении демографической политики: в СССР якобы вообще не должна проводиться «пронаталистическая» политика. Например, Дж. Парсонс считает, что, если учитывать глобальные проблемы народонаселения в мире (уже имеющееся или скорое перенаселение), «пронаталистическая» политика вообще была бы неоправданной [300]. Не рассматривая сейчас глобальные проблемы народонаселения, отметим только, что признание глобальных проблем не должно приводить к отрицанию региональных. Различие социально-экономической и демографической ситуаций, например, в развивающихся странах, в СССР и других социалистических странах не может не иметь своим следствием различие целей и методов демографической политики.

Характерной чертой для работ американских авторов 80-х годов по проблемам демографической политики в СССР является тенденция к смещению акцента в этих исследованиях не в сторону демографической политики как таковой, а в сторону так называемой политической демографии, которую они трактуют как область исследований, посвященную анализу политических последствий демографических тенденций. Так, в уже отмеченной нами монографии под редакцией Х. Дефос-

сес «Советская политика населения: конфликты и ограничения» (1981 г.) в центре внимания находятся проблемы темпов роста населения. По мнению авторов этой монографии, изучение влияния демографических процессов на политику позволит «восполнить пробелы в представлении Запада о коммунистических системах и будет способствовать развитию такой все еще не развитой отрасли, как политическая демография» [325, с. XX]. В монографии Дж. Безмереса с характерным названием «Политика населения в социалистических странах: политические последствия демографических тенденций в СССР и Восточной Европе» (1980 г.) ставится задача проанализировать «политические последствия современной численности и темпов роста населения страны в целом и отдельных национальностей» [179, с. XII]. Хотя авторы рассматривают такой подход — с точки зрения политической демографии — как новый, на деле же он давно и интенсивно используется, как мы могли видеть, при анализе буржуазными специалистами демографических процессов в СССР.

Подведем итог сказанному:

1. Для большинства американских демографов характерна расширительная трактовка демографической политики в СССР.

2. Демографическая политика рассматривается ими только как «пронаталистическая» или «антинаталистическая».

3. «Пронаталистическую» направленность демографической политики в СССР ряд американских авторов связывают только с потребностями экономики, и особенно с проблемами трудовых ресурсов.

4. Необходимость проведения дифференцированной демографической политики неправомерно трактуется буржуазными авторами как проявление национализма.

5. Проведение мероприятий демографической политики в нашей стране опровергло заявления американских демографов о том, что демографическая политика не будет проводиться из-за ограниченности финансовых ресурсов, о нежелании снизить занятость женщин.

Это еще раз подтверждает тот факт, что искажение природы социалистического общества, тенденциозность и предвзятость оценок советской действительности и политики Советского государства приводят к несостоятельности социальных прогнозов буржуазной советологии.

Глава 3

Развитие демографической науки в СССР в освещении американских авторов

Объектом пристального внимания буржуазных исследователей являются не только демографические процессы, их перспективы и многообразные последствия, политика народонаселения в СССР, но и само развитие советской демографической науки. В этом противоречиво соединились и действительный интерес к данной области исследований, которая последние десятилетия переживает период интенсивного роста, и явно спекулятивные соображения политического характера, и стремление противопоставить марксистско-ленинской науке о народонаселении буржуазную демографическую науку как якобы более объективную, более совершенную, более развитую.

История демографической науки в СССР, как и история этой науки вообще, является объектом идеологической борьбы. Отсюда следует необходимость для марксистских исследователей дать подлинно научный, действительно объективный анализ развития советской демографической науки¹. А сущность ее развития состоит в том, что, несмотря на трудности определенного периода, иногда попятное движение, происходил неуклонный процесс формирования и утверждения марксистско-ленинского мировоззрения в области изучения проблем народонаселения.

По мнению советского демографа Д. К. Шелестова, специализирующегося по вопросам истории демографии, с этой точки зрения можно выделить три этапа в развитии советской демографической науки: первый этап — с начала 20-х до середины 30-х годов; второй — с середины 30-х до начала 60-х годов; третий, современный — с начала 60-х годов [см.: 117]. Буржуазные исследо-

¹ Изучение истории советской демографии советскими исследователями носит пока фрагментарный характер, хотя в последнее время этому вопросу стало уделяться значительно больше внимания [см., например: 117; 164].

ватели, которые анализируют вопросы истории советской демографии, по сути дела говорят о тех же этапах, но дают им собственную интерпретацию, а основа для определения этапов — интенсивность демографических исследований.

Американские демографы положительно оценивают развитие советской демографии в 20-х годах, но связывают достижения молодой советской науки с отсутствием социально-классового анализа населения. Они отмечают, что советские ученые не только выполняли большую статистическую работу, но также «пытались освободить советскую демографию от традиционной апелляции к классам», включив в демографическую проблематику исследования семьи и общества [203, с. 245].

Следует отметить, что на первом этапе развития советской демографии еще не был преодолен эмпиризм исследований, методологический подход к изучению населения был не всегда верным. Но накопление фактического материала, разработка методов и методик исследования демографических процессов — это необходимый этап в становлении науки, поиске правильных методологических основ анализа.

Исследования Г. А. Баткиса, А. М. Меркова, С. А. Новосельского, В. В. Паевского, М. В. Птухи и многих других советских ученых в этот период внесли значительный вклад в развитие демографической науки. И достижения первого периода связаны не только с проведением переписей населения, разработкой интересных методик демографического анализа, изучением переселений, проведением экспедиционных обследований рождаемости и смертности, анамнестических обследований¹, разработкой таблиц смертности, перспективными расчетами населения и т. д., но и с тем, что в эти годы появились исследования, в которых авторы стремились использовать марксистско-ленинскую методологию анализа. Это разработка С. А. Томилина концепции «экономики населения», работы С. Г. Струмилина и Ю. А. Корчак-Чепурковского, сформулировавших ряд важнейших принципов изучения народонаселения с марксистско-ленинских позиций.

В этот период началась и идейная борьба с буржуаз-

¹ Анамнестическое обследование — разновидность выборочных обследований населения, при которых ведется опрос о демографически значимых событиях за достаточно длительный период времени (например, опрос женщин об исходах всех беременностей).

ными воззрениями на проблемы народонаселения (работы Л. Паперного и Б. Я. Смулевича). Как отмечает В. М. Моисеенко, «в послереволюционные годы буржуазные ученые занимали почти монопольное положение в системе высшей школы и в научных учреждениях... теоретические взгляды значительной части, если не большинства ученых сформировались на трудах буржуазно-либеральной науки... а экономическая база буржуазной идеологии не была разрушена в первые годы после революции, поскольку сохранялась еще многоукладность. По этим причинам привлечение буржуазных ученых — демографов, статистиков, экономистов — органически включало в себя задачу борьбы с буржуазной идеологией, буржуазными концепциями и теориями» [96, с. 10].

Важно отметить, что в этот период было создано два института демографии — в Киеве и Ленинграде. Хотя данные институты не смогли полностью выполнить возложенные на них задачи, тем не менее они сыграли значительную роль в развитии демографических исследований в СССР.

Таким образом, 20-е — середина 30-х годов — это период становления советской демографии, когда марксистско-ленинское изучение населения постепенно становилось методологической основой науки о народонаселении, хотя эмпиризм исследований все еще не был преодолен. Как отмечают советские авторы, «молодой советской демографической науке нелегко было вырваться из старых схем, представлений и догм, постепенно выработать свой, единственно научный, диалектико-материалистический подход к проблематике народонаселения» [117, с. 43].

Второй этап нельзя оценить однозначно. В этот период (с середины 30-х до начала 60-х годов) развитие демографической науки носило сложный и противоречивый характер. Хотя в целом и происходило дальнейшее утверждение марксистско-ленинской методологии, но в подходе к изучению демографических процессов стал проявляться субъективизм и волюнтаризм. Поскольку на первом этапе демография еще не сформировалась как самостоятельная наука, а развивалась преимущественно в русле демографической статистики, постольку получившая широкое распространение в 30-х годах теория «отмирания статистики» в условиях социализма и замена ее народнохозяйственным учетом также отрицательно сказались на развитии демографии.

Период интенсивных разносторонних исследований демографических процессов сменился периодом упрощенного подхода к проблемам населения, резко сократилось количество публикаций по демографической тематике, в значительной степени была утрачена преемственность в развитии. Как отмечает Д. К. Шелестов, «распространение примерно с середины 1930-х годов ошибочного представления о том, что победа социализма сама по себе решает проблемы воспроизводства населения, а также некоторых других неверных теоретических положений о роли и месте народонаселения в общественном развитии, привело к тому, что демография стала по существу низводиться до уровня регистратора статистических материалов. Она превратилась, по определению, данному ей в начале 1960-х годов в партийной печати, в «одну из забытых областей» научных знаний» [117, с. 3].

В рассматриваемый период теоретические исследования характеризовались тем, что отрицалась возможность существования проблем населения при социализме. Правильно отмечалось определяющее влияние экономического фактора на демографические процессы, но слабо учитывалось обратное влияние этих процессов на экономику, игнорировалось влияние других факторов на демографические процессы. Абсолютизировались тенденции быстрого роста населения, они рассматривались как закономерное проявление социалистического закона народонаселения. Демографическая статистика и демографическая теория по существу отождествлялись.

Именно второму этапу буржуазные авторы уделяют особое внимание, тенденциозно подчеркивая те трудности, которые имелись в развитии демографии в СССР в этот период, и прямо искажая действительные исторические факты [179; 202; 203; 205; 240; 326].

Оценивая в целом позицию буржуазных исследователей в отношении второго этапа, можно сказать, что американские авторы, спекулируя на ряде имевших место в нашей общественной практике субъективистских установок в оценке направления развития общественных наук, пытаются полностью отрицать конструктивный характер развития демографии в этот период. С 30-х годов, как считают американские авторы, «демография как наука практически умерла» [192, с. 98].

Между тем наряду с негативными тенденциями, о которых уже шла речь, существовали и позитивные моменты в развитии демографической науки. В этот пе-

риод вышло несколько учебников по демографической статистике, которые сыграли важную роль в подготовке кадров специалистов-демографов. Это работы А. Я. Боярского «Статистика населения» (1933 г.), «Курс демографической статистики» (1945 г.), два издания (1951 и 1955 гг.) «Демографической статистики» А. Я. Боярского и П. П. Шушерина. Особенно велико значение первой работы, на основании которой были подготовлены и последующие учебники. Д. К. Шелестов отмечает, что появление этого учебника «свидетельствовало об утверждении марксистско-ленинской методологии в статистико-демографической проблематике» [164, с. 149].

В 40—50-х годах в Московском экономико-статистическом институте функционировали и вели большую работу кафедра демографической статистики и факультет демографии [см.: 164, с. 149]. В начале 30-х годов был организован текущий учет миграции. Исследованию миграционных процессов в 30-х годах было посвящено довольно большое количество работ. На страницах экономических журналов публиковались труды таких исследователей, как Б. Бабынин, Л. Либкинд, Д. Лурье, М. Я. Сонин, С. Трубников, С. Хейнман и др. [см.: 96, с. 20—21]. Появлялись в эти годы и конкретные демографические исследования¹.

Выходили работы по истории демографии и исторической демографии М. В. Птухи, Б. Ц. Урланиса, А. Г. Рашина; работы по анализу советских и зарубежных переписей населения А. И. Гозулова, А. Я. Боярского, Б. Ц. Урланиса, Н. Я. Воробьева, В. К. Воблого и П. И. Пустохода; работы по зарубежной демографии П. И. Куркина, Б. Я. Смулевича. В этот период издавались работы по критике буржуазных теорий народонаселения, и в первую очередь мальтузианства.

Не случайно поэтому в 1957 г. Э. А. Араб-Оглы, указывая на недостаточную разработанность демографической проблематики в СССР и необходимость интенсивного развития демографических исследований, все же отметил, что «среди различных специальных и прикладных отраслей социологии едва ли не наибольшее развитие получила за последнее десятилетие демография,

¹ Бешер Р. Я. Проблемы населения в народнохозяйственном планировании. М., 1937; Корчак-Чепурковский Ю. А. О таблицах рождаемости и плодovitости//Гигиена и санитария. 1937. № 4; Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915—1923 гг.//Ученые записи МЭСИ, 1948, Т. I; и др.

ныне превратившаяся во вполне самостоятельную общественную науку» [34, с. 102].

Третий этап в развитии демографической науки (современный — с начала 60-х годов), характеризующийся особенно интенсивной разработкой демографической проблематики, был обусловлен предшествующим развитием демографической науки, так как исследования проводились демографами-марксистами, подготовленными в предшествующий период. В своих исследованиях они опирались на те достижения в области марксистско-ленинской теории населения и методики исследования демографических процессов, которых добились советские исследователи на первом и втором этапах.

С 60-х годов начала проводиться большая исследовательская и организационная работа, направленная на интенсивное развитие демографической науки в стране.

В ноябре 1963 г. в партийной печати был поднят вопрос о необходимости развития демографической науки в СССР, что определялось как задачами хозяйственного строительства, прогнозирования экономического и социального развития, так и задачами борьбы с буржуазной идеологией. В выступлениях участников совещания в редакции журнала «Коммунист» указывалось на слабую разработанность теории народонаселения, неоправданное сведение демографии к демографической статистике, отсутствие организаций, которые бы занимались демографическими исследованиями, на отсутствие подготовки кадров демографов, резкое отставание в области демографии в нашей стране [см.: 104]. В постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» вновь было указано на необходимость развития демографической науки, изучения проблем населения для научного управления демографическими процессами [см.: 22].

Показательным с точки зрения оценки роли демографических исследований на современном этапе является тот факт, что вопросам народонаселения, разработке и проведению эффективной демографической политики уделялось специальное внимание в материалах XXIV, XXV, XXVI и XXVII съездов КПСС и в других документах Коммунистической партии и Советского правительства.

С 60-х годов начинаются интенсивные демографические исследования. Их развитию способствовало уясне-

ние предмета демографии как самостоятельной общественной науки, которая до этого рассматривалась по сути дела как часть демографической статистики. Важную роль сыграло определение А. Г. Волкова: «Демография — это самостоятельная общественная наука, изучающая воспроизводство населения в его общественно-исторической обусловленности...» [52, с. 65].

В 1961 г. Д. И. Валентей выдвинул гипотезу о комплексной науке о народонаселении, что положило начало целому научному направлению в изучении процессов народонаселения. Впоследствии было выпущено три монографии под редакцией Д. И. Валентея, в которых разрабатывалась данная проблематика: «Марксистско-ленинская теория народонаселения» (1974 г.), «Основы теории народонаселения» (1977 г.), «Система знаний о народонаселении» (1976 г.).

В 1963 г. был создан Координационный совет по проблемам народонаселения Министерства высшего и среднего специального образования СССР, который в 1968 г. был преобразован в секцию народонаселения научно-технического совета этого министерства.

В 1965 г. на экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова была создана проблемная лаборатория народонаселения, а в 1968 г. на данном факультете была образована кафедра народонаселения. В этом же году на базе данных организаций был создан Центр по изучению проблем народонаселения. В 1969 г. начал действовать научный совет «Социально-экономические проблемы народонаселения» при АН СССР.

Кроме того, вопросами населения занимаются такие представительные научные организации, как отдел демографии НИИ ЦСУ СССР, Центральная научно-исследовательская лаборатория трудовых ресурсов Государственного комитета РСФСР по труду, сектор трудовых ресурсов Института экономики АН СССР, отдел социально-демографических проблем в Институте социологических исследований АН СССР, проблемная лаборатория по изучению народонаселения республик Средней Азии при Ташкентском государственном университете, отдел социально-экономических проблем труда и демографии Института экономики АН Украинской ССР, группа демографических исследований в Латвийском государственном университете и др.

Следует подчеркнуть, что демографические исследования осуществляются в настоящее время во всех союзных республиках. В этой связи интересно отметить, что

первая конференция по проблемам народонаселения (1965 г.) проходила в Ташкенте. А всего с 1965 по 1971 г. было проведено 12 таких научных встреч: конференции, совещания, симпозиумы, семинары по проблемам народонаселения [см.: 164, с. 157]. Только за период с 1960 по 1979 г. было выпущено около 18 тыс. монографий, книг, научных статей в сборниках и журналах [см.: 123, с. 265]. Выходят периодические издания «Народонаселение», «Популярная демография». Итогом работы демографов за этот период служит издание в 1985 г. «Демографического энциклопедического словаря» [см.: 61].

Большое внимание уделяется разработке марксистско-ленинской теории народонаселения, всестороннему изучению проблем населения, разработке эффективной демографической политики. Важная роль принадлежит и дальнейшему совершенствованию методики демографических исследований.

Таким образом, можно сказать, что упрощенный и в ряде случаев догматический подход к анализу проблем населения в предшествующий период был преодолен и советские ученые продвигаются по пути углубленного и разностороннего изучения демографических процессов.

Буржуазные исследователи, определяя третий этап как «ренессанс» демографии, для которого характерен «бум» демографической литературы, связывают, однако, начало интенсивных демографических исследований в 60-х годах лишь с дискуссией на страницах «Литературной газеты» в 1965—1966 гг., что было в действительности лишь одним из моментов в развитии демографических исследований в этот период. Безусловно, эта дискуссия получила большой общественный резонанс. Однако вряд ли было бы правильно публикацию в популярной прессе считать «поворотным пунктом» в развитии демографии в Советском Союзе, как это пытаются представить буржуазные авторы.

Американские демографы подробно осветили и проанализировали эту дискуссию¹. Дискуссию открыла

¹ В 1966 г. в докладе Дж. Брэкетта и Де Паува для Объединенной экономической комиссии конгресса США в 1967 г. вышла статья Р. Кука «Советская теория населения от Маркса до Косыгина: Поворотный пункт в демографии?» [192]; в 1968 г. — статья Дж. Брэкетта «Эволюция марксистских теорий населения: Марксисты признают проблему населения» [185]. Интерес к дискуссии не охладел и позднее. Например, в 1981 г. появилась статья А. Ди Майо «Эволюция советской демографической мысли: От марксизма-ленинизма до дебатов в „Литературной газете“» [206, с. 157—178].

статья Б. Ц. Урланиса «Существуют ли проблемы населения» и завершила статья Э. А. Араб-Оглы «Научный расчет или расчет на стихию?» [см.: 125; 54; 79; 110; 140]. Интерес к дискуссии не случаен: буржуазные авторы рассматривают ее как свидетельство изменения теоретических позиций советских демографов и изменения позиций государственных и общественных организаций в отношении проблем населения СССР и всего мира, т. е. стремятся не только интерпретировать собственно дискуссию, но и сделать более широкие выводы о развитии демографии и ее роли в Советском Союзе.

В дискуссии на страницах «Литературной газеты» основное внимание было уделено проблемам народонаселения развивающихся стран¹. Одна из точек зрения состояла в том, что демографическая ситуация в этих странах усугубляет существующие социально-экономические проблемы и что целенаправленное воздействие на демографические процессы могло бы способствовать более успешному их решению. Данная точка зрения противостояла ошибочной позиции ряда советских исследователей, которые рассматривали любое регулирование рождаемости как проявление мальтузианства и отрицали возможность возникновения проблем, порожденных собственно демографическим развитием.

Напомним, что социальная сущность мальтузианства состоит в том, что в качестве причины социально-экономических проблем — безработицы, бедности, голода и др. — выдвигаются не объективные законы функционирования общества, а высокие темпы роста населения. Контроль над рождаемостью, когда он рассматривается как самодостаточное средство, способное решить социально-экономические проблемы, действительно выступает как проявление мальтузианства. Но, отстаивая в борьбе с мальтузианством марксистский подход к анализу социально-экономических явлений, состоящий в учете определяющей роли характера производственных отношений, ряд советских демографов заняли упрощен-

¹ Проблемы населения развивающихся стран не являются предметом специального анализа в данной работе. Мы рассматриваем эти вопросы постольку, поскольку они прямо связываются буржуазными авторами с изменением теоретических позиций советских исследователей и с изменением роли демографии в Советском Союзе. Эта дискуссия и ее оценка буржуазными авторами с точки зрения проблем населения развивающихся стран и глобальных проблем народонаселения рассматриваются в монографии Я. Н. Гузеватого «Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки» (1970 г.), [см.: 57].

ную позицию: вообще игнорировалась роль демографического фактора (и такая позиция была представлена в дискуссии). В теории же это приводило к тому, что на основании отсутствия антагонистических производственных отношений отрицалась возможность существования проблем населения при социализме. Что же касается развивающихся стран, то сторонники рассматриваемой позиции не учитывали роль демографического фактора в обострении социально-экономических проблем развивающихся стран.

В подобной позиции ряда советских исследователей не принимались во внимание и такие важные методологические принципы марксистского анализа социально-экономических явлений, как выделение не только главного, но и второстепенных факторов; учет не только прямых, но и обратных связей (в данном случае обратное влияние демографических факторов на социально-экономические); изучение явлений и процессов в многообразных связях и отношениях действительной жизни.

Предостерегая от упрощенного подхода к использованию марксистской методологии, Ф. Энгельс в свое время писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто бы *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [2, с. 394].

Выдвижение в ходе дискуссии на страницах «Литературной газеты» тезиса о возможности регулирования демографических процессов отнюдь не означало отказа, как это пытаются представить некоторые американские авторы, от основополагающего марксистско-ленинского положения, что только кардинальные социально-экономические преобразования способны решить проблемы развивающихся стран, в том числе и проблемы народонаселения. Воздействие на демографические процессы рассматривалось не как всеобъемлющий, а как дополнительный, вспомогательный инструмент. И с такой позиции мероприятия демографической политики, направленные на снижение рождаемости, не выступают, конечно, в качестве «мальтузианских мер». Практика осу-

ществления программ «планирования семьи» в развивающихся странах подтвердила правильность новой позиции советских ученых, также противостоящей мальтузианству: программы оказались действительно успешными только в тех странах, где происходили существенные социально-экономические преобразования.

Обобщая высказывания американских исследователей по поводу прошедшей дискуссии, можно определить основной вывод, к которому они приходят: по их мнению, принятие и провозглашение советскими учеными новой точки зрения означало отход от «жесткой марксистской позиции». Мы видим, что истоки ошибочной позиции, которую занимали некоторые демографы в нашей стране, буржуазные исследователи пытаются вывести из самой сущности и характера марксистско-ленинских положений о роли и месте народонаселения.

Критикуя упрощенную и догматическую позицию, которую занимали определенное время некоторые демографы в нашей стране, западные авторы не смогли подняться до действительно критического научного осмысления данной позиции советских исследователей как в силу классового характера исследования буржуазных авторов, препятствующего объективному анализу, так и из-за превратного, искаженного толкования марксистско-ленинских положений. Вследствие этого западные авторы и не смогли понять, что новая позиция советских исследователей — это не отход от «старой твердой марксистской позиции», а отход от догматического истолкования марксистско-ленинских положений, их творческое развитие.

Надо сказать, что широко распространенная среди западных исследователей точка зрения, что ученые-марксисты (особенно в СССР) неизменно поддерживают только проведение «пронаталистической» политики (направленной на повышение рождаемости), была подвергнута критике на страницах американской научной печати. Так, Э. Вонфранк в статье «Марксисты в СССР и демографическая политика» отмечает, что советские ученые отстаивают тезис об относительной независимости, самостоятельности демографических процессов по отношению к экономическому базису и что демографическая политика может быть направлена как на повышение рождаемости, так и на ее снижение. Американский исследователь указывает, что советские демографы признают необходимость проведения демографической политики, направленной на снижение рождаемости в раз-

вивающихся странах, но считают, что она будет эффективной только при существенных социально-экономических преобразованиях в этих странах [329].

Анализируя дискуссию, прошедшую на страницах «Литературной газеты», некоторые западные авторы стремятся выйти на более широкие обобщения, пытаясь оценить причины возрастания роли демографии в нашей стране в 60-х годах. Так, изменения в теоретических позициях советских демографов американские авторы прямо связывают с необходимостью более реальной оценки проблем населения развивающихся стран, но неправомерно трактуют эту необходимость как потребность «поддержания контроля» над развивающимися странами, что противоречит принципам внешней политики Советского государства.

В связи с такого рода высказываниями следует отметить, что социально-экономические проблемы развивающихся стран, которые относятся к глобальным проблемам человечества, естественно, не могут оставаться вне поля зрения советских исследователей. Их задача, как и ученых всего мира, состоит в выработке научно обоснованных рекомендаций для решения этих проблем.

Я. Н. Гузеватый справедливо указывал, что «упрощенный подход к проблемам народонаселения, граничивший с полным отрицанием какого-либо их самостоятельного значения», части ученых-марксистов привел к тому, что «объяснение некоторых вполне реальных экономико-демографических явлений было отдано на откуп мальтузианцам, что, несомненно, усилило идеологические позиции последних и позволило им выступить с обвинением марксистско-ленинской теории в «технократизме»» [57, с. 23]. Анализ советскими учеными проблем населения развивающихся стран с новых теоретических позиций подчинен задаче решения глобальных проблем человечества, ускорению социально-экономического развития стран, освободившихся от колониального гнета, и, следовательно, укреплению их самостоятельности и независимости, а не задаче поддержания «политического контроля» над этими странами.

Западные авторы связывают также переход советских ученых на новые теоретические позиции с изменением демографической ситуации в СССР. «Больше, чем соображения внешней политики, проведению дискуссии по проблемам теории и политики населения способствовали соображения внутренней политики, — от-

мечает А. Ди Майо. — Становилось все более ясным, что в конце 50-х и начале 60-х годов рождаемость в Советском Союзе начала снижаться, что влекло за собой далеко идущие последствия в отношении формирования в будущем контингентов вооруженных сил и выполнения планов экономического развития» [205, с. 111].

Отметим, что переход советских демографов на верные методологические позиции (а дискуссия на страницах «Литературной газеты», как мы уже указывали, лишь один из моментов, демонстрирующих этот процесс) был, безусловно, ускорен, продиктован изменением демографической ситуации в нашей стране. Сама действительность поставила под сомнение теоретический тезис об отсутствии проблем населения при социализме. Однако развитие демографической теории было продиктовано не только изменением демографической ситуации: совершенствование планомерно развивающегося социалистического общества сделало насущной необходимостью более полный учет всех факторов развития, в том числе и демографического, роль которого недооценивалась.

Таким образом, совершенствование теоретической базы демографии было обусловлено не только начавшимся снижением рождаемости и необходимостью учета последствий этого процесса, как считают западные авторы (причем как всегда тенденциозно подчеркивая военно-демографический аспект), но и потребностями всестороннего научного обоснования перспектив развития социалистического общества.

Важно подчеркнуть, что в 60-х годах шло переосмысление и других важнейших вопросов, таких, как выяснение содержания социалистического закона народонаселения, определение предмета демографии как науки и др. В эти годы была еще распространена ошибочная точка зрения, что для социализма характерно расширенное воспроизводство населения. Такая трактовка закона народонаселения всячески подчеркивается западными исследователями. Они указывают, что действительность не подтвердила этот тезис. Но ошибочную трактовку некоторыми советскими учеными социалистического закона народонаселения западные авторы объясняют крайне упрощенно. Они неправоммерно связывают эту ошибочную точку зрения с положениями классиков марксизма-ленинизма, причем эта связь в интерпретации буржуазных демографов носит по сути дела всего лишь эмоциональ-

ный характер — определяется позитивным или негативным отношением ученых-марксистов к тем или иным процессам.

Например, американские авторы связывают трактовку социалистического закона народонаселения как закона расширенного воспроизводства населения с отрицательным отношением марксистов к мальтузианству и неомальтузианству. «Неомальтузианские аргументы по ограничению размеров семьи для улучшения ее положения, — считают они, — являются анафемой для марксистов, которые призывают к классовой борьбе» [206, с. 105]. Г. Дейли указывает, что для «Маркса и Ленина пролетариат выступает в роли могильщика капитализма, поэтому его в любом случае не должно быть меньше» [194, с. 30]. Буржуазные авторы связывают появление рассматриваемой трактовки социалистического закона народонаселения и с тем, что «марксизм, родившийся в годы ранней урбанизации и индустриализации, разделял с его английским кузеном — либерализмом — пристрастие к этим двум историческим процессам — индустриализации и урбанизации... Прогресс часто представлялся в виде индустриального роста. Рост — это признак движения вперед. Социалистическое население, следовательно, должно быть растущим населением» [205, с. 99].

В действительности же определение высокой рождаемости как закономерности воспроизводства социалистического народонаселения явилось, с одной стороны, результатом абсолютизации временных тенденций, которые экстраполировались на будущее. С другой стороны, как указывал Э. А. Араб-Оглы, «социалистический закон народонаселения, как правило, представлял собой обычно либо дедукцию, т. е. логическое умозаключение из основного закона социализма или каких-нибудь еще более общих абстрактных постулатов, либо своеобразную «аналогию наоборот» капиталистическому закону народонаселения...» [52, с. 55].

Выявление содержания социалистического закона народонаселения в советской науке произошло далеко не сразу. В этом законе стремились соединить и характер занятости рабочего населения, и характер воспроизводства населения, и ряд других характеристик [см., например: 63; 132 и др.]. Более глубокое понимание закономерностей народонаселения связано с разработкой теоретического положения о существовании не одного, а целого ряда законов народонаселения, в частности о

необходимости проводить различие между экономическими и демографическими законами¹.

Марксистско-ленинская политическая экономия изучает производственные отношения, которые являются общественной формой использования производительных сил. Население — это главная производительная сила, и политэкономический закон народонаселения характеризует общественную форму использования этой главной производительной силы. Демографический закон должен характеризовать закономерности воспроизводства населения. Данные законы отражают качественно различные процессы. Выяснение этого способствовало и более ясному пониманию капиталистического закона народонаселения, открытого К. Марксом, его места в системе политэкономических законов капиталистического способа производства. Этот закон отражает не характер воспроизводства населения, а характер использования рабочей силы в условиях капиталистического производства.

В советской литературе предпринят ряд попыток сформулировать политэкономический закон народонаселения социализма, а также определить демографические законы при капитализме и социализме [см.: 42; 43; 109 и др.].

Несмотря на рост внимания западных авторов к советской демографической литературе, они все же почти не знакомы с теоретическими работами советских ученых по проблемам народонаселения. Большинство западных авторов продолжают судить о теоретических позициях советских ученых и степени разработанности теории народонаселения по литературе 60-х годов. Переход советских исследователей на методологически верные позиции в трактовке ими социалистического закона народонаселения — разграничение качественно разнородных процессов (демографических и экономических) — не только не был проанализирован, но даже и не отмечен в западной литературе.

Из первоначально неверного понимания содержания социалистического закона народонаселения, отрицания в недалеком прошлом некоторыми советскими учеными возможности возникновения проблем населения при социализме (взглядов, которые были преодолены на ос-

¹ Более подробно вопросы критики неверной методологической позиции, соединяющей в определении социалистического закона народонаселения и демографические, и экономические процессы, см.: 41; 43; 44; 92; 93; 109.

новании творческого применения марксистско-ленинской методологии) ряд буржуазных авторов делает вывод о несостоятельности марксистско-ленинской теории в области изучения воспроизводства населения. Буржуазные демографы ставят вообще под вопрос познавательные возможности марксистско-ленинской теории на основании того, что марксизм-ленинизм — это идеология, что препятствует, по их мнению, объективному изучению действительности. Буржуазные демографы солидаризируются с точкой зрения, получившей распространение в буржуазной философии в 50—60-х годах, о несовместимости идеологии с научным подходом к действительности.

На деле же идеология может быть научной или ненаучной. Критерий этого разграничения — интересы какого класса выражает идеология — прогрессивного или реакционного, заинтересованного в познании реальных закономерностей общественного развития или апологетизирующего существующее «статус-кво». Советские ученые стоят на той позиции, что марксистско-ленинская идеология — единственно научная идеология, так как выражает интересы прогрессивных сил, заинтересованных в поступательном развитии человеческого общества, а значит, в выявлении истинных закономерностей этого развития.

Среди американских демографов наиболее четко позицию, выражающую пресловутую «несовместимость марксистско-ленинской идеологии с научностью», представляет Х. Десфоссес. Она считает, что «развитие советской демографии сдерживают исследователи, которые все еще придерживаются того взгляда, что марксистско-ленинская идеология может сформировать теоретический базис всех исследований населения» [234, с. 250—251]. Здесь Х. Десфоссес имеет в виду «отказ советских демографов признать теорию конвергенции, которой в демографии», по ее мнению, «соответствует теория демографического перехода, так как это означало бы «конец идеологии», нежелание отказаться от «марксистских постулатов» и одновременно нежелание признать слишком много проблем, общих с США» [203, с. 251]. Уже говорилось о методологической несостоятельности теории «конвергенции», шла также речь и о том, что, отрицая исходные методологические посыпки буржуазной теории «демографического перехода», мы должны отметить те позитивные моменты, которые имеет эта теория. Используя такие позитивные поло-

жения, советские демографы плодотворно разрабатывают теорию «демографической революции».

Западные авторы не оставили без внимания разработку рядом советских ученых теории демографической революции. По их мнению, полезность гипотезы «демографического перехода» для объяснения демографических процессов в СССР «не осталась незамеченной советскими исследователями. Однако она нежелательно близко подводила к теории конвергенции...». Разработка теории демографической революции оценивается ими как «вызов традиционной марксистско-ленинской догме роста населения» [244, с. 59].

В связи с этими высказываниями американских авторов отметим несколько моментов. Во-первых, мы вновь наблюдаем тенденцию оценивать марксистско-ленинские положения в отношении народонаселения как некий набор жестко фиксированных постулатов. Следует указать, что марксистско-ленинские положения о роли и месте народонаселения в общественном развитии, имеющие методологический характер, сыграли основополагающую роль в формировании марксистско-ленинской демографии (и эти положения отнюдь не сводятся только к характеру роста населения), но еще большую ценность имеет марксистско-ленинская методология анализа социальных явлений в целом. Использование колоссальных аналитических возможностей марксистско-ленинской методологии — задача всех демографов-марксистов. В этом плане и хотелось бы кратко остановиться на разработке советскими учеными теории демографической революции и использовании положений теории «демографического перехода».

Напомним, что в структуру теории входит не только исходная теоретическая основа, но и определенным образом обобщенный эмпирический материал, который еще требует интерпретации. Советские демографы стремятся использовать как раз то позитивное, что внесла буржуазная наука в процесс обобщения фактических данных, определения стадийного характера демографического развития человечества, но, используя эти обобщения, проанализировать их именно на основе марксистско-ленинской методологии анализа общественных явлений.

Характеризуя позитивный вклад западных исследователей в изучение населения, А. Г. Вишневский, на работах которого особенно акцентируют внимание американские авторы, отмечает: «Выявление характера ди-

намики режима воспроизводства в процессе демографического перехода теоретически важно и практически весьма полезно, но не позволяет понять внутренние механизмы этого процесса, его движущие силы. Поэтому марксистская демография, трактуя изменения в воспроизводстве населения, не может ограничиваться анализом их количественной стороны. Она стремится понять эти изменения на качественном уровне... Многочисленные исследователи количественных закономерностей демографического перехода на Западе, как правило, не придают большого значения качественной стороне происходящих перемен и поэтому не уделяют большого внимания понятию «тип воспроизводства населения» и его осмыслению. Напротив, в работах демографов СССР и других социалистических стран... много сделано для раскрытия этого понятия» [49, с. 20].

Представляется интересным и плодотворным предпринятый А. Г. Вишневым анализ демографической истории с позиций выделения различных типов демографических отношений. Под демографическими понимаются отношения «по поводу создания и поддержания жизни себе подобных». Классики марксизма-ленинизма называли такие отношения «отношениями по детопроизводству», отношениями по поводу «производства самого человека», «продолжения рода» [см.: 3, с. 149—150; 1, с. 98]. С таких позиций воспроизводство населения предстает как двуединый процесс воспроизводства самих людей и воспроизводства демографических отношений [см.: 49, с. 37—39]. Таким образом, разработка теории демографической революции советскими учеными — это попытка дать качественный анализ с марксистско-ленинских позиций тех этапов демографической истории, которые фиксируются теорией «демографического перехода».

Надо сказать, что в отношении теории «демографической революции» среди советских исследователей нет единства взглядов. Некоторые авторы стремятся определить специфику демографических отношений для каждого способа производства, но эти различные позиции выражают процесс творческого поиска, который предполагает многообразие научных позиций, разработку и проверку различных гипотез и выбор на определенном этапе наиболее плодотворного подхода или синтез нескольких позиций.

Разные мнения среди советских демографов существуют и по ряду других вопросов — и подобная ситуа-

ция для науки вполне естественна. Однако американские авторы, начиная с оценки дискуссии на страницах «Литературной газеты», о которой уже шла речь, пытаются разделить взгляды советских демографов на так называемые «прогрессивное» («либеральное») и «консервативное» направления, отождествляя их с разделением на «академическое» и «официальное» направления. Под первым они понимают взгляды ученых-теоретиков, под вторым — ученых, занимающихся прикладными исследованиями. Западные авторы, анализирувавшие дискуссию, утверждали, что такое деление характерно не только для дискуссии, но и является отражением положения в советской демографии в целом.

В связи с острой дискуссией о предмете демографии как науки и ее задачах, проходившей с 1969 по 1971 г. на страницах журнала «Вестник статистики», в которой резкой критике была подвергнута позиция, рассматривающая демографию не как самостоятельную науку, а как подчиненную часть статистики, американские демографы вновь провели это разделение.

Позднее западные авторы стали делить советских исследователей на «консервативное» и «прогрессивное» направления, взяв за критерий отношение к разработке демографической политики в СССР — активной или неактивной, дифференцированной или недифференцированной. Таким образом, западные авторы стремятся выдать дискуссию и разногласия чисто научного плана за разногласия между научными организациями и теми, кто занимается прикладными исследованиями.

На несостоятельность подобного подхода американских авторов указывают сами западные исследователи. Например, Дж. Хан считает, что тенденция оценивать советские научные дискуссии «сквозь призму западных ценностей» является ошибочной и вводящей в заблуждение. Он отмечает, в частности, что при оценке дискуссии на страницах «Литературной газеты» к «консервативному» направлению были отнесены те исследователи, которые не принимали концепцию «нулевого роста». Дж. Хан указывает, что никто из советских ученых не разделял эту концепцию и все исходило из того, что «стадия экономического развития — это решающий фактор, определяющий рост населения» [244, с. 60]. Он также справедливо отмечает, что расхождения в научных позициях советских ученых не совпадают с делением на «академическое» и «официальное» направления [244, с. 60].

Если попытаться сделать некоторые обобщения, то в оценке буржуазными исследователями теорий советской демографии четко просматриваются две основные и прямо противоположные тенденции: во-первых, стремление показать, как мы уже говорили, что марксизм-ленинизм не может быть якобы научной основой изучения демографических процессов, так как является идеологией; во-вторых, доказать «близость», «сходство» или «идентичность» теорий советской демографии концепциям буржуазной науки.

В качестве примера, иллюстрирующего последнее утверждение, приведем уже знакомые нам работы американского демографа П. Грегори. В них он стремится доказать «идентичность» многих положений, высказанных советскими исследователями в работах, посвященных изучению факторов рождаемости, вовлечению женщин в общественное производство и влиянию последнего на рождаемость, положениям буржуазных теорий неоклассического направления, в которых анализируется поведение семьи (household) в концептуальных рамках теорий «человеческого капитала» и «предельной полезности» (работы Г. Беккера, Р. Истерлина, Й. Бен-Порэта, Дж. Минцера и др.).

По мнению П. Грегори, теории советских экономистов «имеют тенденцию в точности воспроизводить многие из выводов неоклассической теории» [264, с. 103]. Как он утверждает, советские ученые якобы наследуют исследования «человеческого капитала», осуществлявшиеся в России в начале века, самое «выдающееся» из которых — «Теория крестьянской экономики» А. В. Чаянова (1925 г.). Указывая на проведение по инициативе С. Г. Струмилина экспедиционных обследований семей и бюджетов времени, он считает его продолжателем исследований Чаянова.

Между тем анализ таких обследований проводился Струмилиным с марксистских позиций. Теория же экономики крестьянского хозяйства Чаянова противостоит марксистско-ленинской теории. Он анализировал крестьянское хозяйство как самодовлеющее целое, экономически и психологически замкнутую единицу; отстаивал тезис об особой, некапиталистической природе крестьянского хозяйства; являлся идеологом русского кулачества; в своих теоретических построениях использовал теорию «предельной полезности» [см.: 156, с. 391]. Мы видим, что к истокам советской школы экономической демографии западные авторы стремятся отнести теории,

которые по своей сути антинаучны и противостоят марксизму-ленинизму.

По мнению П. Грегори, «основы советской теории человеческого капитала были заложены многими авторами»¹ [264], но для простоты все эти взгляды он объединяет в так называемую «модель Урланиса — Струмилина».

Как же американский автор пытается доказать «тождественность» советских и западных теорий? Попросту формулируя положения советских исследователей в терминах неоклассической теории, автор признает: «Эти модели были сформулированы в вербальной форме, так что я беру на себя смелость перевести их на язык западной теории «человеческого капитала»» [212, с. 108]. «Модель Урланиса — Струмилина», таким образом, описывается как «модель домашнего хозяйства, максимизирующего полезность». Например, замечание Б. Ц. Урланиса о том, что в городе воспитание детей связано с трудностями, которых нет в деревне, и что там выше культурный и санитарно-гигиенический уровень, поэтому чаще практикуется ограничение числа детей в семье [см.: 153, с. 114], трактуется Грегори как более высокая «вероятная цена» детей в городе (напомним, что дети в неоклассической теории «экономики рождаемости» рассматриваются как особого рода товар длительного пользования, а потребность в детях обратно пропорциональна их «стоимости»).

Анализ неоклассических теорий семьи и их приложение к анализу репродуктивного поведения населения СССР были проведены нами ранее. Сейчас же мы только отметим, что интерпретация демографических процессов советскими исследователями якобы «в рамках неоклассических теорий» представляется для П. Грегори просто вопросом терминологии. Отметим, что зачастую в исследованиях советских ученых и западных теоретиков неоклассического направления фиксируются действительно одни и те же эмпирические связи (например, уровня образования женщин и рождаемости).

Но прием П. Грегори представить высказывания советских демографов, в том числе Б. Ц. Урланиса, в

¹ П. Грегори ссылается на работы С. Г. Струмилина, Б. Ц. Урланиса, Г. П. Киселевой, И. П. Катковой, Р. И. Сифман, Н. Л. Сахаровой, на монографию под редакцией Д. И. Валентя и М. Лятуха «Воспроизводство населения социалистических стран» (1971 г. — гл. 5), сборник под редакцией А. Г. Волкова и Л. Е. Дарского «Брак и семья: демографический аспект» (1975 г.) и др.

терминах неоклассических теорий является неправомерным, так как изменение терминологии не означает просто описания того же, но другими словами. Терминология является элементом той или иной теории, отражением определенных методологических позиций. И если методика неоклассической школы с ее техникой корреляционного анализа с определенными оговорками может быть отчасти использована советскими демографами, то методология неоклассических теорий является неприемлемой для научного анализа.

Необходимо также остановиться на интерпретации П. Грегори единственного положения С. Г. Струмилина, которое он использует для «доказательства» своего тезиса об «идентичности» точек зрения советских и западных ученых. Анализируя бюджет времени рабочих на основе обследования 1923—1924 гг., С. Г. Струминин делает следующее замечание: «Известная рациональность в построении общего бюджета трудовых затрат рабочей семьи достигается уже стихийно, под влиянием объективного закона стоимости. Рабочая семья представляет собой своеобразно организованный кооператив для воспроизводства рабочей силы. И так как в производстве всего дороже расценивается наиболее сильный и обученный мужской труд, то этот семейный кооператив организует внутри себя такое разделение труда, при котором на самообслуживание расходуется наиболее дешевый, т. е. по преимуществу женский, труд... а в производственную сферу направляется главным образом тот труд, который оплачивается там всего дороже» [139, с. 212].

Это положение трактуется П. Грегори следующим образом: «Разделение труда между рынком и домашним производством (household production) решается простым правилом принятия решения: если член семьи сможет заработать на рынке (труда.— Н. Ж.) зарплату, превышающую стоимость его (ее) домашнего труда, индивид придет на рынок рабочей силы»¹ [242, с. 109].

¹ Представляется, что некоторую путаницу в вопрос о толковании этого высказывания С. Г. Струмилина внесли отдельные положения работы Н. Л. Сахаровой [см.: 29], на которую ссылается П. Грегори, где она не совсем удачно «развивает» тезис С. Г. Струмилина, о чем свидетельствует приводимый ею пример: «Предположим, что жена пошла бы работать и не успевала бы приготовить обед, постирать белье, семья вынуждена была бы питаться в столовой и отдавать белье для стирки в прачечную...» И далее в том же духе подсчет, где, что, сколько стоит, и в результате делается вывод, что женщина получила бы зарплату меньшую, чем смогла бы

И П. Грегори делает вывод, что «социалистическая теория человеческого капитала опередила на четверть столетия некоторые аспекты западной теории» [325, с. 20].

Не говоря уже о том, что здесь нарисована картина чисто рыночного хозяйства, не соответствующая социализму, П. Грегори пытается представить дело таким образом, что именно практика принятия рациональных решений на уровне семьи определяет закономерности формирования трудовых ресурсов и глубину разделения труда между домашним хозяйством и общественным производством. Между тем в самом положении С. Г. Струмилина есть указание на «стихийность» распределения бюджета времени между членами семьи в условиях действия закона стоимости.

Отметим, что сам П. Грегори говорит о воздействии внешнего фактора — «рыночной заработной платы» — на принятие индивидом решения об участии его или неучастии в сфере общественного труда. Если развить подобную логику, то неизбежен вывод о совершенно различном влиянии этого внешнего фактора на возможность участия женщин в общественном производстве, поскольку занятость женщин вне дома детерминируется по-разному в условиях капитализма и в условиях социализма. Поэтому рыночный механизм неоклассических теорий совершенно непригоден для анализа «принятия решений» о работе женщин в условиях социализма.

Даже американский демограф Дж. Берлинер, который также рассматривает процесс вовлечения женщин в производство и процесс снижения рождаемости в

экономить, работая дома, поэтому она на работу не пойдет [см.: 129, с. 29]. Действительно, подобные «примеры» и впрямь могут навести на размышления о «рациональном», «экономическом» человеке неоклассических теорий, все просчитывающем, взвешивающем и «максимизирующем полезность». Однако вряд ли такой пример вносит понимание в вопрос женской занятости при социализме, совершенно неоправданный по своим предпосылкам (ведь в теоретическом и практическом плане в настоящее время остро стоит вопрос как раз о существующей «двойной» занятости женщин на работе и дома), при имеющем якобы место «чистом» экономизме рационально принимаемых решений. К тому же вряд ли можно приложить логику рассуждений С. Г. Струмилина, написавшего свою статью в 1924 г., в переходный период, когда экономика была многоукладной и сфера и полнота проявления законов социализма были ограничены, когда еще не была изжита безработица, к современному периоду развития социализма, когда в полную силу начинает действовать закон всеобщности труда.

СССР в рамках неоклассических концепций, анализируя динамику роста занятости женщин в общественном производстве за период 1959—1970 гг., все же вынужден был прийти к выводу, что, «каково бы ни было полное объяснение роста показателя занятости женщин, ясно, что он был результатом главным образом экономической политики государства и только в незначительной степени представляет неоклассическую реакцию семьи на растущую заработную плату женщин» [180, с. 54].

Трактуя таким образом процесс принятия решений об участии или неучастии женщин в общественном производстве «по Струмилину», а процесс принятия решений о рождении детей и влияние первого решения на второе «по Урланису», П. Грегори и «создает» так называемую неоклассическую «модель Урланиса — Струмилина».

Укажем еще на один аналогичный пример. Американский исследователь П. Грэндстафф, специализирующийся на изучении миграционных процессов в СССР, считает, как уже указывалось, что все закономерности миграции, которые характерны для капиталистических стран, характерны и для социалистических, в том числе для Советского Союза. Более того, автор пытается показать, что работы таких крупных советских исследователей, как Т. И. Заславская, Л. Л. Рыбаковский, В. И. Переведенцев, которые рассматривают факторы, влияющие на миграционные процессы, представляют взгляды, аналогичные западным теориям. При этом П. Грэндстафф стремится противопоставить их взгляды работам советских авторов, в которых подчеркивается специфичность миграционных процессов в условиях социализма [240, с. 86—98].

На чем же строит свои выводы П. Грэндстафф? Он считает, что набор факторов, влияющих на миграцию, почти полностью идентичен и у советских авторов, и в западных теориях, сочетающих положения теорий «инвестиций в человеческий капитал» и «действия сил притяжения и выталкивания».

Западные теории миграции и их приложение к анализу миграционных процессов в СССР уже были рассмотрены нами ранее. Что же касается теоретического анализа миграционных процессов учеными-марксистами, то следует отметить, что такой анализ, как и теоретический анализ рождаемости, видимо, должен быть многоуровневым. С одной стороны, анализ на так называемом

мом макроуровне позволяет выявить социально-экономическую детерминированность миграции как социального процесса, имеющего специфику в каждом способе производства, поскольку в основе миграции населения лежит миграция трудовых ресурсов, которая определяется характером господствующих производственных отношений.

С другой стороны, миграция — это результат миграционного поведения людей, поэтому необходим и анализ на так называемом микроуровне. Такой анализ позволяет выявить степень потенциальной мобильности, мотивы и нормы миграционного поведения, что является необходимым условием для определения обоснованных мероприятий миграционной политики, так как успешное ее осуществление зависит не только от знания общих закономерностей детерминации миграции, но и от знания ее механизма.

Советский демограф Т. И. Заславская отмечает, что «эффективное управление социальным и экономическим развитием требует знания закономерностей (мотивов, интересов, условий) поведения управляемых групп» [68, с. 17]. Она приводит примеры, когда недоучет поведенческих аспектов (из-за отсутствия конкретно-социологических исследований) дает просчеты в определении мер миграционной политики.

Например, в 60-х годах для того, чтобы снизить высокую текучесть рабочей силы в северных районах Сибири, были введены районные коэффициенты к заработной плате, так как плановые органы исходили из того, что причиной высокой текучести, наносившей большой вред производству, является недостаточный для этих районов уровень заработной платы. Однако это не только не снизило, но даже повысило текучесть, поскольку оказалось, что значительная часть работников приезжала на Север, чтобы заработать заранее намеченную сумму денег (на покупку дома, автомобиля и др.), и в результате при введении коэффициентов люди просто быстрее накапливали нужную сумму. И еще один пример: попытка сселить жителей малых сельских поселков в центры колхозов и совхозов для того, чтобы снизить миграцию этого населения в города, на деле привела к тому, что люди, стронутые с привычного места жительства, поехали не в центры своих колхозов и совхозов, а в города [см.: 68, с. 16—17].

Однако теоретический анализ только на микроуровне вырывает индивида из объективных условий его су-

ществования, так как рисует картину субъективных представлений индивидов об объективных процессах, которые не всегда адекватно отражают действительность. Единообразие же миграционного поведения определенных социальных групп, наличие норм такого поведения задаются объективной детерминированностью миграции. Поэтому теоретическая модель миграции, охватывающая все уровни формирования данного процесса, должна быть иерархически ранжированной, многоуровневой.

Из этого следует, что анализ на макроуровне, определяющий специфику миграционных процессов для каждого способа производства, и анализ на микроуровне не противостоят друг другу, как утверждает П. Грэндстафф. Они должны представлять собой различные уровни единого теоретического анализа миграции. С этой точки зрения анализ миграционного поведения населения советскими исследователями противостоит неоклассической методике буржуазной науки, где микроанализ носит самодовлеющий характер и общие закономерности миграции выводятся как результат суммарного волеизъявления индивидов.

В связи с рассматриваемыми вопросами необходимо указать, что единой, цельной теории миграции в советской науке пока не существует, она носит в значительной степени фрагментарный характер [см.: 96, с. 31—35]. Думается, что наибольшую сложность представляет «построение теоретического моста» между микро- и макроуровнем анализа. На это нацелен анализ факторов миграции, который находится в советской науке еще в стадии разработки. Как указывает В. И. Переведенцев, «сами по себе опросы дают более или менее точное представление лишь о мотивах переселений, то есть о субъективном осознании переселенцем некоторых ближайших причин и целей. Исследователь должен перейти от мотивов и поводов переселений к факторам, то есть главным, глубинным, определяющим причинам. Однако процедура таких переходов пока не разработана, и потому интерпретация ответов переселенцев скорее искусство, чем наука» [109, с. 123]. В «Демографическом энциклопедическом словаре» (1985 г.), который в известной степени подводит итоги современному состоянию исследований, отмечается, что «в целом проблема миграционного поведения — одна из наименее разработанных в миграционной тематике» [98, с. 251].

В отношении факторов миграции следует отметить,

что может существовать ряд общих моментов для стран с различными общественными системами. Это определяется, с одной стороны, общностью миграционного поведения в стремлении людей улучшить жизненные условия, а с другой — некоторыми общими объективными условиями — развитием производительных сил, природно-климатическими условиями и др. Вместе с тем с точки зрения формирования объективных условий миграции существуют и принципиальные различия. П. Грэндстафф, добиваясь полного «сходства» советских и западных теорий, пытается отождествлять такие основополагающие факторы, как «уровень безработицы» при капитализме и «показатель роста потребности в рабочей силе» при социализме. Он считает, что эти переменные в «действительности измеряют одно и то же — степень избыточного спроса на рынке», т. е. уходит от социальной оценки различных по своей природе феноменов.

Таким образом, в исследованиях американских авторов, которые стремятся доказать «тождественность» советских и западных теорий, на деле проводится мысль и о тождественности социально-экономических процессов в условиях капитализма и в условиях социализма.

В заключение отметим, что анализ взглядов буржуазных демографов свидетельствует о ярко выраженном классовом характере их исследований, хотя они и пытаются это отрицать. Интерпретация истории советской демографии имеет в целом также тенденциозный характер, а теоретические исследования советских ученых либо отождествляются с теоретическими разработками буржуазной демографии, либо их научный характер вообще отрицается из-за существующей якобы «идеологической предвзятости».

Заключение

Исследования западных демографов по населению СССР, которые в последнее десятилетие стали важной составной частью буржуазной советологии, неотделимы от буржуазного обществоведения в целом, поскольку советологические демографические концепции опираются на теории буржуазной политекономии, социологии и политологии. Буржуазное обществоведение представлено, как известно, разными течениями, направлениями, которые выражают идеологические позиции различных групп буржуазии. Это находит свое отражение и в буржуазном «социализмоведении» в целом, и в демогра-

фических концепциях советологии в частности. Как нет единой буржуазной концепции развития социализма, так нет и единой буржуазной концепции демографического развития социалистических стран. Провозглашая на словах «беспристрастность» демографических исследований, буржуазные демографы на деле представляют те или иные направления буржуазной идеологии.

Советологические демографические исследования с неизбежностью отражают кризис, который переживает в настоящее время советология. В области теории кризис советологии, как указывают советские исследователи, проявляется в том, что «обнаружили свою несостоятельность обе основные «модели» советского общества, выработанные в «советологической» литературе, — модель «тоталитарная» и модель «конвергентная». Ведь по сути дела все «советологические» концепции представляют собой модификацию или синтез этих двух идей» [118, с. 10]. Аналогичная кризисная ситуация складывается в области теоретической интерпретации демографического развития СССР, где названные «модели» выступают как методологическая основа анализа.

Интерес к тенденциям развития населения в СССР в советологических исследованиях прикладного характера вполне объясним. Население является производителем и потребителем материальных и духовных благ, субъектом и объектом экономических, социальных, политических, идеологических и других отношений. Понятно, что качественные и количественные характеристики населения должны в той или иной степени учитываться в любом объективном анализе при определении перспектив развития любого государства. Но американские советологи в своих попытках определить перспективы развития советского общества переоценивают роль демографического фактора, приписывают ему по сути дела определяющее влияние на национальные отношения, экономику, идеологию и т. д., т. е. на деле проводится принцип демографического детерминизма.

Кроме того, для советологических демографических исследований характерно тенденциозное подчеркивание тех или иных проблем народонаселения, стремление представить их как «узкие места» в развитии советского общества. Это тесно связано с социально-прогностической функцией буржуазной советологии, ориентированной на поиск «доказательств кризиса» социализма как системы, его исторической бесперспективности, неэффективного функционирования.

Но советологические демографические исследования сталкиваются с парадоксальной ситуацией, которая характерна и для советологии в целом. Советские ученые так характеризуют эту ситуацию: ««Советология» формировалась как лженаука, призванная извращать реальные процессы, происходящие в социалистическом мире, дезинформировать общественное мнение, создавать антисоветские клише для буржуазной пропаганды; правительственным же органам капиталистических стран... необходима объективная информация и объективный, без пропагандистской демагогии и откровенной тенденциозности выполненный анализ» [118, с. 13].

Не случайно поэтому в советологических демографических исследованиях здравые оценки соседствуют с крайне тенденциозными высказываниями, которые в конечном счете и задают тон большинству работ. Несостоятельность методологических и теоретических подходов буржуазных демографов к теоретической интерпретации демографического развития СССР, явная тенденциозность анализа приводят к тому, что буржуазные демографы, несмотря на наличие некоторых объективных оценок, дают в целом искаженное представление о демографической ситуации в СССР, ее перспективах.

Если же попытаться определить тематику советологических демографических исследований на перспективу, то можно, видимо, назвать следующие темы: региональная дифференциация демографических процессов, тенденции миграции, динамика продолжительности жизни, демографические аспекты формирования трудовых ресурсов и все в большей степени — демографическая политика в СССР. Для советских исследователей останется актуальной задача детального критического анализа практических разработок и концепции буржуазных авторов. В связи с этим дальнейшее развитие теории марксистско-ленинской демографии, более эффективное использование марксистской методологии анализа, разработка и осуществление обоснованных мер демографической политики приобретают особую значимость не только с теоретической и практической точки зрения, но и с точки зрения борьбы с буржуазной идеологией.

В соответствии с тематикой работ американских демографов по населению СССР достаточно условно можно выделить следующие направления: общая характеристика воспроизводства населения СССР, теоретическое направление, проблемы рождаемости, смертности, миграции, брачности и разводимости, этнической дифференциации демографических процессов, демографическая политика, демографический аспект формирования трудовых ресурсов, урбанизация, историческая демография, история советской демографии, методы анализа демографических процессов, прогнозы населения СССР.

До середины 60-х годов в большинстве работ американских исследователей давалась общая характеристика воспроизводства населения СССР (рождаемости, смертности, темпов роста населения). Затем доля исследований по этой тематике начала неуклонно снижаться. Основная их часть не представляет значительного интереса, так как носит характер описания переписей населения и других статистических материалов по СССР в целом, а также по отдельным республикам.

Преобладание такого рода работ на первом этапе отражало период накопления фактического материала, создание описательных основ анализа тенденций демографических процессов в СССР. Среди работ данного направления выделяются две крупные монографии, подготовленные Отделом по изучению населения Принстонского университета (США). Это работа Ф. Ноутстейна «Будущее население Европы и Советского Союза» (1944 г.) [295] и работа Ф. Лоримера «Население Советского Союза: история и перспективы» (1946 г.) [277]. Отметим, что Ф. Лоримеру и Ф. Ноутстейну принадлежит ведущее место по числу работ такого направления в 40—50-х годах [см., например: 276; 278; 296; 297 и др.]. Надо сказать, что в эти годы для работ западных авторов по СССР преобладающим был «объективистский и даже дружественный дух» [см.: 118, с. 88], что нашло отражение и в большинстве демографических работ данного периода по населению СССР. Это было обусловлено интересом к народу страны, который победил германский фашизм.

Наряду с исследованиями описательного характера в конце 50-х — начале 60-х годов появляется ряд работ, претендующих на теоретическое обобщение, сначала в рамках доктрины «советского тоталитаризма», а затем — «демографического перехода», «модернизации» и др.¹ Условно назовем это направление теоретическим.

Наиболее отчетливо так называемая концепция «тоталитаризма» в демографической сфере представлена в известном на Западе учебнике профессора социальной демографии США (университет, штат Огайо) У. Петерсена «Население» [301; 305] (издания 1961, 1970, 1975 гг.), а также в ряде его других работ. Такого рода работы носят открыто антисоветский характер.

¹ Критический анализ этих концепций см. в первой главе данной работы.

Первые работы, в которых демографическое развитие СССР рассматривалось с позиций теории «демографического перехода», относятся к 60-м годам, когда теория получила довольно широкое распространение в буржуазной демографии. Это статья американского демографа У. Изона «Население Советского Союза» в монографии «Население: демографическая революция» под редакцией Р. Фридмана и статья Д. Хира «Демографический переход в Российской империи и Советском Союзе» [213, 251]. Вместе с тем отметим, что эти работы еще в значительной мере сохраняли описательный характер.

Представители концепции «модернизации» — американские демографы Р. Льюис, Р. Роулэнд и Р. Клем кроме ряда статей, написанных с позиций этой теории [271; 275 и др.], готовят трехтомное издание «Изменения численности, состава и размещения населения России и СССР 1897—1970», два тома которого опубликованы в 1976 и 1979 гг. [272; 274]. В первом томе центральной темой исследований является взаимосвязь национального состава населения СССР и демографических изменений; во втором — рассматриваются процессы расселения населения, миграции, урбанизации, темпы роста населения и социально-экономические проблемы, связанные с этими процессами.

С 80-х годов в американской демографической литературе по СССР появляется ряд работ, в которых авторы пытаются анализировать демографическое развитие СССР уже с других теоретических позиций — с позиций так называемых «неоклассических демографических теорий», используя в демографии идеи неоклассического направления буржуазной политической экономии. Ведущее место среди таких исследований занимают работы П. Грегори и Дж. Берлинера [180; 181; 241—243; 266; 325—328].

Одно из основных направлений исследований американских авторов по проблемам населения СССР — это анализ процессов рождаемости [77; 180; 181; 189; 241; 242; 266; 283—285; 289; 290; 324 и др.]. Самое большое количество работ, анализирующих тенденции рождаемости и смертности в СССР, принадлежит Д. П. Мазуру [283—285; 289; 290 и др.], которого считают на Западе одним из ведущих специалистов по проблемам населения СССР (его работы относятся в основном к 60-м — началу 70-х годов).

Концепция «демографического перехода» (хотя еще в неявном виде) именно при анализе тенденций рождаемости в СССР впервые была применена в работе Дж. Берента «Причины снижения рождаемости в Восточной Европе и Советском Союзе» [177].

Среди работ американских авторов, анализирующих рождаемость в СССР, выделяется фундаментальная монография Э. Коула, Б. Андерсона и А. Херм «Рождаемость в России с XIX столетия», в которой авторы пытаются дать объективный анализ тенденций рождаемости в СССР [189]. В книге широкое применение находят современные статистические и графические методы демографического анализа. Эта работа, посвященная СССР, — шестая в серии книг о тенденциях рождаемости в Европе. Она была подготовлена в соответствии с планом исследований, принятым в 1963 г. в Центре по изучению проблем народонаселения Принстонского университета для проверки гипотезы «демографического перехода».

Исследований, посвященных анализу динамики смертности в СССР, гораздо меньше. До конца 70-х годов появилось только несколько работ [286; 288 и др.]. Однако с конца 70-х годов, когда в СССР проявились некоторые тенденции роста показателей смертности, усилился интерес западных исследователей к этим пробле-

мам. Отметим, что специальных монографий, посвященных данному вопросу, нет, но был опубликован ряд статей и докладов по этой теме. Так, в 1978 г. вышла статья К. Дэвиса и М. Фешбаха «Продолжительность жизни в Советском Союзе» [198], в 1979 г. — статья Дж. Даттона «Изменение характера смертности в СССР, 1959—1977» [211].

В 1980 г. был опубликован крайне тенденциозный доклад К. Дэвиса и М. Фешбаха «Растущая младенческая смертность в СССР в 70-е годы» [199]. В 1981 г. Н. Эберштадт опубликовал в популярном журнале «Нью-Йорк ревью оф букс» выдержанную в антисоветском духе рецензию на доклад под названием «Кризис здравоохранения в СССР» [215]. Эти работы были подвергнуты критике рядом демографов в самих Соединенных Штатах. Среди них следует отметить следующие работы: статью А. Кузика «Детская смертность в СССР — антисоветизм в США» [267], А. Шиманского «Об использовании дезинформации для легализации возрождения холодной войны. Здравоохранение в СССР» [327], Ф. Граппа и Э. Джоунс «Тенденции младенческой смертности в Советском Союзе» [262]. В 1984 г. на страницах журнала «Попьюлэйшн энд дивелопмент ревью» состоялась дискуссия между М. Фешбахом и Н. Эберштадтом, с одной стороны, и Ф. Граппом и Э. Джоунс — с другой [231]. Дискуссию продолжила статья Р. Динкеля «Кажущийся парадокс растущей смертности высокоразвитой нации: пример Советского Союза», опубликованная в 1985 г. на страницах журнала «Попьюлэйшн стадиз». В ней автор призывает к более объективному анализу тенденций смертности в СССР. В целом можно сказать, что резкий сдвиг вправо в буржуазной идеологии отразился и на характере публикаций американских демографов по динамике смертности в СССР, хотя ряд ученых смогли занять в этом вопросе более объективную позицию.

Важное место в западной литературе, посвященной анализу проблем населения в СССР, принадлежит исследованиям миграционных процессов. Отсутствие работ советских авторов по данной проблематике до середины 60-х годов (кроме работ 20-х — начала 30-х годов) имело следствием отсутствие необходимой информационной базы для буржуазных исследователей по этой тематике. За исключением работ западных авторов, в которых использовался «контрастный» метод анализа (теория «тоталитаризма»), когда миграционные процессы в условиях СССР трактовались как принудительные, до начала 70-х годов буржуазные авторы публиковали в основном работы по миграции в историческом плане, анализировались миграционные процессы за период до 1926 г. [168].

С 70-х годов наблюдался быстрый рост числа публикаций на Западе по проблемам миграции в СССР, что связано как с усилением значимости этого фактора, в первую очередь в аспекте регионального социально-экономического развития, так и с тем, что с середины 60-х годов начали выходить многочисленные советские публикации по данной тематике, которые были проанализированы американскими авторами.

Работы по миграции, а также связанные с ними исследования по урбанизации в СССР отразили общий переход к теоретическим концепциям «модернизации», «миграционного перехода» и им подобным. Особенно характерны в этом отношении уже упоминавшиеся работы Р. Льюиса, Р. Клема и Р. Роуланда, а также работы П. Грэндстаффа: статья «Современный советский опыт и «западные» законы миграции населения», монография «Межрегиональная миграция в СССР: экономический аспект, 1959—1970» [239; 240].

В ряде публикаций американские демографы рассматривают специфичность миграционных процессов для тех или иных национальностей СССР [175; 223; 321 и др.]. В современный период в нашей стране большое значение приобрела проблема перспектив миграции коренного населения Среднеазиатского региона. Эта тема не осталась вне поля зрения американских специалистов. По данному вопросу в западной литературе уже с начала 70-х годов ведется дискуссия [223; 259; 260; 271; 274; 311; 312; 318; 329 и др.].

Все большее внимание западных исследователей привлекают и проблемы маятниковой миграции в СССР [236].

Среди авторов, специализирующихся по проблемам миграции в СССР, следует отметить Дж. Демко, Р. Факса, Т. Шабада, ряд работ которых отличает стремление к более объективному и всестороннему анализу миграционных процессов [см., например: 235; 236; 316].

Ведущей темой буржуазных исследований по СССР являются региональные различия демографических процессов. За последний период каждая четвертая работа из литературы, посвященной анализу проблем населения СССР, относится к данной тематике. Можно даже сказать, что это не только ведущая тема, но и определенный угол зрения, под которым рассматриваются проблемы населения в Советском Союзе буржуазными авторами. Сюда включаются проблемы рождаемости, миграции, урбанизации, формирования и использования трудовых ресурсов.

Подавляющее большинство работ, так или иначе анализирующих специфику демографических процессов в отдельных районах страны, приходится на период начиная с 70-х годов. Особенно большой интерес буржуазные авторы проявили к специфике демографического развития советских республик Средней Азии, что связано как с общим усилением внимания к проблемам этого региона, так и с публикацией данных переписи 1970 г., которые содержали сведения о самых высоких в стране темпах роста населения республик Средней Азии. Этот факт привлек пристальное внимание западных исследователей.

Анализ демографических процессов в Среднеазиатском регионе ведется буржуазными специалистами в трех направлениях. Во-первых, их теоретическая интерпретация, включая интерпретацию высокого уровня рождаемости и сравнительно низкой миграционной подвижности [175; 253; 271; 275; 240]. Во-вторых, прогнозы будущих изменений (прогнозы и оценки, подготовленные Отделом международного демографического анализа Бюро ценов департамента торговли США) [173; 174 и др.]. В-третьих, оценка многообразных последствий современных и будущих тенденций демографических процессов [176; 227; 230; 237; 281; 311; 312 и др.].

Возрос интерес буржуазных специалистов и к демографическим тенденциям в республиках Советской Прибалтики [208; 298; 299].

Пристальное внимание западных исследователей в последние годы стал привлекать демографический аспект проблемы трудовых ресурсов в СССР. Как указывает американский демограф Дж. Демко, среди работ западных авторов, посвященных демографическому аспекту проблем трудовых ресурсов, выделяются исследования М. Фешбаха [201]. Здесь следует еще добавить и мнение У. Изона, который отмечает, что «проблемы трудовых ресурсов в СССР хорошо известны на Западе в основном благодаря огромным усилиям М. Фешбаха, С. Рапави и Дж. Болдуна из Отдела международного демографического анализа» [214, с. 119]. Названные специалисты работают в Отделении по изучению СССР и стран Восточной Европы

этого Отдела, относящегося к Бюро цензов департамента торговли США, ими составлено большинство прогнозов по населению СССР [см., например: 173; 174]. Среди работ раздела выделяются публикации докладов, представляемых на рассмотрение Объединенной экономической комиссии конгресса США, и докладов на ежегодных коллоквиумах НАТО в Брюсселе, посвященных проблемам социалистических стран [212; 214; 219; 222; 238; 258 и др.].

Следует отметить, что проблемы трудовых ресурсов анализируются, как правило, в региональном аспекте. Это относится и к двум наиболее крупным работам по трудовым ресурсам СССР: М. Сакса «Работа и равенство в СССР: разделение труда по возрасту, полу и национальности» (1982 г.) и Н. Любин «Трудовые ресурсы и национальности в советской Средней Азии: нелегкий компромисс» (1984 г.) [280; 314].

Еще одно важное направление исследований американских социологов — демографическая политика в СССР. В первых работах по данной проблеме демографическая политика рассматривалась с позиции теории «советского тоталитаризма» [301; 302]. Наряду с этим с конца 50-х — начала 60-х годов появляется ряд работ, в которых авторы стремятся оценить влияние на рождаемость семейных пособий, пособий по многодетности, абортс [195; 196; 249; 250].

С 70-х годов демографическая политика в СССР становится все более важным направлением исследований американских демографов. Среди работ по данной тематике можно выделить три монографии. Это работа Дж. Чинна «Управление людскими ресурсами в СССР» (1977 г.) [186], монография под редакцией Х. Десфоссес «Советская политика населения: конфликты и ограничения» (1981 г.) [325] и монография Дж. Безмереса «Политика населения в социалистических странах: политические последствия демографических тенденций в СССР и Восточной Европе» (1980 г.) [179]. Этой теме начиная с 70-х годов посвящено и большое количество статей [178; 196; 235; 252—254; 264; 300; 330].

Еще одно направление исследований, тесно связанное с анализом демографических процессов в СССР, — изучение истории советской демографии, оценка с позиций буржуазного обществоведения теоретических разработок советских демографов. Американские авторы дают, как правило, тенденциозный анализ истории и состояния демографических исследований в СССР [185; 192; 203; 204; 206; 322; 329].

Кратко остановимся также на тех направлениях исследований западных авторов, которые не анализируются специально в нашей работе. В первую очередь это литература по проблемам урбанизации в СССР. Ведущее место среди таких исследований занимают работы Ч. Харриса, первые публикации которого относятся еще к 40-м годам [246]. Его известная в СССР монография «Города в Советском Союзе» (1970 г.) [247] представляет собой попытку дать объективный анализ процесса урбанизации в СССР. И в настоящее время западные исследователи не утратили интереса к этой тематике. Т. Шабад рассматривает свою статью «Тенденции развития населения в советских городах, 1970—1984» (1985 г.) [317] как продолжение серии работ, начатой Ч. Харрисом для периода 1897—1967 гг. Среди работ 80-х годов можно назвать монографию «Современный советский город» (1984 г.) [191], а также ряд статей [309; 328 и др.].

В целом для работ данного направления характерна тенденциозность оценок при эмпирическом анализе, а при теоретическом — стремление провести тезис об универсальности процесса урбанизации.

Работы по брачности и разводимости в СССР анализируют в основном эти процессы с социологической точки зрения. Количество исследований по данной тематике достаточно велико. К этому направлению относятся самые ранние публикации буржуазных авторов, например работа И. Элнет «Историческое происхождение и социальное развитие семейной жизни в России» (1926 г.) [217]. Среди работ указанного направления можно выделить популярную среди западных исследователей книгу Д. и В. Мэйс «Советская семья» [282], монографию У. Фишера «Брачный рынок в СССР: выбор брачного партнера в России и СССР» (1980 г.) [234], а также ряд статей [209; 210; 233].

К этой тематике примыкают исследования, посвященные положению женщины в СССР, которые носят в основном социологический характер [268; 269; 292].

Возросло также количество изданий западных исследователей по исторической демографии [168; 189; 193; 256; 222; 272; 274; 307].

Усиление внимания западных исследователей к проблемам населения СССР сопровождалось и соответствующим ростом интереса к источникам данных по населению СССР [167; 169], разработкой приемов по обработке имеющихся данных и их интерпретации [170; 172; 232; 287; 320; 245]. Среди этих работ выделяются исследования Б. Андерсон и Б. Сильвера. Особое внимание американские демографы уделяют методам по уточнению анализа в разрезе национального состава населения. В работах по рождаемости, смертности и миграции американские демографы используют корреляционный анализ [181; 266 и др.], современные статистические и графические методы, математические модели [189; 326 и др.], хотя все же еще преобладает тенденция использовать в демографических исследованиях по СССР более простые и менее тонкие методы анализа. На это в свое время указывали и сами американские авторы [201].

Американские демографы не ограничиваются анализом только существующего статистического материала, ими регулярно составляются прогнозы населения СССР. Основные прогнозы готовит Отдел международного демографического анализа Бюро цenzов департамента торговли, о чем уже шла речь [173; 174; 308 и др.]. Однако существуют не только перспективные, но и ретроспективные оценки численности населения и его структур. Здесь следует отметить работы, в которых авторы пытаются определить прямое и косвенное влияние второй мировой войны на демографические процессы в СССР [171; 257; 294 и др.].

- ¹ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 23—178.
- ² *Энгельс Ф.* Письмо Йозефу Блоху//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 393—397.
- ³ *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?//*Полн. собр. соч.* Т. 1. С. 125—346.
- ⁴ *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве//*Полн. собр. соч.* Т. 1. С. 347—534.
- ⁵ *Ленин В. И.* Тезисы реферата по национальному вопросу//*Полн. собр. соч.* Т. 24. С. 382—395.
- ⁶ *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии»//*Полн. собр. соч.* Т. 29. С. 219—278.
- ⁷ *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»//*Полн. собр. соч.* Т. 30. С. 77—130.
- ⁸ *Ленин В. И.* Государство и революция//*Полн. собр. соч.* Т. 33. С. 1—120.
- ⁹ *Ленин В. И.* Великий почин//*Полн. собр. соч.* Т. 39. С. 1—29.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации»//*Полн. собр. соч.* Т. 45. С. 356—362.
- ¹¹ *Ленин В. И.* О значении воинствующего материализма//*Полн. собр. соч.* Т. 45. С. 23—33.
- ¹² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
- ¹³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
- ¹⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
- ¹⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 октября 1984 г. М., 1984.
- ¹⁶ Материалы Первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. М., 1984.
- ¹⁷ XVIII съезд Компартии Киргизии//*Коммунист Киргизстана.* 1986. № 2.
- ¹⁸ XX съезд Коммунистической партии Таджикистана//*Коммунист Таджикистана.* 1986. № 2.
- ¹⁹ XXIII съезд Коммунистической партии Туркмении//*Туркменская искра (Ашхабад).* 1986. 18 янв.
- ²⁰ XXI съезд Коммунистической партии Узбекистана//*Правда Востока (Ташкент).* 1986. 31 янв.
- ²¹ Перестройка неотложна, она касается всех и во всем. Сборник материалов о поездке М. С. Горбачева на Дальний Восток. 25—31 июля 1986 года. М., 1986.
- ²² Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 г.//*КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* Т. 9. М., 1972.
- ²³ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей»//*Правда.* 1981. 31 марта.

²⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению социального обеспечения населения»//Правда. 1981. 31 марта.

²⁵ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О первоочередных мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей, усилению заботы об одиноких гражданах»//Правда. 1986. 21 мая.

²⁶ Естественное движение населения//Вестник статистики. 1985. № 11.

²⁷ Народонаселение стран мира: Справочник/Под ред. Б. Ц. Урланиса и В. А. Борисова. М., 1983.

²⁸ Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Статистический ежегодник ЦСУ СССР. М., 1986.

²⁹ Население СССР: Справочник/Под общ. ред. Л. М. Володарского. М., 1983.

³⁰ Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984.

³¹ Актуальные проблемы развития народонаселения в высоко-трудобеспеченных регионах в свете решений XXVII съезда КПСС: тезисы докладов и выступлений совещания 1986 г. Самарканд, 1986.

³² Андреева Г. М., Никитин Е. П. Метод объяснения в социологии//Социология в СССР. Т. I. М., 1965. С. 124—144.

³³ Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980.

³⁴ Араб-Оглы Э. А. Некоторые проблемы народонаселения//Вопросы философии. 1957. № 6.

³⁵ Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы: Критика современных буржуазных концепций. М., 1978.

³⁶ Араб-Оглы Э. А. Научный расчет или расчет на стихию?//Лит. газ. 1966. 11 июня.

³⁷ Ата-Мирзаев О. Б., Атахудзиев А. Проблемы народонаселения и региональная демографическая политика//Коммунист Узбекистана. 1978. № 1.

³⁸ Ата-Мирзаев О. Б., Салимов Х. С. Некоторые аспекты развития народонаселения республик Средней Азии//Народонаселение СССР и мира: Развитие, проблемы, исследования. М., 1983.

³⁹ Ахмедов О. Потребности народного хозяйства Таджикской ССР в рабочей силе и проблемы их обеспечения//Коммунист Таджикистана. 1985. № 5.

⁴⁰ Багдасаров В. Е., Дробижев В. З. Новые книги американских демографов о движении населения СССР//История СССР. 1981. № 2.

⁴¹ Бедный М. С. Демографические факторы здоровья. М., 1984.

⁴² Бжилянский Ю. А. Проблемы народонаселения при социализме: Полит.-экон. анализ. М., 1974.

⁴³ Болдырев В. А. Экономический закон народонаселения при социализме. М., 1968.

⁴⁴ Болдырев В. А. Народонаселение в развитом социалистическом обществе: Теория и политика. М., 1983.

⁴⁵ Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР: Этнодемографический аспект. М., 1977.

⁴⁶ Буриева М. Р., Кононенко С. Н. Женщины Узбекской ССР//Наши женщины. М., 1984.

⁴⁷ Валентей Д. И. Реакционные теории народонаселения периода общего кризиса капитализма. М., 1963.

⁴⁸ Веселкова Н. Н. Здоровье трудоспособного населения//Здоровье каждого — богатство всех. М., 1985.

- ⁴⁹ Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.
- ⁵⁰ Вишневский А. Г. Региональные особенности современного демографического развития СССР//Региональные проблемы современного демографического развития СССР. М., 1985.
- ⁵¹ Волков Л. Б. Критика теории модернизации: Научно-аналитический обзор. М., 1985.
- ⁵² Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения (Всесоюзный симпозиум, Москва, 24—26 ноября 1966 г.). М., 1969.
- ⁵³ Воспроизводство населения СССР/Под ред. А. Г. Вишневского и А. Г. Волкова. М., 1983.
- ⁵⁴ Герасимов Г. Без предубеждений//Лит. газ. 1966. 3 марта.
- ⁵⁵ Гольверк М. Фабрика на Адырах//Правда Востока (Ташкент). 1985. 22 мая.
- ⁵⁶ Гузеватый Я. Что такое демографический взрыв?//Лит. газ. 1965. 30 ноября.
- ⁵⁷ Гузеватый Я. Н. Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970.
- ⁵⁸ Давлатов И. О соотношении экстенсивных и интенсивных факторов экономического роста республики//Коммунист Таджикистана. 1985. № 5.
- ⁵⁹ Демографическая политика/Под ред. В. С. Стешенко, В. П. Пискунова. М., 1974.
- ⁶⁰ Демографическая политика в СССР//Вестник статистики. 1986. № 3.
- ⁶¹ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
- ⁶² Демографическое развитие в СССР. М., 1985.
- ⁶³ Дольская А. А. Социалистический закон народонаселения: На примере СССР. М., 1959.
- ⁶⁴ Дерюгин Ю. И., Ефимов Н. Н. Воспитательная роль Советских Вооруженных Сил//Социологические исследования. 1981. № 4.
- ⁶⁵ Димов Г. Вторая прописка заводов//Известия. 1984. 30 окт.
- ⁶⁶ Дрянов Л. А. Законы науки и их роль в познании//М., 1980.
- ⁶⁷ Журавлева Н. И. Буржуазные авторы о демографических процессах в СССР//Международные проблемы народонаселения. М., 1981.
- ⁶⁸ Заславская Т. И. Творческая активность масс: Социальные резервы роста//Экономика и организация промышленного производства. 1986. № 3.
- ⁶⁹ Звидриньш П. П. Совершенствование региональной демографической политики: На примере Латвийской ССР//Региональные проблемы современного демографического развития СССР. М., 1985.
- ⁷⁰ Зиядуллаев С., Убайдуллаева Р. Актуальные проблемы рационального использования трудовых ресурсов в трудоустроенных регионах//Плановое хозяйство. 1985. № 5.
- ⁷¹ Зюзин Д. И. Мотивы потенциальной мобильности сельской молодежи республик Средней Азии//Проблемы воспроизводства и миграции населения/Отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. М., 1981.
- ⁷² Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР. М., 1983.
- ⁷³ Исломов С. И. Демография Таджикистана//Душанбе. 1985.
- ⁷⁴ Истамкулов Б. Филиал: Помощник или иждивенец?//Ленинский путь (Самарканд). 1985. 9 апр.
- ⁷⁵ Истерлин Р. Население: Экономические аспекты и проблемы в долгосрочной перспективе//Современная экономическая мысль. Экономическая мысль Запада/Под общ. ред. В. С. Афанасьева и Р. М. Энтова. М.: Прогресс, 1981.

⁷⁶ Капелюшников Р. И. Теория «человеческого капитала»//Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М., 1980. С. 393—395.

⁷⁷ Кваша А. Я. Демографическая политика в СССР. М., 1981.

⁷⁸ Келле В. Ж. Идеология//Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1972. С. 105—109.

⁷⁹ Колганов М. Угрожает ли миру перенаселение?//Лит. газ. 1965. 25 дек.

⁸⁰ Королев Б. И. Реальный социализм и идеологическая борьба. М., 1983.

⁸¹ Коростелев Г. М., Краев В. С. Буржуазные концепции народонаселения: Крит. анализ. М., 1981.

⁸² Красин Ю. А. Социальная революция в отражении буржуазной идеологии//Проблемы мира и социализма. 1972. № 2.

⁸³ Критика антимарксистских теорий современного экономического развития капитализма/Под ред. Л. С. Микши. М., 1983.

⁸⁴ Критика буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских теорий развитого социализма/Отв. ред. Ю. Я. Ольсевич. М., 1984.

⁸⁵ Критика современной буржуазной политэкономии/Отв. ред. А. Г. Милейковский, И. М. Осадчая. М., 1977.

⁸⁶ Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1984.

⁸⁷ Критический анализ буржуазных теорий модернизации. М., 1985.

⁸⁸ Курс демографии: Учеб. пособие/Под ред. А. Я. Боярского. М., 1985.

⁸⁹ Латифи О., Усанов В. Рабочее пополнение//Правда. 1984. 18 июня.

⁹⁰ Марксистско-ленинская теория народонаселения/Под ред. Д. И. Валентя. М., 1974.

⁹¹ Марушкин Б. И. Советология: Расчеты и просчеты. М., 1976.

⁹² Медведева Т. Н. Некоторые методологические проблемы народонаселения//Вестник Ленингр. ун-та. Сер. экономика, философия, право. Вып. 2. 1965. № 11.

⁹³ Медведева Т. Н. О законе и системе законов народонаселения//Законы и закономерности развития народонаселения. М., 1976.

⁹⁴ Миграция сельского населения/Под ред. Т. И. Заславской. М., 1970.

⁹⁵ Моисеенко В. М. Содержание и тенденции развития миграционной политики в СССР. М., 1982.

⁹⁶ Моисеенко В. М. Территориальное движение населения: Характеристика и проблемы управления. М., 1985.

⁹⁷ Моисеенко В. М. Миграция населения//Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

⁹⁸ Моисеенко В. М. Миграционное поведение//Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

⁹⁹ Мулладжанов И. Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент, 1983.

¹⁰⁰ Найти точку приложения сил//Коммунист Таджикистана (Ленинабад). 1985. 19 янв.

¹⁰¹ Наше здоровье. М., 1983.

¹⁰² Население Средней Азии. М., 1985.

¹⁰³ Никитин Е. П. Объяснение — функция науки. М., 1970.

¹⁰⁴ О двух забытых областях социологических исследований//Коммунист. 1963. № 17.

¹⁰⁵ Ольсевич Ю. Углубление критики антимарксистских концепций социализма//Вопросы экономики. 1985. № 9.

- ¹⁰⁶ *Осадчая И. М.* Неоклассическое направление//Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М., 1979. С. 81—82.
- ¹⁰⁷ Основы теории народонаселения/Под ред. Д. И. Валентея. М., 1977.
- ¹⁰⁸ *Панкратьева Н. В.* Закон народонаселения при социализме. М., 1983.
- ¹⁰⁹ *Переведенцев В. И.* Плачу долги, даю займы: Актуальные проблемы демографии. М., 1983.
- ¹¹⁰ *Подъячих П.* Народонаселение и прогресс//Лит. газ. 1966. 22 февр.
- ¹¹¹ Поиск ведут демографы. М., 1985.
- ¹¹² *Попович М., Садовский В.* Теория//Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 205—207.
- ¹¹³ Построение социализма в Советской Прибалтике: исторический опыт компартий Литвы, Латвии, Эстонии. Рига, 1982.
- ¹¹⁴ Правда о советском здравоохранении//Спутник. 1984. № 3.
- ¹¹⁵ Проблемы воспроизводства и миграции населения/Отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. М., 1981.
- ¹¹⁶ Проблемы эффективности использования трудовых ресурсов/Под ред. В. Г. Костакова. М., 1981.
- ¹¹⁷ Прошлое и настоящее демографии/Ред.-сост. Д. К. Шелестов. М., 1980.
- ¹¹⁸ Развитой социализм и кризис «советологии»/Отв. ред. М. Б. Митин. М., 1982.
- ¹¹⁹ *Ракитов А.* Факт//Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 298—299.
- ¹²⁰ Региональные демографические исследования//Сб. науч. трудов Ташкентского ун-та. 1978. № 548.
- ¹²¹ Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР/Ред. кол.: Т. В. Рябушкин (отв. ред.) и др. М., 1981.
- ¹²² Региональные особенности использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Узбекистана: Обзорная информация. Ташкент, 1984.
- ¹²³ Региональные проблемы социально-демографического развития. М., 1982.
- ¹²⁴ Рождаемость: Известное и неизвестное/Ред. кол.: Э. Қ. Васильева (гл. ред.) и др. М., 1983.
- ¹²⁵ Рождаемость: Проблемы изучения/Под ред. Л. Е. Дарского. М., 1976.
- ¹²⁶ *Романовский Н. В.* Развитой социализм в СССР и советология//Вопросы истории. 1981. № 6.
- ¹²⁷ *Рубин Я. И.* Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы. Минск, 1976.
- ¹²⁸ *Самойленко В. Ф.* Дружба народов — источник могущества Советских Вооруженных Сил. М., 1972.
- ¹²⁹ *Сахарова Н. А.* Оптимальные возможности использования женского труда в сфере общественного производства. Киев, 1973.
- ¹³⁰ Система знаний о народонаселении/Под ред. Д. И. Валентея. М., 1976.
- ¹³¹ Сколько детей будет в советской семье: Результаты обследования. М., 1977.
- ¹³² *Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959.
- ¹³³ Современные буржуазные теории общественного развития/Отв. ред. Я. М. Бергер. М., 1984.
- ¹³⁴ Современные проблемы миграции. М., 1985.

¹³⁵ Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ//Под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. М., 1980.

¹³⁶ Социально-экономические проблемы развития Таджикской ССР/Отв. ред. Р. Рахимов. Душанбе, 1984.

¹³⁷ *Стещенко В. С.* Демография в современном мире. М., 1978.

¹³⁸ Сто наций и народностей. М., 1985.

¹³⁹ *Струмилин С. Г.* Избранные произведения: В 5 т. Т. 3. М., 1964.

¹⁴⁰ *Струмилин С.* Угрожает ли перенаселение нашей планете?//Лит. газ. 1966. 28 мая.

¹⁴¹ *Судоплатов А. П.* Демографические концепции: Критический анализ. М., 1974.

¹⁴² *Судоплатов А. П.* Современные буржуазные экономические и социологические концепции демографического роста и их критика//Критика современных буржуазных демографических концепций. М., 1975.

¹⁴³ *Судоплатов А. П.* Буржуазные концепции демографического развития при социализме и их критика//Воспроизводство населения социалистических стран. М., 1977.

¹⁴⁴ *Татур С.* Трудовые ресурсы: Поиски мобильности//Звезда Востока. 1986. № 3.

¹⁴⁵ *Ташмуратов Т.* Будущее за агропромышленным комплексом//Сельское хозяйство Узбекистана. 1983. № 3.

¹⁴⁶ *Топилин А. В.* Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975.

¹⁴⁷ Трудовые ресурсы: Экономико-демографические проблемы занятости. М., 1984.

¹⁴⁸ *Убайдуллаева Р.* Управление трудовыми ресурсами — важное условие повышения эффективности производства//Коммунист Узбекистана. 1985. № 8.

¹⁴⁹ *Убайдуллаева Р.* Критика буржуазных концепций занятости женщин в республиках Средней Азии//Вопросы экономики. 1986. № 3.

¹⁵⁰ *Убайдуллаева Р. А.* Критика буржуазных концепций занятости в республиках Средней Азии//Критика антимарксистских концепций экономического роста СССР и союзных республик в условиях развитого социализма (Тезисы докладов). Ташкент, 1986.

¹⁵¹ Управление развитием народонаселения в СССР/Под ред. А. Я. Кваши. М., 1977.

¹⁵² *Урланис Б. Ц.* Существует ли проблема населения?//Лит. газ. 1965. 23 ноября.

¹⁵³ *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

¹⁵⁴ *Фарукишин М. Х.* Социалистическая демократия и буржуазная «советология». Казань, 1976.

¹⁵⁵ *Федосеев П. Н.* Диалектика современной эпохи. М., 1978.

¹⁵⁶ *Фигуровская Н. К., Чаянов А. В.*//Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М., 1980.

¹⁵⁷ *Хамраев Н. Ш., Бозоров Ж. А.* Проблемы развития народно-хозяйственного хлопкового комплекса Узбекской ССР//Известия АН СССР. Серия экономическая. 1986. № 1.

¹⁵⁸ *Хатамов К. М.* Продовольственные резервы хлопкового комплекса//Известия АН СССР. Серия экономическая. 1986. № 1.

¹⁵⁹ *Хорев Б. С., Моисеенко В. М.* Сдвиги в размещении населения СССР. М., 1976.

¹⁶⁰ *Хорев Б. С., Чапек В. Н.* Проблемы изучения миграции населения: Стат.-геогр. очерки. М., 1978.

- ¹⁶¹ *Чамкин А.* Дума́й о селе, социолог//Правда Востока (Ташкент). 1985. 19 февр.
- ¹⁶² *Чертина З. С.* Буржуазная теория «модернизации» и реальное развитие народов советской Средней Азии//История СССР. 1980. № 2.
- ¹⁶³ *Чудинов Э. М.* Природа научной истины. М., 1977.
- ¹⁶⁴ *Шелестов Д. К.* Демография: История и современность. М., 1983.
- ¹⁶⁵ *Шелестов Д. К.* История демографической науки//Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
- ¹⁶⁶ *Штофф В. А.* Современные проблемы методологии научного познания. Л., 1975.
- ¹⁶⁷ *Anderson B. A.* Data Sources in Russian and Soviet Demography//Demographic Developments in Eastern Europe. N. Y., 1977.
- ¹⁶⁸ *Anderson B. A.* Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton; N. Y., 1980.
- ¹⁶⁹ *Anderson B. A.* Family and Fertility in Russian and Soviet Censuses//Population Studies Center Research Report. 1984. N 86-I.
- ¹⁷⁰ *Anderson B., Silver B.* Estimating Census Undercount from School Enrollment Data: an Application to the Soviet Censuses of 1959 and 1970//Demography. 1985. Vol. 22. N 2.
- ¹⁷¹ *Anderson B. A., Silver B. D.* Demographic Consequences of World War II on the non-Russian Nationalities of the USSR//The Impact of World War II on the Soviet Union. N. Y., 1985.
- ¹⁷² *Anderson B., Silver B.* «Permanent» and «Present» Populations in Soviet Statistics//Soviet Studies. 1985. Vol. 37. N 3.
- ¹⁷³ *Baldwin G.* Estimates and Projections of the Population of the USSR and Eight Subdivisions, by Age and Sex: 1973 to 2000//International Population Reports. Series P-91. 1975. N 24.
- ¹⁷⁴ *Baldwin G.* Population Projections by Age and Sex for the Republics and Major Economic Regions of the USSR: 1970 to 2000//International Population Reports. Series P-91. 1979. N 26.
- ¹⁷⁵ *Benningsen A. A. and Wimbush S. E.* Migration and Political Control: Soviet Europeans in Soviet Central Asia//Human Migration: Patterns and Policy. Indians, 1978.
- ¹⁷⁶ *Benningsen A., Broxup M.* The Islamic Threat to the Soviet Union. L.; N. Y., 1983.
- ¹⁷⁷ *Berent G.* Causes of Fertility Decline in Eastern Europe and the Soviet Union. Pt. 1. The Influence of Demographic Factors//Population Studies. 1970. Vol. 24. N 1. Pts. 2 & 3. Economic and Social Factors and Family Planning and Population Policies//Population Studies. 1970. Vol. 24. N 2.
- ¹⁷⁸ *Besemeres J.* Population Politics in the USSR//Soviet Union. 1975. Vol. 2. N 1—2.
- ¹⁷⁹ *Besemeres J.* Socialist Population Politics: The Political Implications of Demographic Trends in the USSR and Eastern Europe. White Plains; N. Y., 1980.
- ¹⁸⁰ *Berliner I. S.* Economy and Family in the USSR: Colloquium, July 10, Wash., 1981. (Occasional Paper) Kennan Institute for Advanced Russian Studies.
- ¹⁸¹ *Berliner I.* Education, Labor-Force Participation, and Fertility in the USSR//Journal of Comparative Economics. 1983. Vol. 7. N 2.
- ¹⁸² *Bialer I.* The Politics of Stringency in the USSR//Problems of Communism. 1980. Vol. 29.
- ¹⁸³ *Blake J.* Are Babies Consumer Durables?//Population Studies. 1968. Vol. 22. N 1.

- ¹⁸⁴ *Bouvier L. F.* Planet Earth 1984—2034: a Demographic Vision//Population Bulletin. 1984. Vol. 39. N 1.
- ¹⁸⁵ *Brackett J. W.* The Evolution of Marxist Theories of Population. Marxism Recognizes the Population Problem//Demography. 1968. Vol. 5. N 1.
- ¹⁸⁶ *Chinn J.* Manipulating Soviet Population Resources. N. Y., 1977.
- ¹⁸⁷ *Clem R. S.* The Impact of Demographic and Socioeconomic Forces upon the Nationality Question in Central Asia//Nationality Question in Soviet Central Asia. N. Y., 1973.
- ¹⁸⁸ *Clem R. S.* The Changing Geography of Soviet Nationalities: Socioeconomic and Demographic Correlates//Garmish 80: Second World Congress for Soviet and East European Studies. Bochum, 1980.
- ¹⁸⁹ *Coale A. J., Anderson B. and Härm E.* Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century. New Jercey, 1979.
- ¹⁹⁰ *Colton T.* The Political Economy of Soviet New Towns: Conference on Soviet Construction and Urban Design. Wash., 1980.
- ¹⁹¹ Contemporary Soviet City/ed. by H. W. Morton and R. C. Stuart. N. Y., 1984.
- ¹⁹² *Cook R. S.* Soviet Population Theory from Marx to Kosygin. A Demographic Turning Point//Population Bulletin. 1967. Vol. 23. N 4.
- ¹⁹³ *Czap P. Y.* Russian History from a Demographic Perspective//Demographic Development in Eastern Europe. 1977.
- ¹⁹⁴ *Daly H. E.* A Marxian-Malthusian View of Poverty and Development//Population Studies. 1971. Vol. 25. March.
- ¹⁹⁵ *David H. P.* Family Planning and Abortion in the Socialist Countries of Central and Eastern Europe (a Compendium of Observations and Readings)//The Population Council. N. Y., 1970.
- ¹⁹⁶ *David H. P.* Abortion and Family Planning in the Soviet Union. Public Policies and Private Behaviour//Journal of Biosocial Science. 1974. Vol. 6. N 4.
- ¹⁹⁷ *David H.* Eastern Europe: Pronatalist Policies and Private Behaviour//Population Bulletin. 1982. Vol. 36. N 6.
- ¹⁹⁸ *Davis Ch. and Feshbach M.* Life Expectancy in the USSR//The Wall Street Journal. 1978. 20.VI.
- ¹⁹⁹ *Davis Ch. and Feshbach M.* Rising Infant Mortality in the USSR in 1970's//International Population Reports. Series P-95. 1980. N 74.
- ²⁰⁰ *Demko G.* Soviet Population Policy. Laxemburg, 1975.
- ²⁰¹ *Demko G. J.* Demographic Research on Russia and the Soviet Union: a Bibliographic Review and Evaluation//Demographic Developments in Eastern Europe. N. Y., 1977.
- ²⁰² *Desfosses H.* Population Policy in the USSR//Problems of Communism. 1973. Vol. 22. N 7. P. 41—55.
- ²⁰³ *Desfosses H.* Demography, Ideology and Politics in the USSR//Soviet Studies. 1976. Vol. 28. N 2.
- ²⁰⁴ *Desfosses H.* The USSR and the World Population Crisis//Demographic Developments in Eastern Europe. N. Y., 1977.
- ²⁰⁵ *Di Malo A. J.* The Soviet Union and Population — Theory, Problems and Population Policy//Comparative Political Studies. 1980. Vol. 13. N 1.
- ²⁰⁶ *Di Maio A.* Evolution of Soviet Population Thought: From Marxism-Leninism to Literaturnaja Gazeta Debate//Soviet Population Policy: Conflicts and Constraints. Oxford; Elmsford; N. Y., 1981.

- ²⁰⁷ *Dinkel R.* The Seeming Paradox of Increasing Mortality in a Highly Industrialized Nation: the Example of the Soviet Union// Population Studies. 1985. Vol. 39. N 1.
- ²⁰⁸ *Dreifelds I.* Demographic Trends in Latvia//Nationalities Papers. 1984. Vol. 12. N 1.
- ²⁰⁹ *Dunn S. P.* The Study of the Soviet Family in the USSR and in the West//Columbus (Ohio), 1977.
- ²¹⁰ *Dunn E.* Family, Childhood and Society Problems of Social Change and Socialization in the USSR//Garmish 80: Second World Congress for Soviet and East European Studies. Bochum, 1980.
- ²¹¹ *Dutton J.* Changes in Soviet Mortality Patterns, 1959—1977// Population and Development Review. 1979. Vol. 5. N 2.
- ²¹² *Eason W. W.* Labor Force. In Comparisons of the United States and Soviet Economics. Wash., 1959.
- ²¹³ *Eason W.* The Population of the Soviet Union//Population: the Vital Revolution. N. Y., 1964.
- ²¹⁴ *Eason W.* Demographic Divergencies at Republic Level//Regional Development in the USSR (NATO Colloquium 25—27 Apr., 1979, Brussels). Newtonville (Mass.), 1979.
- ²¹⁵ *Eberstadt N.* The Health Crisis in the USSR//The New York Review of Books. 1981. Vol. 28. N 2.
- ²¹⁶ *Eberstadt N.* Human Factors: Quality of Life: Overview//Soviet Economy in the 1980's: Problems and Prospects. Part 2. Wash., 1983.
- ²¹⁷ *Elnett E.* Historic Origin and Social Development of Family Life in Russia. N. Y., 1926.
- ²¹⁸ *Fairchild M.* The Status of the Family in the Soviet Union Today//American Sociological Review. Vol. 2. 1937. N 2.
- ²¹⁹ *Feshbach M.* Manpower in the USSR: a Survey of Recent Trends and Prospects//New Directions in Soviet Economy. 1966.
- ²²⁰ *Feshbach M., Rapawy S.* Labor Constraints in the Five Year Plan//Soviet Economic Prospects for the 70s. Wash., 1973.
- ²²¹ *Feshbach M., Rapawy S.* Soviet Population and Manpower Trends and Policies//Soviet Economy in a New Perspective. Wash., 1976.
- ²²² *Feshbach M.* The Structure and Composition of the Soviet Industrial Labor Force//The USSR Foreign Trade (NATO Colloquium 17—19 Jan. 1978 in Brussels, NATO Directorate of Economic Affairs). Brussels, 1978.
- ²²³ *Feshbach M.* Prospects for Outmigration from Central Asia and Kazakhstan in the Next Decade//Soviet Economy in a Time of Change. Vol. 1. Wash., 1979.
- ²²⁴ *Feshbach M., Davis Ch.* Rising Infant Mortality in the USSR// International Population Reports. Wash., 1980.
- ²²⁵ *Feshbach M.* Demography and Soviet Society: Social and Cultural Aspects (Colloquium paper delivered at the Kennan Institute for Advanced Russian Studies). The Wilson Center. Wash., 1981.
- ²²⁶ *Feshbach M.* The Soviet Union: Population Trends and Dilemmas//Population Bulletin. 1982. Vol. 37. N 3.
- ²²⁷ *Feshbach M.* Trends in the Muslim Population: Demographic Aspects//The Soviet Economy in the 1980s: Problems and Prospects. Part 2. Wash., 1983.
- ²²⁸ *Feshbach M.* Issues in Soviet Health Problems//The Soviet Economy in the 1980 s: Problems and Prospects. Part 2. Wash., 1983.
- ²²⁹ *Feshbach M.* Population and Labor Force//A. Bergson and H. Levine eds. Soviet Economy Toward the Year 2000. L., 1983.

- ²³⁰ *Feshbach M.* Trends in the Soviet Muslim Population: Demographic Aspects//The USSR and the Muslim World. L., 1984.
- ²³¹ *Feshbach M.* On Infant Mortality in the Soviet Union//Population and Development Review. 1984. Vol. 10. N 1.
- ²³² *Feshbach M.* The Age Structure of Soviet Population: Preliminary Analysis of Unpublished Data//Soviet Economy. 1985. Vol. 1. N 2.
- ²³³ *Fisher W. A., Khotin L.* Soviet Family Research//Journal of Marriage and the Family. 1977. N 39.
- ²³⁴ *Fisher W. A.* The Soviet Marriage Market: Mateselection in Russia and the USSR. N. Y., 1980.
- ²³⁵ *Fuchs R. J. and Demko G. J.* The Postwar Mobility Transition in Eeastern Europe//Geographical Review. 1978. Vol. 68.
- ²³⁶ *Fuchs R. J., Demko G. J.* Mobility and Settlement System Integration in the USSR//Soviet Geography. 1983. Vol. 24. N 8.
- ²³⁷ *Gidwitz B.* Demographic Trends in the Soviet Union//World Today. L., 1983. Vol. 39. N 6.
- ²³⁸ *Goodman A., Scleifer G.* The Soviet Labor Market in the 1980s//The Soviet Economy in the 1980s: Problems and Prospects. Part 2. Wash., 1983.
- ²³⁹ *Grandstaff P. J.* Recent Soviet Experience and Western «Laws» of Population Migration//International Migration Review. 1975. Vol. 9.
- ²⁴⁰ *Grandstaff P. J.* Interregional Migration in the USSR: Economic Aspects, 1959—1979. Durhan, 1980.
- ²⁴¹ *Gregory P. R.* Fertility and Labor Force Participation in the Soviet Union and Eastern Europe//Review of Economics and Statistics. 1982. Vol. 64. N 1.
- ²⁴² *Gregory P.* Fertility and Labor Force Participation in the Soviet Union and Eastern Europe//The Review of Economics and Statistics. 1982. Vol. 64. N 1.
- ²⁴³ *Gregory P.* Soviet Theories of Economic Demography: a Survey//Journal of Comparative Economics. Vol. 7. 1983. N 2.
- ²⁴⁴ *Hahn J. W.* Soviet Demographic Dilemmas//Problems of Communism. 1981. Vol. 30. N 5. P. 56—61.
- ²⁴⁵ *Hajda L.* Nationality and Age in Soviet Population Change//Soviet Studies. 1980. Vol. 32. N 4.
- ²⁴⁶ *Harris Ch. D.* Ethnic Groups in Cities of the Soviet Union//Geographical Review. 1945. Vol. 53. N 3.
- ²⁴⁷ *Harris Ch. D.* Cities in the Soviet Union: Studies in their Functions, Size, Density and Growth. Chicago, 1970.
- ²⁴⁸ *Harris Ch. D.* Urbanization and Population Growth in the Soviet Union, 1959—1970//Geographical Review. 1971. Vol. 1. N 1.
- ²⁴⁹ *Heer D. M.* Abortion, Contraception and Population Policy//Soviet Studies. 1965. Vol. 17. N 1.
- ²⁵⁰ *Heer D. M., Bryden J.* Family Allowances and Fertility in the Soviet Union//Soviet Studies. 1966. Vol. 18. N 2.
- ²⁵¹ *Heer D. M.* The Demographic Transition in the Russian Empire and the Soviet Union//Journal of Social History. 1968. Vol. 1. N 3.
- ²⁵² *Heer D.* Three Issues in Soviet Population Policy//Population and Development Review. 1977. Vol. 3. N 3.
- ²⁵³ *Heer D. M. and Youssef N.* Female Status Among Soviet Central Asian Nationalities: the Melding of Islam and Marxism and its Implications for Population Increase//Population Studies. 1977. Vol. 31. N 1.
- ²⁵⁴ *Heer D. M.* Population Policy//Contemporary Soviet Society: Sociological Perspectives. N. Y., 1980.

- ²⁵⁵ *Heer D.* Soviet Population Policy: Four Model Futures//Soviet Population Policy: Conflicts and Constraints. N. Y., 1981.
- ²⁵⁶ *Heer D. M.* Policy and Legislation Affecting Settlement of the Pacific Region: an Historical Comparison of the United States and the USSR//Comparative Social Research. 1984. Vol. 7.
- ²⁵⁷ *Heitings R.* A Comment of «The Soviet Population Wartime Losses and Postwar Recovery»//Soviet Studies. 1966. Vol. 18.
- ²⁵⁸ *Helgeson A.* Commentary//Regional Development in the USSR (NATO Colloquium, 1979, Brussels). Newtonville (Mass.), 1979.
- ²⁵⁹ *Hodnett G.* Technology and Social Change in Soviet Central Asia: the Politics of Cotton Growing//Soviet Politics and Society in the 1970s. N. Y., 1974.
- ²⁶⁰ *Hooson D.* The Outlook for Regional Development in the Soviet Union//Slavic Review. 1972. Vol. 31. N 3.
- ²⁶¹ *Hopper B.* Population Factors in Soviet Siberia//Limits of Land Settlement. N. Y., 1937.
- ²⁶² *Jones E., Grupp F.* Infant Mortality Trends in the Soviet Union//Population and Development Review. 1983. Vol. 9. N 2.
- ²⁶³ *Jones E., Grupp F.* Modernization and Ethnic Equalization in the USSR//Soviet Studies. 1984. Vol. 34. N 2.
- ²⁶⁴ *Juviler P. H.* The Urban Family and the Soviet State. Emerging Contours of Demographic Policy//Contemporary Soviet City. N. Y., 1984.
- ²⁶⁵ *Katz A., Rogers R. and Harned F., eds.* Handbook of Major Soviet Nationalities//N. Y., 1975.
- ²⁶⁶ *Kyniansky A.* Soviet Fertility. Labor Force Participation and Marital Stability//Journal of Comparative Economics. 1983. Vol. 7. N 2.
- ²⁶⁷ *Kutzik A. J.* Infant Mortality in the USSR/Antisovietism in the US//New World Review. Pt. 1. July — Aug. 1981; Pt. 2. Sept. — Oct. 1981.
- ²⁶⁸ *Lapidus-Warshovsky G.* Women in the Soviet Union. Berkely, 1978.
- ²⁶⁹ *Lapidus-Warshovsky G.* Women Work and Family in the Soviet Union. N. Y., 1982.
- ²⁷⁰ *Leasure J., Lewis R.* Internal Migration in the USSR — 1897—1926//Demography. 1967. Vol. 4. N 2.
- ²⁷¹ *Lewis R. A., Rowland R. H., Clem R. S.* Modernization, Population Change and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan//Canadian Slavonic Papers, Summer-Fall. 1975. Vol. 17.
- ²⁷² *Lewis R. A., Rowland R. H. and Clem R. S.* Nationality and Population Change in Russia and the USSR: an Evaluation of Census Data, 1897—1970. N. Y., 1976.
- ²⁷³ *Lewis R. A. and Rowland R. H.* East is West and West is East. Population Redistribution in the USSR and its Impact on Society//International Migration Review. 1977. Vol. 11. N 1.
- ²⁷⁴ *Lewis R. A. and Rowland R. H.* Population Redistribution in the USSR, its Impact on Society, 1897—1977. N. Y., 1979.
- ²⁷⁵ *Lewis R.* The Universality of Demographic Processes in the USSR//Geographical Studies on the Soviet Union in honor of Ch. D. Harris Department of Geography Research Paper, 1984. N 211.
- ²⁷⁶ *Lorimer F.* Recent Population Trends in the Soviet Union//American Sociological Review. 1944. Vol. 9. N 3.
- ²⁷⁷ *Lorimer F.* The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946.
- ²⁷⁸ *Lorimer F.* The Nature of Soviet Population and Vital Statistics//American Statistician. 1959. Vol. 7. N 2.

- ²⁷⁹ *Lubin N.* Uniform Population Policies and Regional Differences in the Soviet Union//Patterns of Policy: Comparative and Longitudinal Studies of Population Events. New Brunswick (New Jersey), 1979.
- ²⁸⁰ *Lubin N.* Women in Soviet Central Asia: Progress and Contradictions//Soviet Studies. 1981. Vol. 33. N 2.
- ²⁸¹ *Lubin N.* Labor and Nationality in Soviet Central Asia: an Uneasy Compromise. L., 1984.
- ²⁸² *Mace D., Mace V.* The Soviet Family. London; N. Y.; Doubleday, 1964.
- ²⁸³ *Mazur D. P.* Reconstruction of Fertility Trends for the Female Population of the USSR//Population Studies. 1967. Vol. 21. N 1.
- ²⁸⁴ *Mazur D. P.* Fertility among Ethnic Groups in the USSR//Demography. 1967. Vol. 4. N 1.
- ²⁸⁵ *Mazur D. P.* Birth Control and Regional Differentials in the Soviet Union//Population Studies. 1968. Vol. 22. N 3.
- ²⁸⁶ *Mazur D. P.* Expectancy of Life at Birth in 36 Nationalities of the Soviet Union: 1958—1960//Population Studies. 1969. Vol. 23. N 2.
- ²⁸⁷ *Mazur D. P.* Techniques for Estimating Basic Demographic Measures from Limited Data for the USSR: 1959—1960//International Population Conference. Vol. 2. London, 1969.
- ²⁸⁸ *Mazur D. P.* Using Regression Models to Estimate the Expectation of Life for the USSR//Journal of American Statistical Association. 1972. Vol. 67.
- ²⁸⁹ *Mazur D. P.* Fertility and Economic Dependency of Soviet Women//Demography. 1973. Vol. 10. N 1.
- ²⁹⁰ *Mazur D. P.* Constructing Fertility Tables for Soviet Populations//Demography. 1976. Vol. 13. N 1.
- ²⁹¹ *Moore W.* World Modernization: The Limits of Convergence. N. Y., 1979.
- ²⁹² *Moses J. C.* The Politics of Women and Work in the Soviet Union and the United States. Berkeley, 1983.
- ²⁹³ Nationalities and Nationalism in the USSR: a Soviet Dilemma. Wash., 1977.
- ²⁹⁴ *Newth J. A.* The Soviet Population Wartime Losses and the Postwar Recovery//Soviet Studies. 1964. Vol. 15. N 3.
- ²⁹⁵ *Notestein F.* The Future Population of Europe and the Soviet Union. Geneva, 1944.
- ²⁹⁶ *Notestein F. W.* Fundamentals of Population Change in Europe and the Soviet Union//Compass of the World. N. Y., 1944.
- ²⁹⁷ *Notestein F. W.* Population and Power in Postwar Europe//Foreign Affairs. 1944. Vol. 22. N 3.
- ²⁹⁸ *Parming T.* Population Changes in Estonia: 1935—1970//Population Studies. 1970. Vol. 26. N 1.
- ²⁹⁹ *Parming T.* Population Processes and the Nationality Issue in the Soviet Baltic//Soviet Studies. 1980. Vol. 32. N 3.
- ³⁰⁰ *Parsons J.* A Note on Economic Pronatalism with Special Reference to the USSR//Population and Development Review. 1982. Vol. 8. N 1.
- ³⁰¹ *Petersen W.* The Evolution of Soviet Family Policy//Problems of Communism. 1956. Vol. 5. N 5.
- ³⁰² *Petersen W.* The Evolution of Soviet Family Policy//Politics of Population. Doubleday Garden City, N. Y., 1964.
- ³⁰³ *Petersen W.* Population. London, 1961.
- ³⁰⁴ *Petersen W.* Population. 2nd edition. London, 1971.
- ³⁰⁵ *Petersen W.* Population. 3rd edition. N. Y., 1975.

- ³⁰⁶ *Petersen W.* Thoughts on Writing a Dictionary of Demography//Population and Development Review. 1983. Vol. 9. N 4.
- ³⁰⁷ *Ransel D. L., ed.* The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research. Urbana, 1978.
- ³⁰⁸ *Rapawey S., Baldwin G.* Demographic Trends in the Soviet Union: 1950—2000//The Soviet Economy in the 1980's: Problems and Prospects. Wash., 1983.
- ³⁰⁹ *Rowland R.* The Growth of Large Cities in the USSR: Policies and Trends, 1959—1979//Urban Geography. 1983. Vol. 4. N 3.
- ³¹⁰ *Rywkin M.* Religion, Modern Nationalism and Political Power in Soviet Central Asia//Canadian Slavonic Papers. 1975. Vol. 17. N 2—3.
- ³¹¹ *Rywkin M.* Central Asia and Soviet Manpower//Problems of Communism. 1979. Vol. 28. N 1.
- ³¹² *Rywkin M.* Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. Armonk. N. Y., 1982.
- ³¹³ *Rywkin M.* The Political Implications of Demographic and Industrial Developments in Soviet Central Asia. Paper submitted to the United States Department of State, Office of External Research. Wash., 1983.
- ³¹⁴ *Sacks M. P.* Work and Equality in Soviet Society: The Division of Labor by Age, Gender and Nationality. N. Y., 1982.
- ³¹⁵ *Shabad T.* Some Aspects of Central Asian Manpower and Urbanization//Soviet Geography. 1979. Vol. 20. N 2.
- ³¹⁶ *Shabad T.* Urbanization and Internal Migration in the Soviet Union in the 70s//Garmish 80: Second World Congress for Soviet and East European Studies. Bochum, 1980.
- ³¹⁷ *Shabad T.* Population Trends in Soviet Cities, 1970—84//Soviet Geography. 1985. Vol. 26. N 2.
- ³¹⁸ *Sheechy A.* Some Aspects of Regional Development in Soviet Central Asia//Slavic Review. 1972. Vol. 3. N 3.
- ³¹⁹ *Shorish M.* Soviet Development Strategies in Central Asia//Canadian Slavonic Papers. 1975. Vol. 17. N 2—3.
- ³²⁰ *Silver B.* Methods of Deriving Data on Bilingualism from the 1970 Soviet Census//Soviet Studies. 1975. Vol. 27. N 4.
- ³²¹ *Silver D. D.* Population Redistribution and the Ethnic Balance in Transcaucasia//Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional Paper. Wash., 1980. N 2.
- ³²² *Socialist Writers on Population//Keyfitz N.* Population Change and Social Policy. Cambridge (Massachusetts), 1982.
- ³²³ *Somerville R. M.* Counting Noses in the Soviet Union: The 1939 Census//American Quarterly on the Soviet Union. 1940. Vol. 3. N 2—3.
- ³²⁴ *Soviet Fertility and Labor Force Behaviour//Journal of Comparative Economics.* N. Y.; L., 1983. Vol. 7. N 2.
- ³²⁵ *Soviet Population Policy: Conflicts and Constraints.* Elmsford. N. Y., 1981.
- ³²⁶ *Stuart R. C., Gregory P. R.* A Model of Rural-Urban Migration in the Soviet Union//Social and Economic Development and Cultural Change. 1977. Vol. 26.
- ³²⁷ *Szymansky A.* On the Uses of Disinformation to Legitimize the Revival of Cold War: Health in the USSR//Science and Society. 1982. Vol. 45. N 4.
- ³²⁸ *Sweeny J.* Regional Patterns of Urban Growth in the USSR//Geography. 1984. Vol. 69. Part 2. N 303.
- ³²⁹ *Vonfrank A.* Soviet Marxism and Population Policy//Sociological Spectrum. 1984. Vol. 4. N 2—3.

³³⁰ *Weber C., Goodman A.* The Demographic Policy Debates in the USSR//Population and Development Review. 1981. Vol. 7. N 2.

³³¹ *Whitehouse F. D.* Demographic Aspects of Regional Economic Development in the USSR//The Soviet Economy in a Regional Perspective. N. Y., 1973.

³³² *Wixman R.* Recent Assimilation Trends in Soviet Central Asia//The Nationality Question in Soviet Central Asia. N. Y., 1973.

³³³ *Wixman R.* Demographic Trends Among Soviet Moslems (1959—1979)//Soviet Geography. 1984. Vol. 25. N 1.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ	12
1. Основные теоретические направления демографических исследований	—
2. Демографическое развитие многонационального государства в работах буржуазных ученых	30
3. Концепции рождаемости	38
4. Концепции миграции	54
5. Динамика средней продолжительности жизни в концепциях советологов	70
Глава 2. ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР В ОСВЕЩЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	83
1. Перспективы и последствия этнической дифференциации рождаемости	84
2. Перспективы и последствия миграционных процессов	97
3. Демографическая политика в СССР в интерпретации американских исследователей	118
Глава 3. РАЗВИТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР В ОСВЕЩЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
ПРИЛОЖЕНИЕ	171
ЛИТЕРАТУРА	177

Журавлева Н. И.

Ж91 Антисоветизм буржуазной демографии. — М.: Мысль, 1987. — 189, [2] с. — (Критика буржуаз. идеологии и ревизионизма).

1 р. 10 к.

Работа посвящена критическому анализу современных исследований буржуазных ученых по вопросам народонаселения СССР. Показана теоретическая несостоятельность буржуазных концепций рождаемости, миграции, динамики смертности в СССР. Дается критика взглядов американских советологов на перспективы и последствия демографических процессов в СССР. Анализируются буржуазные представления о развитии советской демографической науки.

Ж 0703000000-089
004(01)-87 28-87

ББК 60.7

Наталья Ивановна Журавлева

**АНТИСОВЕТИЗМ
БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОГРАФИИ**

Заведующий редакцией В. П. Томин

Редактор И. М. Кирсанова

Младший редактор Е. В. Зотова

Оформление художника В. П. Григорьева

Художественный редактор Н. В. Илларионова

Технический редактор Т. В. Лячина

Корректор Г. С. Михеева

ИБ № 3086

Сдано в набор 29.09.86. Подписано в печать 2.02.87.

A09016. Формат 84×108¹/₂. Бум. типографская № 1. Литературн. гар.

Высокая печать. Усл. печ. листов 10,08. Усл. кр.-отт. 10,30.

Учетно-издательск. листов 11,62. Тираж 9 000 экз. Заказ № 623. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15

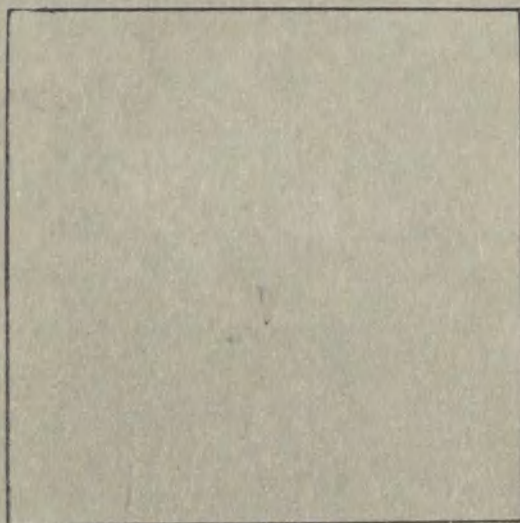
Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

1 р. 10 к.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА